

Рождественский журнал
vol. one

Рождественский журнал. Vol. 1

Иллюстрация на обложке: [MarvelMaros](#) x AI

Иллюстрации в журнале: [MarvelMaros](#) x AI, [ДракоТигра](#) x AI

Флипбук: [вяз и чешуя](#)

Вёрстка текста: [ахс](#)

Организация: [Pretty Dramione](#)

Все права защищены и принадлежат правообладателям. Журнал предназначен для распространения исключительно в электронном формате без извлечения прибыли. Никакая часть данного журнала не может быть скопирована или воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения организатора.

16+

Возрастная маркировка в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Содержание

1. Глинтвейн, гирлянды и рождественское чудо.....	<u>4</u>
2. Тыквенное семечко.....	<u>44</u>
3. Счастливого Рождества, мисс Грейнджер.....	<u>60</u>
4. Viola tricolor.....	<u>76</u>
5. Яблоки в карамели.....	<u>88</u>
6. Не по книгам.....	<u>102</u>
7. Дары Бахуса.....	<u>116</u>
8. Склеивая традиции.....	<u>140</u>
9. Всё хорошо, любовь моя.....	<u>154</u>

Глинтвейн, мэрляндзе
и рождественское лудо

Снег ложился на Лондон не как нежное и тёплое прикосновение, а как саркастическое примечание. По крайней мере, именно так это выглядело в глазах Драко Малфоя — ведущего специалиста, успешно строящего свою карьеру в отделе магических связей великого и прекрасного Министерства Магии.

Не подумайте, что он внезапно вспылал любовью к людям, общению и магическим связям — нет, конечно. Это всё идея Люциуса. Даже из Азкабана отец умудрялся контролировать его жизнь, пусть и не в полной мере.

«Нужно восстанавливать репутацию, Драко».

«Драко, ты не можешь всю жизнь заниматься этими бессмысленными вещами, твоя обязанность — защищать семью».

Так Драко Люциус Малфой вернулся к общественной деятельности, людям и политике. От людей у него временами чесались руки, от политики — лоб, но в остальном он справлялся. В основном — с помощью кофе, дорогих костюмов и способности притворяться, будто ему действительно не всё равно.

Он прибыл в Министерство раньше, чем снег начал намертво прилипать к брусчатке. Прошёл через главный вход, проигнорировав приветствия, которые звучали с той натянутой вежливостью, какая всегда сопутствовала фамилии «Малфой». Направился в лифт, нажал нужную кнопку и, пока кабина медленно двигалась вниз, мысленно прокручивал утреннее совещание. Взять отчёты, избегать вопросов о рождественском бале, не спорить с Поттером. Желательно. Он ещё не знал, что в этом списке следовало бы первым пунктом написать: «Не попасть в засаду».

Совещание в конференц-зале началось ровно в девять, а в девять ноль одну в него влетела, словно ураган, сметающий всё на своём пути (в том числе и напускное спокойствие Драко), Гермиона Грейнджер.

Золотая девочка, лучшая сотрудница своего отдела, всегда выполняющая работу на твёрдое «отлично», словно до

сих пор готовится к ЖАБА в Хогвартсе. Что-то в этой жизни остаётся неизменным. Разве что теперь её волосы были не столь пышными, движения — чуть более сдержанными, а взгляд... по-прежнему колюче-пронзительным, когда он задерживался на Малфое.

Гермиона, отдышавшись и бросив тихое «извините за опоздание», заняла своё место за длинным овальным столом подле Гарри Поттера, смущённо ему улыбнулась и пригласила волосы. Поттер кивнул ей, шепотом говоря, что все в порядке, и на мгновение в зале повисла тишина.

Все ждали Тонкс.

— Она что, опаздывает? — раздался тихий голос одной из сотрудниц, в тайне надеющейся на отмену совещания и начавшиеся раньше срока рождественские выходные.

— Не опаздываю, а создаю напряжение, — раздалось с порога.

Нимфадора Тонкс вошла в кабинет, неся с собой аромат крепкого кофе, неформального хаоса и что-то, отдалённо напоминающее рождественское настроение, если последнее скрестить с угрозой. На ней был свитер с переливающимся голографическим гусём, надпись «Гусь — за попу кусь» поблёскивала при каждом движении.

Тонкс хищно улыбнулась всем присутствующим, вызывая табун мурашек от ужаса даже у самых смелых сотрудников, и открыла папку с планом сегодняшнего совещания.

— Всех с наступающим Рождеством, пупсики, — нараспев произнесла она, вглядываясь в бумаги. — Давайте быстро разберёмся с текущими делами и приступим к работе.

На этих словах Поттер чуть слышно застонал. Гермиона вытянулась в кресле, предвкушая новые задачи. Малфой выразительно закатил глаза в потолок и молча проклял магическое равноправие, в результате которого Тонкс заняла должность руководителя отдела.

— Итак, пункт первый. Инцидент с самонадувающимися ёлочными шарами в Дорсете. Грейнджер, отчёт?

— Отправили специалистов, наложили ограничивающее

заклинание, один шарик взорвался в процессе. Без пострадавших, но дом семьи Раттер был частично украшен против воли, — чётко доложила Гермиона.

— Против воли — это трагедия, — сочувственно кивнула Тонкс. — Хорошо. Поттер, аврорату удалось разобраться с поддельными рождественскими пожеланиями в Косом переулке?

— Да, это были зачарованные открытки. Когда их открывали, они начинали орать голосом Снейпа. Несколько детей услышали, пришлось извиняться перед родителями, — мрачно ответил Гарри.

— Надеюсь, громче всего он кричал «Поттер!», — насмешливо проговорил Драко, даже не поднимая взгляда от своих пергаментов.

— Да пошёл ты, Малфой, — отозвался Поттер без лишней злости. Это была скорее сезонная традиция.

— Дети мои, ведите себя прилично. Мисс Грейнджер, умоляю, погладьте их за ушком, они оба линяют, — вмешалась Тонкс с театральным вздохом, продолжая листать бумаги. — О, вот оно. Пункт шестой. Особое рождественское поручение.

Она хитро улыбнулась, скрестила пальцы на папке и подняла глаза.

— Отдел магической интеграции в этом году решил быть особенно добрым и особенно навязчивым. У них там... инициатива. Хотят объединить усилия с нашим отделом и, цитирую, «принести немного магии в сердца тех, кто остался без внимания». На самом деле, у них просто временно нет зрителя.

Тонкс сделала паузу. Все притихли.

— Они про приют? — медленно спросила Гермиона.

— Они про приют. И у нас есть два не-добровольца, — с той же почти невыносимой радостью сообщила Тонкс. — Грейнджер. Малфой.

— Вы с ума сошли, — сказал Драко, не повышая голоса, но в каждом слове читалось всё. Презрение. Отчаяние. Нежелание нюхать сиротские носки.

— Боишься заразиться добродетельностью? — вскинула брови Гермиона. — Или мы на стадии «я слишком важен, чтобы помогать сиротам»?

— Я слишком важен, чтобы быть рождественской феей, — сквозь зубы выдал Драко. — Что там дальше? Наряжать ёлку? Читать сказки на ночь пикси? Петь?

— Мерлин, помоги, надеюсь, петь ты не будешь. Дети всё-таки уже достаточно травмированы, — отозвалась она с ледяной вежливостью.

— О, да, без Грейнджерского морализаторства их Рождество точно будет неполным, — съязвил он.

Тонкс, не поднимая взгляда, отхлебнула кофе.

— Обожаю, когда начинается предрождественская магия, — пробормотала она. — Так и хочется повесить гирлянду между вами и поджечь.

Поттер хмыкнул. Кто-то, подозрительно похожий на Падму Патил, судорожно закашлялся в кулак, скрывая смех.

— Учитывая, что вы оба *добровольцы*, — с акцентом на последнем слове продолжила Тонкс уже громче, — мы направим вас в приют «Тёплый хвостик». Это благотворительное учреждение, где содержатся подкинутые и спасённые магические существа, а не дети. И, прежде чем Малфой устроит истерику, подкину дров — там есть гусь.

Она ехидно хихикнула, наблюдая за тем, как вытянулось в недоумении лицо Драко. Раздались сдержанные смешки присутствующих. Тонкс двумя точными бросками передала Гермионе и Малфою по папке, в которой была вся информация по жителям приюта и детали их рождественской миссии.

— Вы издеваетесь, — прошипел он.

— Он вёл себя подозрительно, — философски заметила Тонкс. — И да, там будет проводиться рождественская ярмарка, которую мы спонсируем, потому что Министерство, знаете ли, тоже хочет казаться добрым.

— Почему мы? — Гермиона сложила руки на груди.

— Потому что вы идеальный контраст, — пояснила Тонкс.
— Ты — воплощение организованности и здравого смысла. Он
— ... Драко Малфой.

— Я чувствую себя обескураженно, — протянул Драко.
— Почти так же, как после наложенного на меня Петрификуса
на встрече с домовыми эльфами, — он злобно зыркнул на Гарри,
припоминая его конфуз. Поттер ухмыльнулся и пожал плечами.

— Ты будешь прекрасен, — заявила Тонкс. — Грейнджер,
распиши всё, что вам нужно. Малфой, не сдохни. Завтра утром
вас там ждут. Всё. Совещание окончено.

Она скомкала бумаги, швырнула их в мусорную корзину,
встала и направилась к двери, легко перескакивая через чью-то
сумку. По пути подмигнула Поттеру.

— Кто-нибудь, умоляю, налейте мне глинтвейн.
Или вермут. Главное — в кружку с надписью «*Лучший
руководитель*».

Драко медленно повернулся к Гермионе.

— Надеюсь, ты умеешь успокаивать гусей.

— Надеюсь, ты умеешь хотя бы раз в жизни работать в
команде.

— Мне? Работать? *С тобой?*

— Добро пожаловать в рождественскую сказку, — сладко
проговорила она и резко встала из-за стола, оставляя за собой
лёгкий запах перечной мяты и раздражения.

Министерская столовая, 12:47

— Да как так-то, Гарри? — Гермиона разрежала пирог с
такой яростью, будто собиралась допросить его под сывороткой
правды. — Мы же договаривались! Я в этом году не волонтёрю.
Я заслужила отдых. Съездить в Бристоль. Полистать
«Теоретические основы рунической алгебры». А не гусятину с
Малфоем спасти!

— Гуся, Гермиона, одного, — поправил Гарри, пододвигая
к себе чай. — И ты же знаешь Тонкс. Это не обсуждается. Это...
квест. Командная работа. Моральное очищение.

— Командная работа с человеком, который называет меня «гриффиндорской девственницей нравов»?

— Это даже не звучит как оскорбление, — заметил Рон, откусывая пирожок. — Это скорее... странный комплимент. Или извращение. А может, оба.

— Он делает это каждый раз, — простонала Гермиона. — Переиначивает любые мои слова, скручивает логику в узел, ставит под сомнение решения, и при этом всем вокруг кажется, что он шутит!

— Ну, ты тоже не подарок, — философски сказал Гарри. — Ты когда в последний раз просто кого-то впустила в проект без контрольной таблицы?

— Когда мне не ставили в напарники ходячее эго с сигаретой, — буркнула она. — Хотя нет. Тогда тоже была таблица.

— Я помогу с товарами для ярмарки, — предложил Рон. — У нас в лавке как раз новые фейерверки «Слизеринский привет» пришли.

— Они оглушают или поджигают?

— По ситуации, — с гордостью ответил Рон.

Кабинет Малфоя, 12:49

Драко сидел, закинув ноги на письменный стол, и медленно выпускал кольца дыма в потолок. Окно было приоткрыто — ровно настолько, чтобы снег летел прямо на подоконник, но недостаточно, чтобы кто-то мог обвинить его в нарушении температурного режима.

На столе копилась куча бумаг. Он их старательно игнорировал. Там была папка с пометкой «прият». Её он ненавидел особенно искренне.

— Гусевод, — проговорил он вслух, пробуя это слово на вкус. — Господин Гусевод. Специалист по гусеведению. Драко Малфой — эксперт по пернатым и моральным страданиям.

Он стукнул сигарету о край пепельницы, посмотрел на неё и с каким-то почти театральным презрением отложил.

— Грейнджер. Конечно. Кто же ещё? Не Поттер, не Финниган, не кто-нибудь, кого можно проигнорировать. Именно она. С блокнотом, расписанием, моральными принципами и осуждением. Как елка, украшенная особыми шарами — «я-то лучше знаю», «так правильно», «ты опять всё испортил».

Он встал, подошёл к окну и посмотрел вниз, на заснеженную улицу.

— Мне казалось, я отработал своё наказание, — бросил он в пространство. — Но, видимо, Министерство считает иначе.

Он выпустил последнее кольцо дыма, щелчком отправил окурочок в окно и направился к вешалке.

На случай, если гуси начнут нападение — лучше быть при галстук.

На следующий день, приют «Теплый хвостик», 8:45

Снег под ногами Гермионы мерзко хрустел. Такой, знаете, уверенный, агрессивно-зимний хруст — как будто мороз демонстрировал, кто тут главный. Она стояла у калитки приюта уже пятнадцать минут, переминаясь с ноги на ногу, и не решалась войти. Не потому что боялась. Потому что *Драко Малфой опаздывал*, а она, будь проклята её пунктуальность, пришла на место к назначенному времени. А ещё потому что у неё был план: войти вместе, обозначить позиции, установить рабочие рамки и — главное — не убить его в процессе.

В руках у Гермионы был термос с какао. Её любимый: зачарованный, с руной подогрева, маленькими снежинками на крышке и уютной лавандовой обмоткой, которую она связала сама. Она собиралась держать его как щит — магический барьер против цинизма, высокомерия и любых упоминаний «гусятника» со стороны Малфоя.

Хлоп.

Звук аппарирования раздался прямо за её спиной. Он всегда так делает — будто специально, чтобы выбить из равновесия.

— Доброе утро, Грейнджер, — раздалось с очевидным удовольствием.

Драко Малфой стоял перед ней, ухмыляясь, с кофе в одной руке и в своём длинном, дорогом пальто, с идеально уложенными волосами, словно вышел с фотосессии для зимнего выпуска «Ежедневного Пророка».

— Ты опоздал, — отрезала она.

— Я прибыл в свой *темпоральный комфорт*, — парировал он. — Ты просто пришла заранее. Наверняка, чтобы проверить санитарные нормы у птиц?

Гермиона стойко промолчала. Он сделал глоток и глянул на её термос.

— Что у тебя там? Настойка из принципов?

— Какао. С маршмеллоу, если тебе это так важно, — сказала она, демонстративно отхлебнув.

— Разумеется, — кивнул он с лёгким отвращением. — Ужасно типично.

— Не так типично, как твой кофе с ванилью.

— Угадала, — ответил он с фальшивой серьёзностью. — Малфой всегда добавляют ваниль в моменты морального унижения.

Они молча смотрели друг на друга, пока ворота не скрипнули, открываясь сами по себе.

— *Это не я*, — сказали они хором.

Они ещё пару секунд стояли на месте, перед тем как направиться в раскрытые двери небольшого коттеджа, уже украшенного всеми возможными рождественскими украшениями.

Тепло. Это первое, что почувствовала Гермиона, перешагнув порог. После резкого утреннего мороза помещение показалось почти летним: тепло, пахнет печеньем и... гусятиной?

Пока она пыталась идентифицировать аромат, к ней навстречу шлёпнула своими маленькими ножками розовая фигурка.

— Мисс Грейнджер! — радостно пискнул голос, от которого у Драко чуть не вылетел кофе из рук. — Вы пришли!

Эльфийка была крошечной, с огромными глазами и торчащими ушами, на кончике одного из которых висел колокольчик. На ней была вязаная шапка с розовым помпоном, а поверх зелёного комбинезона — шерстяной шарф с узором в виде носков.

— Здравствуй, Тикки, — улыбнулась Гермиона, присаживаясь на корточки. — Как ты подросла!

— Я теперь главная помощница по Рождественскому магическому настроению, — с гордостью объявила эльфийка, надувая крошечную грудь. — У меня есть график, список дел и... — она понизила голос и заговорщицки шепнула: — даже своя тумбочка.

— Потрясающе, — произнёс Драко с выражением лица, будто его заставили слушать лекцию по подбору мантии и этикету.

Тикки подняла на него взгляд.

— А это кто? Он с вами?

— К несчастью, да, — ответили Гермиона и Драко одновременно, после чего оба нахмурились.

— Он красивый, но ворчливый, — заметила эльфийка. — У нас таких павлинов было четверо.

И с этими словами она исчезла вглубь коридора, оставив за собой шлейф запаха печенья и ритуального унижения.

— Она назвала меня... павлином? — уточнил Драко, моргнув и с таким видом посмотрев на Гермиону, будто та лично заказала это оскорбление у Тикки за пару галлеонов и баночку сливочного пива.

— Угу, — кивнула Гермиона, стараясь сохранить серьёзность, но губы у неё предательски подрагивали. — Тебе идёт.

— Чудесно, блять, просто чудесно, — мрачно констатировал Малфой, отпивая свой кофе и старательно не замечая, как Гермиона почти захлебнулась от смеха. — Надеюсь, в этом богадельном зверинце нет настоящих павлинов. А то начнется борьба за территорию.

Приют оказался больше, чем казался снаружи: два этажа,

просторная гостиная, волшебно поддерживаемый камин и длинный коридор, в котором пахло одновременно мятой, пылью, корицей и старым деревом. Над перилами лестницы висели скрученные вручную гирлянды из сухих апельсинов и колдовских леденцов. Из-за поворота доносился чей-то ленивый топот.

— Удивительно уютно, — тихо заметила Гермиона, поправляя шарф. — Особенно для бюджета Министерства.

— Возможно, они воруют финансирование у отдела регулирования магических популяций, — мрачно отозвался Драко. — Или получают рождественские пожертвования от старых дам с совами.

— Или, — она остановилась и повернулась к нему, — тут просто работают люди, которым не плевать.

— Мм. Как скучно.

Раздался звук.

Он был... хриплый. Властный. Немного возмущённый и абсолютно неуместный в этой идиллии. Будто кто-то, кому не понравилось всё, от аромата корицы до лица Драко Малфоя.

— Что это? — спросил он, щурясь в темноту коридора.

Гермиона приподняла бровь.

— Звучит, как...

Га.

Га-га.

ГА.

Из-за угла, цокая когтями по деревянному полу, вышел Гусь. Настоящий. Белый. Синие ленточки на шее. Уверенная походка политика. Уставившийся прямо на Драко взгляд, полный презрения, которое нечасто встретишь у водоплавающей птицы.

Драко застыл.

— Ну хоть не павлин, — пробормотал он.

Гусь подошёл к нему вплотную, внимательно осмотрел с ног до головы, громко гагакнул и... *клюнул его в ботинок.*

Гермиона захихикала.

— Он тебя одобряет.

- Он покусал мою обувь!
- Это форма одобрения в его культуре.
- Он психопат с перьями!
- И у него отличный вкус.

Гусь снова гагакнул, гордо развернулся и отошел от уязвленного Малфоя на небольшое расстояние.

Драко смотрел ему вслед с выражением человека, впервые всерьёз задумавшегося об увольнении по собственному желанию.

- Я ненавижу Рождество. И гусей.
- Уверена, у вас это взаимно, — отозвалась Гермиона.

За их спинами вдруг послышался шорох и тихий писк, заставивший обоих обернуться. На пороге гостиной стояла Тикки, потирая ушибленный локоточек.

— Вы уже познакомились с Норманом, мисс Грейнджер? — мгновенно забывая о боли в маленькой ручке, засветилась эльфийка. — Он тут главный. У нас демократическая модель управления, но он считает, что я работаю у него.

Норман фыркнул (да-да, фыркнул), развернулся и важно удалился, демонстрируя всем свой широкий зад и авторитет.

— По крайней мере, хоть у него хвост подходящий, — буркнул Драко. — А я, выходит, просто декоративный павлин для эстетического диссонанса.

Гермиона прыснула в кулак.

— Прошу, — сказала Тикки, распахивая широкую дверь, — это наша основная игровая, склад ёлочного ужаса и одновременно будущий центр операции «Рождественское счастье».

Помещение оказалось больше, чем можно было предположить снаружи: высокие потолки, волшебные гирлянды в ленивой дрёме висели вдоль стен, несколько криво стоящих коробок с надписями вроде «Игрушки (безумные)» и «Пикси — осторожно» пылились в углу. Ёлка стояла почти посередине, пока ещё лысая, кривая, но, судя по висящим на ней паре сосисок на нитке — процесс уже был запущен.

— Мы это... точно успеем до Рождества? — осторожно спросила Гермиона, примерно прикидывая фронт работы.

— Думаю, что нет, — фыркнула Тикки. — Но у нас есть план: сделать вид, что всё под контролем, и довести до ума хотя бы то, где будут ходить гости.

— Сразу видно, что ты давно в деле, — одобрительно заметил Драко.

— Спасибо, мистер Драко, — Тикки кивнула, будто он только что назвал её магистром политической алхимии. — У нас уже есть план действий, чтобы вам было легче сориентироваться здесь.

Тикки щелкнула пальцами и перед ней материализовались два пергамента со списком дел, которые тут же были отлеветированы прямо в руки Гермионе и Драко.

Вздыхнув с тяжестью, Малфой пробежался глазами по списку.

Распаковать коробки с декором, рассортировать.

Проверить магическую устойчивость гирлянд. В прошлом году одна из них выдала проклатие уровня «Авада-но-но».

Разобрать пакетики с подарками, на которых почему-то написано: «от Северуса». Подозреваю — шутка от магазина Уизли.

Установить праздничную защиту периметра: барьеры, чтобы никто не взрывался от перенапряжения радости. Это, кстати, важно.

Не наступать на Нормана. Ни при каких обстоятельствах.

— А мы можем выбрать, кто чем займётся? — осторожно уточнила Гермиона.

— Конечно, — мило улыбнулась Тикки. — Главное, чтобы результат был. Я пошла варить огненное какао для Ириса. Это наш старый феникс, всё никак не хочет перерождаться, — с тоской заметила эльфийка, поджав ушки. — Удачи, мисс Грейнджер, мистер Драко.

Домовиха исчезла с тихим хлопком, оставив их вдвоем в пыльной кладовой. На пару секунд повисла тишина.

— Ну что, павлин, ты возьмешь гирлянды или проклятые

посылки? — спросила Гермиона, уже разворачивая первый попавшийся и визуально безопасный короб.

— Я предпочёл бы обморок. Или временную смерть. Но... гирлянды, наверное. Они хотя бы не подписаны именем мёртвого зельевара.

— Это мы ещё посмотрим, — пробормотала Гермиона и потащила на себя коробку с надписью «Подарки от Поттера Санты».

— Эта штука не открывается, — буркнул Драко, пытаясь распаковать коробку с зачарованными игрушками. — Кажется, она обижена. Или проклята. Или и то, и другое.

— Она не обижена, она заколдована на сохранность. Нужно провести вдоль шва палочкой и сказать «*Aperi Festum*». — Гермиона даже не посмотрела, занятая сортировкой гирлянд. — Это же элементарно.

— Спасибо, профессор, — он выделил слово так, что оно прозвучало одновременно как комплимент, обвинение и лёгкая насмешка. Но сделал, как сказали. — *Aperi Festum*.

Коробка не просто открылась — она развернулась, как книжка-раскладушка, мгновенно раскидав вокруг снежные шары, колокольчики, мимически неустойчивых оленей и одну странную игрушку, которая, казалось, следила за всеми с подозрением.

— Ох, Мерлин, — выдохнула Гермиона, когда один из шаров покатился прямо к её ногам. — Это же... Это ещё из коллекции 60-х. Посмотри — с вышивкой вручную! Кто вообще... — она подняла взгляд и замолчала.

Драко стоял с одним из оленей в руках. Олень шевелил ушами, моргал и издавал жалобное «бе-е-е», явно перепутав рождественскую концепцию. Малфой смотрел на игрушку с выражением такого отчаяния, будто держал на руках собственную испорченную родословную.

— Он смотрит в душу, — медленно сказал он.

— Это, наверное, потому что ты пытаешься ему оторвать ухо, — заметила Гермiona, подходя ближе.

Она осторожно провела пальцем по корпусу игрушки, слегка подкрутила механизм — олень пискнул и замер, превратившись в обычную плюшевую фигурку. Драко поднял бровь.

— Не знал, что ты умеешь разоружать олени артефакты. Очень узкая специализация.

— А я и не знала, что ты боишься мягких игрушек. Ещё немного — и ты заплачешь, Малфой.

— Я не плачу. Я просто... глубоко сочувствую абсурду происходящего.

Они оба рассмеялись. Ненадолго. Но этого хватило, чтобы воздух в комнате стал чуть теплее.

Внезапно за их спинами послышался шорох, треск, разрушая магию момента и заставивший вздрогнуть обоих. Гермiona с Драко тревожно переглянулись, прежде чем оглянуться. В этот момент комната осветилась яркими разноцветными огнями, словно кто-то включил диско-шар — не хватало только громкой музыки.

На их глазах из жалкого осыпавшегося дерева в углу выросла... живая ёлка. Зеленые иголки заискрились цветом, покрывая сухие безжизненные ветки, ствол выпрямился, а на верхушке дерева материализовалась настоящая рождественская звезда. И это была не просто ёлка, а сама воплощённая ёлочная истерия: ветки дергались, иголки искрились, а вместо мордочки — широкая «улыбка» из мерцающих гирлянд.

— Ну вот, — пробормотал Драко, — теперь я понимаю, почему Министерство так боится магических существ. Этот явно псих.

Гермiona скептически прищурилась:

— Ты хочешь сказать, что у нас теперь есть новогодний монстр, который живет в приюте? Отлично. Можно я подожду, пока ты с ним поговоришь?

Ёлка, будто поняв, что её игнорируют, вдруг вздрогнула и, с громким треском, забросала их сверкающими шариками.

Гермиона ловко увернулась, а Драко нехотя протянул руку, чтобы поймать один из них — на всякий случай.

— Ну что ж, — сказал он, — если эта ёлка ещё и разговаривает, я начинаю верить, что праздники — это магия в чистом виде, но гораздо более жуткая.

— Что тут происходит?! — раздался тоненький голосок эльфийки. Тикки остановилась на пороге, прижав к себе поднос с кружками.

— Ай-ай-ай, снова эта елка! — простонала она, торопливо поставив поднос на ближайшую полку и подбежав к дереву. — Простите, мистер Драко, мисс Грейнджер, она совсем не хотела пугать! Просто радовалась, что к нам гости пришли. . .

Ёлка мигнула гирляндами, виновато сложив ветки на манер лап.

— Радовалась? — повторил Драко с выражением «*да вы тут все с ума сошли*». — Она пыталась меня удушить гирляндой.

— Она хотела вас порадовать, — пискнула Тикки робко. — Она очень ласковая. . . когда не нервничает.

Гермиона выдохнула, прикрыв лицо ладонью.

— А что её нервирует?

— О-ой, — Тикки замялась. — Громкие голоса. Внезапные движения. Ну и. . . блондины в дорогой одежде.

Драко медленно повернулся к Гермионе.

— Потрясающе. Я официально дискриминируем ёлкой.

— Я сейчас выведу её в сад, пусть там поостынет, — затараторила Тикки, уже увлекая ёлку за ветку. — Всё хорошо, дорогие гости, комната уже готова, чай почти заварился, а гусь. . . гусь под контролем. Почти.

— Что с гусём? — подозрительно спросила Гермиона, но Тикки уже исчезла вместе с ёлкой в коридоре, оставив после себя только тонкий запах хвои.

Коллеги переглянулись в очередной раз, не зная, как реагировать на этот рождественский артхаус. Безмолвно договорившись о перерыве (иначе у кого-то из них точно из ушей повалит не дым, а блестящая мишура), они направились в комнату отдыха.

В комнате было уютно, не смотря на всю взбалмошность местного контингента: камин потрескивал, переливаясь всеми оттенками красного и оранжевого, создавая теплую и сказочную атмосферу. Всё уже было украшено необходимой атрибутикой: на каминной полке висели носки, на окнах — витражи в виде снежинок, а на креслах лежали накидки с северными оленями и Сантой.

— Мило, — хмыкнул Драко, осматривая одну из книжных полок у камина. Там тоже было полно рождественского духа: статуэтки, веточки омелы и даже маленькие движущиеся фигурки елочек.

Гермиона молча прошла следом и с усталым вздохом опустилась в кресло, взглянув на часы.

— Прошло только три часа, а ощущение, что вечность, — простонала она. Между креслами стоял небольшой кофейный столик, на котором покоился поднос, приготовленный Тикки. Чай ароматно дымился, донося до присутствующих запах апельсина, корицы и чабреца.

Гермиона взяла чайник, наполнила две забавные чашки с изогнутыми бело-красными тростями вместо ручек и взяла одну из них. Тепло керамики приятно согревало руки, пар от чая щекотал ноздри, а треск тлеющих поленьев успокаивал душу.

— Не думала, что скажу это, но... я скучаю по обычному Министерству, — пробормотала Гермиона, сделав первый глоток. — Где всё предсказуемо: отчеты, законы, преступники, аресты. А не живые ёлки с эмоциональными всплесками.

— Где на тебя максимум что нападает — это нежить, а не праздничный декор, — добавил Драко, сев в кресло напротив и взяв вторую чашку. Он посмотрел на напиток с осторожным подозрением, понюхал и, к её удивлению, сделал глоток.

— Что? — спросила Гермиона, заметив, как он моргнул.

— Я... не могу поверить, что говорю это, — сказал он, глядя на чашку, — но это, чёрт побери, вкусно. Она туда, что, ликёр добавила?

— Только травы. И, может, щепотку заботы.

Драко скептически фыркнул.

— Забота — это когда тебе приносят виски. Всё остальное — инфузия страданий.

На миг повисло молчание. Но не неловкое — просто редкий случай, когда им было спокойно рядом друг с другом. Без работы, без обязательств, без лишнего.

— Никогда бы не подумала, что мы с тобой окажемся в такой ситуации, — вдруг сказала Гермиона тихо. — Здесь. Вместе. В креслах с Санта-Клаусом и чашками чая.

— Я лично виню Министерство, — отозвался Драко. — Хотя, возможно, это была моя карма. За... — он замолчал, сцепив пальцы на колене. — За многое.

Гермиона подняла глаза, но не перебила. Только чуть наклонилась вперёд, словно собираясь что-то сказать — как вдруг почувствовала странное движение в воздухе.

— Ты что-то слышал?

— Только как у тебя завибрировала чёлка, — медленно ответил Драко и... замер. — Постой. Это... что-то в моих волосах?

— Эмм... — Гермиона прикусила губу, изо всех сил пытаясь не рассмеяться. — У тебя там... гирлянда.

— Что значит — гирлянда? — он потянулся к голове, и в этот момент из-за книжной полки с веселым писком вылетели два пикси — голубовато-фиолетовые, с озорными глазками и мотками гирлянд в лапках.

— О, прекрасно. Маленькие летающие дизайнеры, — сдержанно произнёс Драко, когда один из пикси ловко начал вплетать ему в волосы блестящий серебристый провод с миниатюрными звездочками.

Гермиона уже не могла держаться и рассмеялась — тихо, искренне, с тем самым оттенком «ну всё, сдалась».

— Подожди, — прохрипел Драко. — Они... делают мне причёску?!

— Ты не поверишь, но она тебе идёт, — сквозь смех выдохнула Гермиона. — Почти как венец. Только праздничный.

— Я покину этот мир как король Рождества. Это трагедия, Грейнджер. Трагедия в сверкающем оформлении.

Гермиона ещё смеялась, но уже тише. Смех плавно перешёл в лёгкую улыбку, которая задержалась на губах чуть дольше, чем должна была.

Драко сидел, картинно страдая с гирляндой в волосах, но в какой-то момент просто смирился и позволил пикси закончить композицию. Один из них даже щёлкнул крошечной лампочкой, как будто включил иллюминацию. Волосы Драко, абсолютно не похожие на обычно идеальную причёску после нападения мини-декораторов, отливали мягким светом от огня камина. Он выглядел... расслабленным. Настоящим. И, чёрт возьми, красивым.

Гермиона вдруг поймала себя на том, что просто смотрит. Долго. Слишком долго. И не потому что гирлянда в волосах — она бы и без неё смотрела. *Что вообще...*

Она резко отвела взгляд, уткнулась в чашку, будто в ней можно было спрятаться. *Это Драко Малфой. Надутый слизеринец. Высокомерный, раздражающий, и... в этот момент выглядящий как с чёртовой рождественской открытки.*

И дело было не только во внешности — хотя у неё было достаточно глаз, чтобы признать: да, он чертовски привлекателен. Но сейчас он не язвил, не строил из себя героя или злодея. Он просто был. Такой, каким она его почти не знала. Тихий, ироничный, живой.

— Ты чего вдруг замолчала? — спросил он, заметив паузу. — Впервые за день — и это слегка пугает.

Гермиона моргнула, встряхнула себя, вернула голос:

— Просто... думаю, сколько ещё украшений нужно, чтобы ты слился с фоном. Честно, Малфой, осталось только натянуть тебя на ёлку вместо звезды.

Он ухмыльнулся — и, если Гермиона не ошибалась, в его взгляде на миг мелькнул интерес.

Пикси тем временем с довольным писком ретировались за книжную полку, оставив после себя лёгкий блеск в воздухе и молчаливое ощущение, что в комнате что-то изменилось.

Они допили чай в тишине, нарушаемой лишь треском камина. Гермиона едва поставила пустую чашку на столик и, не оглянувшись, вышла за Тикки и ёлкой во двор. Драко остался один в полумраке комнаты, подошёл к окну и, скользнув взглядом по искрящимся огонькам, начал наблюдать.

Сквозь стёкла он видел, как Гермиона осторожно проводит пальцами по хрупким веточкам ёлки — будто приручает дикое существо. Домовиха Тикки, чуть сутулая под тяжестью шариков в руках, что-то тихо бормочет дереву, и в её поведении и словах даже взглядом улавливалась трепетная забота.

Драко вздохнул, возвращая взгляд к Грейнджер.

Чёрт, я смотрю на неё и... что-то не сходится.

В его голове мелькали обрывки прошлых встреч: Гермиона, ровно выстроившая аргументацию по новой магловедческой теории; Гермиона, отказывающаяся от отпуска ради рейда на темных созданий; Гермиона, упрямая и бесстрашная. И вот теперь — вот это: тихие прикосновения к ели, нежность, которой он до сих пор не видел.

Он отпрянул от окна и отряхнул пиджак. Карман со спрятанной в него пикси пачкой разноцветных елочных шариков зазвенел, словно пытаясь заглушить странный внутренний голос.

— Остановись, Малфой, — пробормотал он сам себе, — это же просто Грейнджер. Никаких романтических глупостей. Никакой рождественской магии.

Он утвердительно кивнул, словно сам подтверждая собственные слова, и снова отвернулся к окну, но тут за его спиной раздалось глубокое шипение — и гусь, согласно данным от Тонкс — местный «детектор лжи», ввалился в комнату, расправив крылья так, что в тени его силуэта на стене проступил отпечаток угрозы.

Драко напрягся.

— Ах вот как, — прохрипел он гусю, стараясь сохранить гордое выражение лица. — Ты что, запущен Тикки на программу «вычислить Малфоя»? Глупая птица.

Но гусь, качнув головой, сделал ещё один низкий выкрик и отчаянно захлопал крыльями, медленно наступая на Малфоя. Словно пытался уличить его в обмане, напугать, заставить признаться. Драко выжал из себя сарказм:

— Ладно-ладно, может, я слегка... наблюдаю. Но только потому, что она умная и красивая в своём странном, собственном стиле — и не более.

Гусь шагнул ещё на метр, словно приглашая признаться окончательно. Драко сжал кулаки, развернулся и, не повернув головы, буркнул:

— Ничего такого нет! И вообще, я не признаю никаких чувств!

В ответ гусь лениво расправил перья, и в его глазах читалось: «Ну-ну...» — а Драко вдруг осознал, что это самое «ни одно чувство» оказалось чересчур шумным.

Когда гусь наконец отвернулся и важно потопал прочь — возможно, на обед, возможно, по зову тьмы — Драко остался стоять у окна, один, с мерзкой щепкой сомнений под рёбрами.

Он провёл рукой по волосам (гирлянда, спасибо пикси, всё ещё тихо поблёскивала где-то у виска), и вдруг ощутил, что воздух в комнате стал каким-то... слишком плотным. Тишина раздражала. Тепло от камина — тоже. Всё слишком домашнее, слишком уютное, как будто кто-то пытался обмануть реальность и притвориться, что жизнь — это кружка чая и ручная ель, а не отчёты, патрули, и вечная защита от собственных демонов.

Он отступил от окна, встал посреди комнаты, потёр шею. *Спокойно. Это просто она. Просто... Гермиона Грейнджер. С которой ты работаешь. Которая вечно с планом, с папкой, с возмущённым выражением лица, когда кто-то нарушает протокол.* Он фыркнул.

— Она бы и в романтике следила за порядком. По алфавиту.

Но мысль не отступала. То, как она смеялась сегодня. Как позволила себе забыть. Как посмотрела на него, пока наливала чай, чуть дольше, чем было необходимо. Или ему показалось?

Драко опустил обратно в кресло, тяжело, будто кто-то включил гравитацию. Сидел, сцепив пальцы перед собой, глядя в огонь.

Обычно он был непроницаем. Он строил вокруг себя стену — из иронии, хладнокровия и умения держать дистанцию. Но вот теперь — эта комната, этот чай, этот день с ожившей ёлкой и пикси-декораторами — всё это странным образом распатало систему. Неужели, мать его, тепло может быть заразным?

Он взял со стола один из пряников — в форме сердитого снеговика — и с раздражением откусил ему голову.

Оставшийся день прошел относительно спокойно, если не считать снующих то тут, то там пикси с кусочками мишуры и маленькими гирляндами в виде сердечек и снежинок. Елка была успешно перемещена в гостиную. Под коллективные комплименты и хлопки аплодисментов, чудо-дерево нарядилось самостоятельно, мерцая гирляндами со всеми возможными цветами и блистая пушистой мишурой. Норман спал в одной из комнат, отведенной специально для него, и Драко поблагодарил всех существующих и несуществующих богов, что тот больше не ставил под угрозу его эго и ментальное равновесие (и не ставил в неловкое положение).

После обеденного перерыва они с Грейнджер закончили все оставшиеся дела: украсили комнаты, разобрали кладовку и разобрали посылки с подарками, которые действительно оказались от Северуса — были отправлены отложенной посылкой уже после его смерти. *Как предусмотрительно и мило, профессор Снейп, никогда бы не подумал.*

Освободившись от дел, Гермiona с удовольствием позволила себе небольшую передышку и обосновалась за кухонным столом, пока Тикки бодро наливала чай в широкие кружки с узорами из леденцов. Домовиха неустанно вертелась, подливая чай, поправляя скатерть, вытаскивая из духовки

маленькие пряничные фигурки — в этот раз в форме фестралов. На её лице читалась редкая для домовиков гордость.

— Скажите, мисс, — заговорила Тикки, осторожно поставив перед Гермионой тарелку с ещё тёплым печеньем, — вы правда думаете, что мистер Драко умеет ставить защитные барьеры?

Гермиона фыркнула в чай.

— Думаю, он вполне способен. Особенно если вблизи нет гуся, от которого надо прятаться.

Тикки фыркнула в ответ и тут же, виновато оглянувшись, прикрыла рот ладонью. В окне виднелась фигура Малфоя: он стоял у ворот, сосредоточенно водя палочкой по периметру. На лице отражалось типичное малфоевское «я выше этого, но сделаю, потому что я молодец».

— Всё равно странно, — добавила Тикки шёпотом. — Мистер Драко сегодня совсем не как в газетах.

Гермиона молча кивнула и сделала ещё глоток. Не как в газетах — это точно.

К тому времени, как солнце начало опускаться к горизонту, день казался удивительно завершённым. Комнаты украшены, подарки подписаны и сложены под ёлкой, в кладовке порядок, пикси дремали где-то под лестницей, а Норман всё ещё не нападал. Гермиона уже мысленно собиралась домой, когда за окнами вдруг стало стремительно темнеть.

Сначала повалил снег.

Потом — ещё снег.

А потом стало ясно: это не «снежок», а аномальный северный апокалипсис с ветром, метелью и визгом чего-то за окном, что, возможно, тоже было из снега, но вполне могло и съесть кого-нибудь по пути.

— Так, — сказала Тикки, выглянув в окно и сразу захлопнув ставни. — Аппарировать вам нельзя, очень опасно! Камин не подключён. Пешком вы не дойдёте даже до забора — вас сдует и выбросит в Исландию. А Тикки потом отчитываться перед мистером Поттером о вашей внезапной кончине...

Эльфийка многозначительно замолчала, глазами бегая от Гермионы к Драко и обратно.

— То есть... — начала Грейнджер.

— То есть вы остаетесь на ночь, мисс Гермиона. Всё уже готово для вас. Норман спит, никто вас не съест. Кроме, может быть, пикси, если вы оставите что-то блестящее возле кровати, — эльфийка хихикнула, снова поглядывая то на Малфоя, то на Грейнджер, удивленно пялящихся на неё.

Повисла пауза. Драко и Гермиона переглянулись — в полном, зловещем понимании ситуации. Оба одновременно открыли рот, чтобы возразить. Потом закрыли. Потом Гермиона чуть кивнула:

— Только... конечно, в разных комнатах.

— Разумеется, — тут же добавил Драко. — Мы же не в дешёвом романе, Грейнджер.

Тикки вежливо кашлянула в кулачок.

— Тогда я покажу, где вы будете спать.

Они вышли из кухни, сопровождаемые лёгким звоном гирлянд и едва слышным смешком пикси из-за шкафа. За окнами метель всё завывала, как в старой волшебной балладе, но внутри всем было тепло и уютно, пусть и слегка неловко.

Гермиона ворочалась в кровати уже добрых сорок минут. Одеядло было слишком тёплым, подушка — слишком мягкой, а в голове крутились бесконечные обрывки мыслей: пикси, метель, Снейп, Драко, чай, гусь, ёлка, снова Драко.

В конце концов она сдалась, натянула на плечи тёплый кардиган, сунула ноги в тапки с вышитыми совами и вышла в коридор.

Гостиную она заметила издалека — свет от камина ложился на пол мягкими оранжевыми пятнами, отбрасывал колышущиеся тени на стены. Малфой сидел там, один, в кресле у огня. В руках — книга с потертым корешком, одна нога закинута на другую, волосы всё ещё не до конца избавлены от забавного декора, будто отблеск поблескивал над висками. На низком столике перед ним стояла чашка, от которой поднимался лёгкий пар. Гермиона застыла на пороге.

— Я могу уйти, — быстро сказала она. — Прости, не знала, что ты здесь...

— Ради бога, Грейнджер, — не поднимая глаз, отозвался он, — я же не мантикора. Ты когда-нибудь видела мантикору в венце из гирлянд?

Он чуть склонил голову вбок, наконец посмотрел на неё с нескрываемой иронией во взгляде.

— Знаешь, не припомню, — сдержанно хмыкнула Гермиона, проходя ближе. — Хотя у тебя есть шанс открыть этот образ в новой книге по магическим тварям.

— Можешь не благодарить.

Он наклонился к столику:

— Чаю?

Гермиона закусила губу, бросила взгляд на огонь, потом на книгу у него в руках, затем снова на него.

— А можно... чего-то покрепче. И погорячее?

Не успела она договорить, как на столике с лёгким хлопком материализовался поднос с двумя кружками, из которых поднимался аромат гвоздики, цитрусов и вина. Пар был красивый, нарочито художественный, как в рекламном плакате «Тёплое волшебство от Тикки и Ко».

— ...Умная, чертова домовиха, — пробормотал Драко, но без раздражения. — Она шпионит за нами?

— Скорее, опекает, — отозвалась Гермиона, когда он передал ей одну из кружек. — Или просто наслаждается тем, как медленно мы оба прогибаемся под этим уютом.

Они молча отпили. Напиток был горячим, чуть сладким, крепким в нужной степени — таким, который обжигает небо рта, но успокаивает душу.

Они устроились рядом на диване, с небольшой, почти церемониальной дистанцией между ними. Пространство между ними ощущалось почти осязаемым. Пауза повисла, как снежинка на реснице: зыбкая, уязвимая, неловкая. Гермиона провела ладонью по теплой керамике кружки, всё ещё не решаясь посмотреть на него прямо.

— Ну... — наконец начала она, глядя в камин, — ты,

оказывается, умеешь сидеть спокойно. Без комментариев, сарказма и попыток превзойти всех в радиусе десяти метров.

— Не распространяйся, — отозвался он, и в уголке его губ дрогнуло подобие улыбки. — У меня репутация.

— Что ты вообще делаешь здесь? — спросила она после небольшого молчания, повернув к нему лицо. — В смысле, не в этой комнате. В приюте. В этой работе. Это ведь не... твой стиль, кажется.

Он вздохнул, откинулся глубже на мягкую спинку дивана, уставившись на пляшущие языки пламени.

— Долго думал, что мой стиль — это не пачкать руки. Потом оказалось, что если не пачкать руки, то они всё равно остаются грязными. Только ты не можешь сказать откуда.

Гермиона молча кивнула, не перебивая. Её пальцы снова заскользили по краю кружки.

— А ты? — спросил он, и в его вопросе прозвучало неподдельное любопытство. — Зачем тебе всё это?

— Потому что... если не я, то кто. Потому что я умею. Потому что кто-то должен. — она пожала плечами, и в этом жесте читалась привычная ей решимость, смешанная с усталостью. — Иногда этого недостаточно, конечно. Но это лучше, чем ничего.

— Звучит, как план. Или как приговор.

— Иногда одно и то же.

Опять повисла тишина. Уже другая: тягучая, усталая, почти спокойная. Её нарушал только гипнотизирующий треск дров.

— И давно ты... одна? Я слышан про Уизли, — вдруг спросил он, всё ещё глядя в огонь, но напряжение в его плечах выдавало важность вопроса.

Гермиона вздрогнула, почувствовав неожиданный поворот. Но вместо привычных шипов в ответ на столь личный вопрос, внутри возникло лишь лёгкое смятение.

— Несколько лет. Всё было либо слишком серьёзно, либо слишком скучно. А иногда и то, и другое одновременно, — добавила она с горьковатой усмешкой. А ты?

Он коротко, безрадостно усмехнулся.

— Всё было слишком не то. Или слишком поздно.

Снова тишина. Только пламя мягко потрескивало, отдавая тёплые отблески на стены, оживляя причудливыми танцующими силуэтами. В воздухе витал тонкий запах глинтвейна — смесь пряностей, корицы и апельсиновой цедры, окутывавший их сладковатым теплом. На диване, покрытом мягким пледом с узором в виде снежинок, Гермиона и Драко сидели рядом, но так, будто между ними всё ещё царила невидимая, но ощутимая стена.

Её пальцы лениво касались кружки, и тепло напитка словно пронизывало каждую клетку, смягчая усталость. В комнате слышался лишь едва различимый шорох огня, да редкие тихие вздохи.

— Знаешь, — прошептала Гермиона, не отрывая взгляда от огня, — иногда мне кажется, что мы живём, словно на пороховой бочке. Всё может взорваться в любой момент, и никто даже не знает почему.

Драко, чуть наклонив голову, скользнул взглядом по её лицу — игра теней подчеркивала изгибы щёк, и в этом свете она казалась одновременно сильной и хрупкой. Казалось, огонь камина зажег искорки в её карих глазах.

— Порох — это метафора, да? — его голос был тих и ровен, словно тёплый ветерок в летнюю ночь. — Хотя бы для разнообразия можно было бы придумать что-то более романтическое. Например, вулкан.

Гермиона улыбнулась, медленно откинувшись на спинку дивана, ощущая, как мягкий плед обволакивает её. Его шутка растаяла где-то внутри, согревая.

— Ты бы был вулканом?

— Конечно. Я — вулкан, который старательно скрывает, что он вулкан, — ответил он, с едва заметной усмешкой, глаза сверкнули в полумраке.

— А я тогда лавина? — повернула к нему лицо Гермиона, и в её взгляде вспыхнул лёгкий огонёк.

— Смотря какая лавина. Если та, что рушит всё на

своём пути — тогда нет, не ты. Ты скорее та, что ломает лёд и открывает дорогу.

Он задержал взгляд на её глазах, отразивших пламя огня, и в этот момент тёплая тишина заполнила пространство между ними. Дистанция на диване вдруг показалась нелепо большой.

— Знаешь, — тихо начал он, — в этом и есть суть. Лавина и вулкан — опасные вещи. Но без них мир был бы слишком скучным.

Гермиона кивнула, чувствуя, как в груди распускается странное, мягкое тепло, отличное от огня в камине. Это тепло пульсировало в такт её сердцу.

— Согласна, — ответила она. — Может, именно поэтому мы здесь. Чтобы добавить немного опасности... и немного смысла.

Огонь в камине яростно задрожал языками пламени, и свет отражался в их глазах — холодные серебристые искры в его взгляде и глубокий янтарный огонь в её. Они сидели рядом, но всё ещё на расстоянии — словно исследуя, насколько можно приблизиться, не разрушив тонкую невидимую нить, которая уже начала их связывать.

Гермиона медленно закрыла глаза, лёгкий вздох вырвался из неё, словно последний аккорд затихающей мелодии. Тёплый глинтвейн давно опустошился, а мягкий плед нежно обволакивал её плечи, согревая от прохлады ночи. Усталость и непривычное спокойствие наконец взяли верх.

Драко наблюдал за ней, словно боясь шевельнуться — в этом мгновении она выглядела так, будто вернулась в ту безмятежность, что редко позволяла себе в реальной жизни. Его взгляд скользнул по спокойному лицу, по расслабленным чертам, и что-то внутри ощутило непривычный прилив... чего? Покоя? Защищенности? Чувства, для которого у него не было названия.

Он аккуратно, почти бережно, подтянул плед повыше, чтобы скрыть её плечи и согреть ещё больше. Его пальцы на мгновение задержались на мягкой коже её плеча и, заметив это, он одернул руку и мягко отклонился на спинку дивана.

Огонь в камине лениво потрескивал, наполняя комнату мягким светом и теплом. Отражение пламени танцевало в глазах Драко, постепенно затуманенных усталостью и необычным умиротворением. Он глубоко вдохнул, позволяя тишине проникнуть в каждую клетку. И, не замечая, как пламя едва колыхается, медленно закрыл глаза, позволяя себе — впервые за долгое время — просто быть здесь и сейчас.

В этой комнате, в этой ночи, среди света, теней и тепла, они оба погрузились в сон — тихий и лёгкий, словно волшебство, которое иногда приходит, когда его совсем не ждёшь.

Утро вошло в комнату вместе с первыми солнечными лучами, которые робко пробивались сквозь плотные шторы, окрашивая всё в тёплые золотистые тона. Гермиона проснулась не сразу — сначала ей казалось, что всё вокруг не больше чем сон, мягкий и тёплый, как плед, укрывший её накануне.

Но постепенно до сознания доходило одно: её голова покоится на твёрдом и... удивительно тёплом плече. Открыв глаза, она замерла. Рядом, в полусне, дрогнуло лицо Драко — чуть нахмуренные брови, немного расслабленные губы, и рука, произвольно обвившая её в лёгком, почти инстинктивном объятии.

Гермиона закашлялась, словно пытаясь осознать происходящее, и покраснела так, что чувствовала, как горит весь лоб. Слегка сдавленная и неловкая, она попыталась аккуратно освободиться, но Драко, ещё не проснувшись, лишь крепче прижал её, словно не желая отпускать этот редкий момент тишины и покоя.

В этот самый миг в дверь тихо постучалась Тикки и, не дожидаясь приглашения, заглянула в комнату, на лице сияла широчайшая улыбка, а в глазах плескалась искренняя радость.

— Ой, какие же вы оба милые, — выдохнула она, обмениваясь с Гермионой взглядами, полными восторга и неподдельного умиления. — Не часто у нас тут такие сцены!

Гермиона хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Внезапно она поняла, что больше не ощущает рук Драко на себе, и сразу же отодвинулась на другой конец дивана, плотнее укутываясь в плед. Малфой смотрел на неё ещё сонными глазами, но осознание произошедшего уже медленно приходило к нему.

— Мистер Драко, вы такой молодец! — хихикнула Тикки, смотря на смущённых волшебников. — Я уверена, мисс Гермионе очень понравилось спать здесь с вами!

Малфой прокашлялся и, не промолвив ни единого слова, поднялся, на автомате расправил помятую после сна рубашку и также молча исчез с тихим хлопком аппаратуры.

Гермиона осталась сидеть посреди комнаты вместе с Тикки, которая всё ещё сияла от счастья и смотрела на неё с неподдельным интересом.

— Как ваше самочувствие, мисс Гермиона? — спросила домовиха, склоняя голову набок.

Грейнджер лишь робко улыбнулась и пожала плечами, чувствуя, как внутри всё ещё бурлит неловкость и лёгкое замешательство. Эльфийка понимающе кивнула и аппарировала, направляясь на кухню — подходило время завтрака.

Утро, как ни в чём не бывало, продолжалось: скрип половиц, тихое бормотание Тикки на кухне, ароматы корицы и тёплого хлеба, рассекавшие воздух, как уютное одеяло. Гермиона стояла перед зеркалом в небольшой ванной комнате, водя пальцами по щеке, чуть тронутой отпечатком ткани — она ведь уснула прямо на его плече. Рядом, на полке, мирно лежали её заколка, перчатки, пухлая косметичка, которую она захватила «на всякий случай».

«Праздничная вечеринка у Гарри в восемь», — напомнила себе она, собирая волосы в небрежный хвост.

Она стояла в халате, лицо всё ещё чуть тёплое от смущения, и машинально подкрашивала губы. Но губы подрагивали, а в голове — вместо плана дня — крутился только один кадр: как она проснулась у него под боком. Как он... не сразу отпустил. Как смотрел. Как быстро сбежал. Гермиона вздохнула.

Это ничего не значит. Просто неловкий момент. Смешной, абсурдный. Всё нормально. Мы взрослые. Мы коллеги. Мы не...

Она запнулась, не закончив мысль. Глаза расширились в испуге от осознания собственных мыслей, словно она отрицала очевидное.

Сам Драко сидел на краю кровати в своей комнате и смотрел в никуда. На нём была чистая рубашка, но пуговицы он так и не застегнул.

— Что, блять, произошло? — спросил он вслух у потолка, будто тот мог предложить хоть какую-то внятную теорию.

Он вспомнил, как она тихо спала, почти улыбаясь. Как её волосы щекотали ему шею. Как тепло её тела чувствовалось сквозь одежду.

Он вспомнил, как Тикки ввалились в комнату с лицом актрисы из дешёвого романтического фарса. Как он сам едва не споткнулся о собственные ноги, аппаратуру прочь, как идиот.

— Прекрасно, — фыркнул он. — Теперь мне стыдно. Тронулся окончательно.

Он встал, нацепил мантию, подошёл к окну.

За окном снежило. Рождественский снег вился в воздухе, ложился на деревья, на дорожку, на шапку Гермiony, которая как раз выходила во двор — Тикки явно поручила ей помочь с чем-то на свежем воздухе.

Драко замер, наблюдая за ней.

Как легко она двигалась. Как поднимала лицо к небу. Как смеялась, когда пикси пытались утащить у неё перчатки. Он почувствовал, как что-то нелепое, неконтролируемое ползёт из груди к горлу. Что-то, что нужно срочно задавить.

— Она тебе не нравится.

Он сказал это вслух, для большей убедительности. Но фраза повисла в воздухе как будто с иронией — даже магия, похоже, не поверила. К счастью, Норман не влетел в комнату с контраргументом.

Пришло время завтрака. Оба чувствовали себя так, словно вот-вот на их шеи обрушится гильотина — так сильно было смущение перед друг другом.

Тикки что-то напевала себе под нос, раскладывая свежие булочки и ставя чайник на плиту, а Гермiona и Драко сидели друг напротив друга, делая вид, что завтракают. На самом деле они в основном перемешивали завтрак, водили ложками по краям тарелок и не поднимали взгляд. Гермiona первой нарушила молчание, потянувшись за салфеткой. В ту же секунду Драко сделал то же самое — и их пальцы столкнулись.

— Прости, — почти одновременно сказали они, резко отдёргивая руки.

— Ты... — начала Гермiona, но тут же замолкла, решив, что не хочет быть той, кто начинает неловкие разговоры про вчерашнюю ночь.

— Всё хорошо, — пробормотал Малфой, изучая чайную ложку с таким видом, будто она могла ответить за него.

Почти одновременно раздалось громкое «шлёп» о подоконник. Окно задрожало. Через секунду на подоконнике материализовался Норман, гордо взъерошенный, с письмом в клюве. Он торжественно зашипел, уставившись на Малфоя, как будто говоря: *я за тобой слежу, соблазнитель.*

— Что на этот раз? Уведомление о принудительной терапии? — пробурчал Драко, вставая и забирая письмо. Гермiona фыркнула, но быстро спрятала улыбку за чашкой.

— От Тонкс, — сказал он, разворачивая письмо. Почерк был размашистый, с чернильными кляксами, как всегда.

Привет, моя праздничная банда!

Надеюсь, вы живы.

Сегодня днём придет новый смотритель приюта — преферансист, оптимист и, возможно, некрофил, но этого я пока не проверяла. Так что, дорогие мои трудяги, вы официально освобождены от обязанностей! Можете собираться и наслаждаться Рождеством в цивилизации.

Р.С. Гермiona, если Малфой начнёт брюзжать, зашей ему рот. Захватим.

С любовью, Тонкс.

— Освобождены? — переспросила Гермиона.

— Так и написано, — кивнул Драко, складывая письмо.

— Новый смотритель. Мы свободны.

Они замолчали. Опять.

Теоретически, именно это они и хотели: закончить, сдать всё в руки кого-то другого и вернуться к своей жизни.

Но что-то в этой свободе отдавало пустотой. Как будто теперь, когда всё подходило к концу, что-то важное ускользало, как тёплый пар над чашкой. И оба это почувствовали — но, разумеется, ни один не сказал.

Внезапно раздалось жалобное мяуканье, сопровождаемое тихим цокотом коготков по полу, и на кухню вошел, оглядывая всех собравшихся, ещё один житель волшебного приюта. Взгляду присутствующих предстал кот — но, конечно, не обычный. Его шерсть была зеленой, отливающей изумрудным и местами салатovým. На его спине, пробиваясь сквозь плотный подшерсток, выглядывали маленькие темно-зеленые шипы, словно он был маленькой помесью кота и дракона. Драко удивленно смотрел на то, как существо, вальяжно фыркнув, проследовало прямо к нему и нагло запрыгнуло на колени, тут же сворачиваясь в клубок и устраиваясь поудобнее.

— Это... что такое? — прочистив горло, спросил Малфой, стараясь сохранять самообладание.

— Его зовут Спринтер, — тут же отозвалась эльфийка, подходя к столу и заинтересованно осматривая открывшуюся переднюю сцену. — Он волшебный кот из рода полутёплокровных компаньонов. Почти никого не признает, даже меня, — она грустно вздохнула, словно это по-настоящему разбивало ей сердце.

Спринтер, тем временем, практически полностью спрятал шипы на спине, окончательно расслабляясь на коленях Драко, и, кажется, заурчал.

— Чего он тарыхтит? — прошептал шокированный Малфой, все ещё не смея прикоснуться к странному котоящеру.

— О, мистер Драко, это значит, что вы ему нравитесь! Удивительно, правда? — затараторила Тикки, в подтверждение

своих слов активно кивая головой. Ушки эльфийки забавно тряслись в такт её движениям.

Гермиона отпила свой чай, поставила чашку на блюдце и отодвинула от себя, внимательно осматривая коллегу. Кот урчал достаточно громко, чтобы все присутствующие это слышали, и это не могло не вызвать у волшебницы улыбку.

— Ты ему приглянулся, Малфой, — хихикнула Грейнджер, кивая головой на Спринтера. — Вы даже чем-то похожи.

Спринтер вытянул лапки, распластавшись по коленям Драко, словно зелёный плюшевый дракончик на отдыхе. Внезапно, однако, кот дернулся, издал странный, сдавленный кхррмяу и кашлянул — если это можно было назвать кошачьим кашлем. Тело его мелко содрогнулось, хвост дёрнулся, и шипы вновь слегка поднялись.

Тикки тотчас вскинула голову, её ушки замерли.

— О нет. Опять начинается. Бедняжка Спринтер... — Эльфийка в тревоге подбежала и склонилась над котом. — Он болеет, — с дрожью в голосе пояснила она. — Сердцем. У него эмоциональная перегрузка. Единственное, что помогает — добрые слова. И... комплименты.

— Простите, что? — переспросил Драко, глядя на существо у себя на коленях, как будто оно вот-вот начнёт читать стихи и просить аплодисментов.

— Лечится исключительно вербальной лаской, — подтвердила Тикки серьёзно. — Но он крайне избирателен. Не каждый может до него достучаться.

— Ну, может, попробую я? — предложила Гермиона и, немного наклонившись, проговорила мягко: — Ты... эм... очень красивый. Зелёный тебе к лицу.

Спринтер моментально шикнул, демонстративно выгнул спину, шипы поднялись в боевую стойку.

— Прекрасно, — проворчала она, убирая руку. — Это был комплимент, между прочим. И очень искренний!

— Может, проблема в подаче, Грейнджер, — лениво заметил Драко, всё ещё не решаясь дотронуться до Спринтера.

Затем, бросив взгляд на Тикки, которая кивала ему с отчаянной мольбой в глазах, он глубоко вздохнул и выдал:

— Ну что ж, дружище. Видимо, у нас с тобой что-то вроде связи. Ты эээ... впечатляющий. Безусловно. Очень... колоритный внешний вид. И эта... угрожающая спина — настоящая демонстрация характера.

Спринтер притих. Его шипы слегка опустились. Он перестал урчать, но вместо этого, словно смущаясь, закрыл нос лапой и уткнулся мордой в живот Малфоя.

— Чудеса, — прошептала Тикки, сцепив руки на груди. — Он принимает ваш комплимент. Он даже... улыбается.

— Это не улыбка, — буркнул Драко, осторожно убирая с носа Спринтера зеленоватую лапу. — Это угроза со знаком плюс.

Гермиона сидела, прижав ладонь к губам, чтобы скрыть улыбку.

— Думаю, ты официально завёл себе питомца.

— Он завёл меня, — отозвался Малфой с мученическим видом. — И, видимо, отжал себе мои колени. И самоуважение.

Спринтер довольно зевнул, обнажая крошечные клыки, и снова ткнулся носом в живот Драко.

После завтрака — всё ещё сопровождавшегося затянутыми паузами, неловкими взглядами и нарочито громкими отхлёбываниями чая — они с Гермионой прошлись по приюту в последний раз. Проверили комнаты, убедились, что все питомцы сыты, обогреты, не таят злобы и не строят заговоров. Тикки с деловитым видом всё фиксировала в своей парящей записной книжке, одновременно почесывая за ухом двухвостого волшебного хорька.

Гермиона тщательно сложила оставшиеся вещи в сумку-экстенду, проверяя по списку, не забыла ли чего. Драко тем временем пытался демонстративно вести себя так, словно ночь у камина и утро с обнимашками во сне вообще никогда не происходили. У него это получалось с переменным успехом: он, к примеру, обронил чайник, когда Гермиона случайно коснулась его руки, передавая платок.

— Ну что ж, — выдохнула она, перекидывая сумку через плечо. — Пожалуй, всё. Тонкс обещала заехать ближе к вечеру, но думаю, ты справишься до её приезда, Тикки? — она вопросительно посмотрела на эльфийку.

— Конечно! — бодро кивнула та. — Я уже начала чистку камина и перекладывание всей кладовки по фен-шую.

— Мне нравится, как ты живёшь, — усмехнулся Драко и повернулся к Гермионе. — Ну что, Праздничная Госпожа Добродетели, — сказал он, намеренно слишком официально, — идём?

— Пошли, Лорд Рождественского Сарказма.

Они двинулись к двери. Почти вышли. Почти справились. Уже нависло неловкое прощание, уже Гермиона открыла рот, чтобы сказать: «Спасибо за помощь» или «Увидимся вечером», но вдруг...

Мрря.

Они оба замерли. Медленно повернули головы.

Из-под отворота мантии Драко, прямо из глубин его сумки, выглядывал знакомый изумрудный нос. Следом показались ушки, затем глаза — и, наконец, весь Спринтер, который довольно вытянул лапы, устраиваясь на краю сумки как в личной карете. Драко закрыл глаза.

— Нет. Нет. Нет. Я не даю согласия. Я не даю разрешения. Меня вынуждают.

— Он выбрал вас, — весело произнесла с порога Тикки. — Это судьба, мистер Драко!

Гермиона уже не сдерживалась: смеялась открыто, одной рукой прикрывая рот, другой утирая слезу.

— Сочувствую, — сказала она сквозь смешок. — Кажется, вы теперь неразлучны.

— Великолепно, — пробормотал Драко. — Просто блестяще. Я был всего лишь волонтёром. Меня заманили в ловушку.

Спринтер, между тем, сладко потянулся и вновь устроился в сумке, явно не намереваясь оттуда выходить.

— До встречи, — сказала Гермиона, всё ещё улыбаясь.

— Да, — с кривой ухмылкой кивнул Малфой. — Хорошего праздника, Грейнджер.

И с этими словами он аппарировал. Снег уже начинал сыпаться лёгкими искрами — было Рождество.

Вечерняя тишина в квартире Гермионы показалась ей слишком густой. Не в первый раз за последние полчаса она подошла к зеркалу, придирчиво себя осматривая. Смущённо выдохнула, поправила локон у виска — потом убрала. Потом вернула. Потом передумала.

— Господи, соберись, — пробормотала она, глядя на собственное отражение. — Это просто рождественская вечеринка. Просто Гарри. Просто друзья. Просто...

Просто он будет там.

Драко Малфой.

Черт.

Гермиона нервно провела ладонью по шёлковой ткани платья — глубокий изумруд, в пол, с открытыми плечами и тонкими лямками. Она выбрала его случайно. Ну... почти случайно. Хорошо, не совсем случайно. Может быть, на два процента — сознательно. Или на пятьдесят.

Она попыталась представить, что скажет ему, если увидит. Варианты варьировались от «С Рождеством!» до «Ты был потрясающим, и я всё ещё не знаю, что делать со всем этим дерьмом, что ты вызвал у меня в голове, так что спасибо, теперь у меня хроническая сердечная тахикардия!»

Нервы сдали. Она резко развернулась от зеркала, схватила накидку и уже почти шагнула к двери, как вдруг — тук-тук-тук. Резкий, уверенный стук в дверь. Ни секунды паузы. Будто человек по ту стороны знал, чего хочет. Гермиона замерла.

Тук-тук-тук.

— Мерлин, только не работа опять, — пробормотала она и подошла к двери.

Открыла.

Замерла.

Забыла, как дышать.

На пороге стоял он. В тёмном костюме безупречного кроя.

Цвет ткани — благородный зелёный, точно в тон её платю. Совпадение? Сомнительно. На его плече восседал Спринтер, довольный, как будто сам всё устроил. Ушки его подрагивали от удовольствия, а глаза сияли хитростью.

— Привет, эм... Малфой? — еле выдавила Гермиона, с трудом отводя взгляд от его взгляда. Слишком спокойного. Слишком читающего.

— Привет, Грейнджер, — просто сказал он.
Неловкая пауза.

— Заходи... я как раз собиралась идти к Гарри... — начала она, отступая в сторону.

Но не успела договорить — он шагнул ближе, мягко коснулся её шеи тёплой ладонью, медленно притянул к себе, и его губы встретились с её.

Всё исчезло. Мир. Вечеринка. Мантия. Гарри. Часы. Всё расплавилось в одной искре, что пронеслась по позвоночнику до самых пальцев. У Гермионы подкосились колени — только слегка — но достаточно, чтобы он почувствовал. И, кажется, чертовски этим наслаждался, переместив руки на её талию, прижимая чуть ближе к себе и удерживая от неминуемого падения.

Его губы мягко, ласково целовали её, не переходя черту, будто спрашивая разрешения. Она ответила таким же нежным поцелуем, прикасаясь ладонью к его гладкой щеке, наслаждаясь ненавязчивым запахом его одеколona, теплотой его губ и несмелым объятием.

В этот момент Спринтер громко мяукнул и фыркнул прямо у них над головой.

Они рассмеялись, отстраняясь на пару сантиметров.

— С Рождеством, Грейнджер, — прошептал он, всё ещё держась за её талию.

— С Рождеством, Малфой, — ответила она, прикрывая глаза.

Их губы снова встретились, без слов признаваясь в чём-то, что они пока не могли даже осознать.

— Вот вам и рождественское чудо, — улыбаясь,

прошептала Тикки, выглядывая из-за невысокого забора у дома Гермiony и наблюдая за парой. — Правда же волшебнo?

Топчущийся рядом с эльфийкой Норман утвердительно махнул головой.

Тыквенное семечко

by *Marvelmaros*

2005 год, Лондон

В комнате было темно. Мерное тиканье часов немного раздражало, но Драко знал, это скоро пройдёт, ещё денёк, и он перестанет обращать внимание: ему просто нужно привыкнуть, так всегда в доме родителей его жены.

Жены...

Она спала на боку, раскидав по белой наволочке волны каштановых прядей, укутавшись в его объятия, словно в одеяло. Рука Драко лежала на её животе, когда он почувствовал лёгкую волну магии, словно кто-то почти невесомо пощекотал его ладонь. Он нахмурился. Его взгляд скользнул по профилю мирно спящей Гермионы. Неужели... но почему она не сказала? Не знает?

В этот момент девушка зашевелилась, перевернулась на другой бок и распахнула глаза.

— Доброе... — она не договорила. Драко целовал «утро», едва сорвавшееся с её губ, и Гермиона тихо рассмеялась. Это уже стало традицией: он всегда просыпается чуточку раньше и никогда не даёт ей договорить банальное приветствие. Шутит, что крадёт каждое её «утро», хотя на самом деле давно похитил всю её жизнь.

— Как ты себя чувствуешь? — Гермиона распознала в его голосе тревожные нотки. Одарила его задумчивым взглядом.

— Нормально... А что такое? Какую болезнь ты успел рассмотреть, пока я спала?

Драко крепче прижал её к себе, зарылся пальцами в каштановые волосы. Откуда-то снизу послышались обожаемые им звуки готовящегося завтрака: рождественские изыски от миссис Грейнджер никогда не оставляли его равнодушным.

— Сокровище моё, не кажется ли тебе, что мы слишком часто занимаемся любовью? — выдохнул он ей в макушку, прикрыв глаза. Просто не знал, как лучше подойти к этой деликатной теме.

Гермиона упёрлась ладонями ему в грудь, отодвигаясь. Бросила на Драко изумлённый взгляд, сверкнувший даже в полумраке её комнаты.

— Прости, что? — она задохнулась от возмущения.

Малфой протянул к ней руку, мягко погладил по плечу. Скользнул к ключицам, от них по шее вверх, к подбородку. Обвёл кончиком пальца горячие губы.

— Я пытаюсь сказать, что за последний месяц нам ничего, совсем ничего не мешало...

Девушка отодвинулась ещё дальше и села, поджав под себя ноги. Полностью обнажённая, с немного растрёпанными волосами... Малфой пожалел, что начал этот разговор до того, как занялся с ней этой самой любовью, понимая, что теперь рискует остаться без приятной утренней разрядки.

— А так бывает, да? Я слышала, что у мужчин обычно прямо противоположные претензии, а тут... — она сложила руки на груди, лишив Драко возможности рассматривать её, — какой ты у меня уникальный! Вот ответ на твой вопрос: до этого утра всё было идеально, но, видимо, пора ограничивать доступ к телу, — она вскочила, схватила с кресла шёлковый халат, — вот это претензия! Это... Просто слов нет, Драко!

Он тоже поднялся с кровати, проклиная свою недалёковидность, попутно подмечая, что несколько предыдущих недель Гермиона часто плакала без причины, придиралась к мелочам и с маниакальной тягой поглощала маггловские шоколадки со странным названием «киндер». Драко старался сдерживать улыбку, приближаясь к нервно натягивающей на себя халат девушке, и укутал её в свои крепкие объятия.

— Успокойся, пожалуйста, *mon amour*, — прошептал он, аккуратно заправив завиток каштановых волос за ухо.

— Вот не надо мне тут переходить на французский! — она дернулась в его руках. — Пусти! Я хочу принять душ!

— Гермиона, я пытался намекнуть, что, возможно, нас скоро станет трое, — вкрадчиво произнёс он.

Она замерла, вытянулась струной. Мышцы под его пальцами напряглись.

— С чего ты взял? — с её губ сорвался шёпот. Она чуть повернула голову в его сторону, и Драко легонько потерял носом о её скулу.

— Твой муж колдомедик, сокровище моё. Я сегодня почувствовал его магию.

— Его?..

— Ребёнка. Пол пока нельзя определить, рано.

— Ребёнок... — медленно повторила девушка, прижав ладошки к губам, — но почему... Почему я не поняла?.. Драко, — она развернулась к нему лицом. Выглядела ошарашенной и беспомощной. — Я... Я не готова, Драко, — проскулила она жалобно, утыкаясь лицом в его плечо, — я совсем не готова, Мерлин, это такая ответственность! Ты хоть понимаешь, что мы наделали? — её плечи мелко затряслись, она всхлипнула.

Его руки заскользили по скрытой шёлком халата спине, успокаивающе поглаживая. Гермиона плакала, что-то шептала: Драко различил «не справлюсь», «больше не захочешь», «бросишь», «карьера».

— Сокровище, — Драко мягко отстранил её от своего плеча. Обхватил ладонями её лицо, влажное от льющихся слёз. — С чего ты взяла, что я тебя брошу? Малфои не разводятся, забыла?

— Хорошо, не бросишь, но больше не захочешь.

Он снова крепко обнял её, чуть покачиваясь из стороны в сторону, словно хотел убаюкать девушку.

— Глупости... Твои страхи беспочвенны.

— Не все, — глухо проговорила Гермиона. — Всё... Всё изменится. Понимаешь? Совсем. Навсегда! А вдруг я буду плохой матерью, — захныкала она; новая порция слёз окропила её щёки, — вдруг с ним что-то случится? Вдруг я не справлюсь? Мне так страшно, Драко...

— Гермиона, — шепотом позвал он, не прекращая легонько раскачиваться вместе с девушкой, — мы справимся. Вместе, — Драко поцеловал её в скрытое тонкой тканью халата плечо, — я тоже боюсь, но уверен, что вместе мы вырастим замечательного волшебника, — он коснулся губами её щеки, ощутил солоноватый привкус её слёз, — нам вдвоём под силу всё.

— Обещаешь? Что справимся, — уточнила Гермиона, находя его губы своими.

— Обещаю.

Уютная кухонька миссис Грейнджер с трудом вмещала четырёх взрослых и одного малыша размером не больше тыквенного семечка, спящего под сердцем Гермионы. Полным ходом шла подготовка к Рождеству: под чутким руководством миссис Грейнджер замешивали тесто для традиционного рождественского пудинга.

— Дорогой, — позвала она супруга, особенно рьяно перемешивающего тесто, — я боюсь представить, что ты так долго загадываешь. Уступай очередь Драко, — мягко скомандовала она.

— Ну уж нет, — возразил мистер Грейнджер, притянув к себе Гермиону и вручив ей перепачканную тестом лопаточку, — я уступаю очередь дочке и иду курить. Сынок, ты со мной? — он кивнул Малфой и скрылся за дверью кухни.

Драко бросил вопросительный взгляд на Гермиону. С учётом её положения он допускал, что от вьезшейся привычки придётся избавляться, но девушка кивнула ему с лёгкой улыбкой на губах, перемешивая тесто. Она проводила Малфоя взглядом, а потом опустила глаза на причудливые узоры, что оставляла лопаточка на густом тесте. Нарисовала сердечко.

С самого утра её голову не покидали мысли о ребёнке. Охваченное паникой сознание бросалось из крайности в крайность: она то представляла лёгкую, беззаботную беременность, быстрые роды и здорового малыша, то внутри всё холодело при мысли, что что-то пойдёт не так, и она потеряет его, или Драко, или их обоих... голова шла кругом, зато наконец-то нашлось объяснение некоторым досадным изменениям: потеря концентрации, сонливость, слабость и пристрастие к «киндерам» вдруг обрели черты лица самого прекрасного ребёнка, которого она только могла представить. Размешивая тесто, волшебница-Гермиона совершенно по-маггловски загадывала беззаботную беременность и лёгкие роды.

— О чем ты так задумалась, милая? — тёплый голос матери вырвал её из мыслей. Миссис Грейнджер указала на миски с цукатами, орехами и сухофруктами. — Пора добавлять начинку. Что там любит наш Драко?

— Ему чем кислее и горче, тем лучше, — Гермиона потянулась к шоколадной скорлупке и отправила в рот кусочек. Ощущая неповторимый вкус на языке, прикрыла глаза.

— А ты, смотри, налегаешь на сладкое... — начала миссис Грейнджер, посыпая тесто разноцветными цукатами.

— Ма-а-ам, — Гермиона закатила глаза, — с моими зубами всё в порядке.

Миссис Грейнджер рассмеялась, приобняв дочь за плечи.

— Это привычка, милая. Старая привычка стоматолога... Добавим немного изюма, — она протянула руку к миске, но Гермиона отставила ту подальше.

— Не хочу изюм, мам, — её тон оказался несколько капризным.

— Ты ведь его всегда любила, — растерянно протянула миссис Грейнджер, но настаивать не стала.

— Думаю, никто не обидится на кекс без изюма?

— Конечно же нет, — в дверях появился Драко.

— Ты вовремя, твоя очередь перемешивать, — Гермиона вручила ему лопаточку, легко чмокнула в щёку. — А ещё «киндеры» есть?

— Боюсь, ты слопала последний, дорогая, — мистер Грейнджер потрепал её по волосам, совсем как в детстве, — помнишь, как ты собрала целую коллекцию бегемотиков?

— О, да, мои бегемотики!

— Бегемотики? — с улыбкой переспросил Драко, перемешивая тесто, в котором мелькали разноцветные цукаты.

— Да! Их собирали... как... — она покусала губу, — как карточки из шоколадных лягушек! Папа, где моя коллекция, я хочу показать её Драко, — глаза девушки сверкали, — это очень популярная серия была, а сейчас коллекционеры за ними ещё и охотятся. Пап?

Мистер Грейнджер замялся. Почесал подбородок, пряча взгляд от дочери.

— Милая, мы отдали их твоей кухне вместе с другими игрушками... уже очень давно, — произнесла миссис Грейнджер, приоткрыв духовку. Кухню заполнил приятный аромат запеченного гуся.

— И вы не спросили меня? — дрогнувшим голосом произнесла Гермиона.

Драко внимательно посмотрел на неё. В уголках глаз девушки заблестели кристаллики слёз.

— Дорогая...

Она маленьким ураганом вылетела из кухни, тихонько всхлипнув. Раздались громкие шаги по лестнице.

— Что это с ней? — ошарашенно спросил мистер Грейнджер. — Странная реакция.

Малфой отложил на пустое блюдо перепачканную тестом лопаточку. Окинул виноватым взглядом родителей Гермионы.

— Я пойду к ней. Вы справитесь без меня? — он сконфуженно улыбнулся, ведь прекрасно знал о причине резкой смены её настроения... чего нельзя сказать о Грейнджерах: новость о скором пополнении Гермиона решила сообщить за праздничным ужином.

— Конечно, — миссис Грейнджер кивнула, — тем более с пудингом мы закончили. Остальное я сделаю сама.

Мягкое мерцание желтоватых огней освещало спальню. Гермиона содрогалась в рыданиях, уткнувшись лицом в подушку. Слёзы душили её, не давая свободно вздохнуть; плечи девушки мелко тряслись, волосы спутались. Она перевернулась на бок, подтянув к груди колени, свернувшись калачиком, когда дверь тихо скрипнула, и матрас позади неё промялся.

Тёплые пальцы осторожно коснулись её плеча.

— Сокровище?

— Я не знаю, что со мной, — проскулила Гермиона, прижав к вискам кончики пальцев, — точнее, я предполагаю, но мне так обидно, так обидно, Драко! Чем им помешали эти фигурки? Это ведь моё детство, — она зашлась в очередном

приступе слёз. Малфой устроился позади неё и прижал к себе. Скользнул ладонями к её животу.

— Давай подышим вместе? — он уткнулся в её волосы.
— Давай, Гермиона, глубокий вдох... выдох... — он всё держал её в объятиях, отмечая, как её дрожь постепенно сходит на нет, а всхлипы затихают. Наконец, Гермиона перевернулась к нему лицом. Драко убрал с её мокрых от слёз щек прилипшие волоски.

— Я испортила праздник всей семье, — прошептала девушка, закрыв лицо руками, — я испортила твоё любимое Рождество.

— Ну, не преувеличивай. Рождество только завтра, — Драко легонько поцеловал её в скулу.

— Значит, испорчен сочельник...

— Гермиона, — ласково произнёс Драко, поглаживая её спутанные волосы, — это не так.

— Я себя не узнаю... Если так будет продолжаться всю беременность, ты меня точно бросишь.

— Так легко ты от меня не избавишься, — прошептал он.

— Драко... — глухо позвала Гермиона, — Ты любишь меня?

— Больше жизни, сокровище.

— Подаришь мне бегемотиков на Рождество? — тихая просьба сорвалась с её губ, и девушка провалилась в беспокойный сон.

— Подарю, — приглушая магией свет, отозвался Малфой.

За окном водили хороводы снежинки. Тикали часы. Поглаживая по спине мирно спящую девушку, Драко пытался придумать, где же ему взять этих самых бегемотиков.

Гарри отложил перо и устало потянулся: ему выпал жребий побыть дежурным аврором в Сочельник. Он снял очки, помассировал кончиками пальцев переносицу. Успокаивал себя мыслями о том, что утром после смены он отправится

на Гриммо и упадет в любимые объятия Джинни, наденет фирменный свитер Уизли и выбросит из головы работу. Нужно только подождать несколько часов...

Вспышка голубоватого цвета повергла его в шок; Гарри выхватил палочку, подскакивая с места, но выдохнул, рассмотрев в сгустке магической энергии знакомую ласку — патронус Малфоя. Впрочем, Поттер снова напрягся: раз Драко прислал его, значит, случилось что-то из ряда вон...

«Поттер, доброй ночи. Мне срочно нужна твоя помощь. Жду тебя в Дырявом котле».

Ласка рассыпалась снопами искр, озадачив Поттера.

— Что могло случиться... — пробормотал Гарри.

Он накинул на плечи мантию и вышел из кабинета. В целом, в его обязанности входило и патрулирование магической части Лондона, и Гарри решил совместить приятное с полезным.

Драко нервно постукивал пальцами по выщербленной поверхности стола и посматривал в сторону каминов. Он никогда в жизни так не ждал Поттера, как в ночь накануне Рождества.

Поглаживая спящую Гермиону по спине, он ломал голову над загадочными бегемотиками. Чистокровный Малфой понятия не имел, что это за фигурки. Нет, он видел, как его жена складывает в коробку жёлтые капсулы из шоколадных яиц, даже не вскрывая их, но было крайне важно не ошибиться: Драко не хотел дарить ей первые попавшиеся фигурки, он планировал отыскать тех самых, из её детства... И кто, если не выросший среди магглов Поттер, может ему с этим помочь?

Полыхнуло зелёным, и Драко облегченно выдохнул, глядя на стряхивающего с аврорской мантии пепел Поттера. Тот бегом осмотрелся и, увидев Малфоя, двинулся к нему. Брови Гарри сошлись на переносице, сквозь стёкла неизменных круглых очков он смотрел на Драко вопросительно-обеспокоенно. Остановился около стола, чуть склонил голову, и тут Малфой вдруг понял, насколько глупой был повод для вызова Гарри.

— Что случилось? — Поттер отодвинул стул, присел. Тут же перед ним материализовалась чашка крепкого кофе, и Гарри отсалютовал её бессменному бармену Тому. — Что-то с Гермионой?

Драко пожевал губу, глядя куда-то за спину Гарри. Глубоко вздохнул.

— Случилось Рождество, и мне нужна помощь с подарком любимой жене, — как можно увереннее произнес Малфой. — Знаешь такие шоколадные яйца, «Киндерс»?

Гарри смотрел на Малфоя как на душевнобольного.

— Ты ради чего меня с дежурства вытянул? — не предвещающим ничего хорошего тоном спросил Гарри.

— Мне нужно найти определенные игрушки из этих гребаных маггловских яиц.

— Драко Малфой, ты больной? Сочельник! Я дежурю! Ты... Ты не перестаёшь удивлять! — Гарри шипел, стараясь не перейти на возмущенный крик, напоминая самому себе дядю Вернона в минуты гнева, — Ты не знал, что Рождество впереди? Настолько занят, что забыл купить подарок Гермионе?!

Драко вдруг поймал себя на том, что вжимает голову в плечи под гнётом Поттеровской речи. Он глубоко вздохнул, выпрямляясь. Так не годится. Нужно начинать с самого важного, с новости, перевернувшей утром в сочельник сразу две жизни. Драко поймал настороженный взгляд Гарри.

— Малфой, ты меня пугаешь, — вкрадчивому тону Гарри позавидовал бы сам профессор Снейп. — улыбаешься как маньяк.

— Я скоро стану отцом, — глядя прямо в зелёные глаза, прошептал Драко. — Она беременна, — он вдруг рассмеялся, и Гарри готов был поклясться, что никогда до не слышал такого искреннего смеха от Малфоя, — у нас будет ребёнок, представляешь? С её глазами и непослушными кудряшками...

— Твои гены победят, блондинчик.

— Неважно, — улыбаясь, Драко покачал головой, — я просто... Будто только сейчас осознал.

— Ну ты ведь не за этим меня позвал?

— Да, — Драко взъерошил волосы, — сегодня мою

беременную жену расстроили её родители, сообщив, что коллекцию неких «бегемотиков из киндера» они отдали родственникам. Она успокоилась, когда я пообещал ей таких же подарить.

Гарри приподнял бровь.

— Гермиона? Истерика из-за фигурок?

— Беременная Гермиона, — спокойно поправил Драко. —

Ты понимаешь, о чем речь? Где их искать?

— Понимаю... У Дадли были такие. Все из буклетика «Бегемоты на Гавайях»...

— Ну? Ты знаешь, где такие найти?

Гарри сделал небольшой глоток остывшего кофе. Скривился от приторности: Том почему-то всегда добавлял ему много сахара в напитки, чем безвозвратно портил их.

— Ты даже не представляешь, насколько по адресу обратился, Малфой. Идём, — Гарри поднялся и зашагал, но не к камину, а к выходу из «Дырявого котла», — проверим твою удачу.

Дом Дурслей выделялся среди одинаковых, абсолютно нормальных своих собратьев занесённым снегом двориком и непроглядной темнотой ослепших окон. Гарри с трудом открыл заржавевшую калитку и предостерегающе коснулся плеча Малфоя, заметив его порыв вытащить волшебную палочку.

— Статут о секретности никто не отменял, — он пошёл вперёд, по колено утопая в снегу.

— Куда ты привёл меня? — ступая след в след за Гарри, спросил Малфой, — что это за место?

— Место, где я вырос, — Гарри уже добрался до крыльца. Распахнул дверь невербальным «Алохомора», потянул на себя до боли знакомую дверь. — Вряд ли большой Дэ забрал с собой игрушки и всякие мелочи, когда они переезжали. Собирали самое необходимое.

Драко наконец добрался до крыльца и взглянул на распахнутую дверь.

— Мне кто про Статус заливал ровно минуту назад? — возмущенно процедил он, но Гарри лишь покачал головой.

— Не сравнивай незаметное отпирающее и очищающее, которое просто испарит весь снег со двора. Идём, — Гарри двинулся вверх по лестнице, прогоняя прочь тени прошлого.

— Скромное жилище, — заключил Драко, — теперь ясно, отчего ты такой.

— Видит Мерлин, ради Гермионы только это терплю, — беззлобно произнёс Гарри и толкнул одну из светлых дверей.

— Аналогично, — в тон ему произнёс Драко, — это была твоя комната? — он с любопытством рассматривал старомодный пузатый телевизор, тянущиеся к нему проводки и разноцветные, похожие на маленькие книги, коробочки.

— Нет, это комната Дадли. Я жил в чулане под лестницей, донашивал вещи за кузеном, подрабатывал его боксерской грушей и домовиком для всей семьи, — безэмоционально перечислял Гарри, роясь я шкафчиках и ящиках, — зубочистки и старые носки дарили на Рождество. Лучшее детство.

Драко наблюдал за точными движениями Поттера и переваривал его слова. Что, если малыш, что сейчас чуть меньше тыквенного семечка, тоже лишится родителей? Малфоя пробила крупная дрожь: он представил, как светловолосого кудрявого мальчика держат на хлебе с водой. Как он из года в год терпит побои и получает на Рождество насмешки в виде сломанных вещей и старой одежды, навсегда лишенный родительской любви. Драко сглотнул, в глазах запекло: никогда в жизни он не жалел Поттера так сильно, как сейчас.

— Бинго! — воскликнул Гарри. — Эй, Малфой, чего застыл? Иди сюда! — он выпрямился и протянул Драко жестяную коробку с нелепыми фигурками внутри. Были среди них и несчастные гавайские бегемотики.

— Это они?

— Да, я хорошо помню рекламу этой серии. Совершенно точно такие были и у неё.

— Спасибо, Поттер, — сжав жестяную коробку в руках, пробормотал Драко.

— Не за что. Пойдём отсюда.

Они вышли из заброшенного дома. На крыльце Драко закурил, пытаясь успокоить расшалившуюся фантазию и натянутые струной нервы. Они не сговариваясь посмотрели в усыпанное редкими звездами ночное небо.

— Кстати, Малфой, — начал Гарри, — не только ты в следующем году станешь отцом...

Драко улыбнулся. Проследил за лениво скатившейся по темно-синему небу звездой и очень по-маггловски загадал желание.

Быть хорошим отцом.

Гермиона с трудом разлепила веки: от вчерашних слёз они припухли. На её животе покоилась ладонь Драко, а сам он безмятежно спал. Девушка положила свою руку поверх его, прислушиваясь к ощущениям. Взгляд её блуждал по знакомым и неизменным с детства приятным сердцу мелочам: детские книжки, по цветам расставленные на полке, несколько кукол в пёстрых платьях, коллекция бегемотиков... Гермиона резко села, не веря своим глазам. От её движения ладонь Драко соскользнула на покрывало, и он проснулся.

— Драко, я, кажется, схожу с ума, — прошептала она, не отрывая взгляда от любимых фигурок. — Вчера их тут не было...

Драко осторожно обнял её со спины, положил голову на её плечо.

— Их ночью принёс Санта Клаус, — прошептал он ей на ухо, — сказал, что ты хорошо себя вела в этом году.

— Драко... Где ты их достал? — она чуть повернула к нему голову, и Малфой совсем по-кошачьи потёрся о её щеку.

— Один хороший парень помог. С Рождеством, сокровище, — его объятия стали крепче.

Гермиона судорожно вздохнула, по её щекам снова потекли слёзы.

— Это... Это так мило... — она стёрла с щёк солёные дорожки, — ну неужели я теперь на всё буду реагировать слезами, а? — она откинулась спиной на Драко. — Я тебя так сильно люблю, — прошептала Гермиона, сжав своими пальцами кисти его рук, — иногда мне кажется, что меня разорвёт от этих чувств.

— Я тебя очень понимаю, Гермиона.

В гостиной Грейнджеров витали ароматы праздника: пряность запечённого гуся смешивалась с ванилью праздничного кекса, свежесть ёлочной хвои прекрасно дополнялась нотками глинтвейна. Над входом повесили омелу, и Гермиона, одетая в теплое бежевое платье крупной вязки с белоснежными пушистыми носочками, подарила своему мужу целомудренный поцелуй под умиленные взгляды родителей: они хорошо помнили рассказы дочери о школьном хулигане, и, видя, с каким трепетом он относится к Гермионе сейчас, не могли не испытывать это щемящее чувство.

Когда все расселись за праздничным столом, миссис Грейнджер торжественно внесла в гостиную их совместное творение — пудинг, который следовало полить коньяком и поджечь, что они и сделали. Гермиона даже захлопала в ладоши, совсем как в детстве, когда мама проворачивала этот банальный, но такой красивый трюк.

— Я решила побыть прорицателем сегодня, — загадочно произнесла миссис Грейнджер, — поэтому в пудинге спрятаны некоторые предметы, они предскажут будущее!

Угощение вмиг разобрали по тарелкам. Гермиона осторожно откусила кусочек, медленно жевала в ожидании. Цукаты, орешки... А это что?

Деликатно отвернувшись, она сплюнула на салфетку тыквенную семечку.

— Похоже, первое предсказание есть! — весело отозвалась миссис Грейнджер, — Что там, милая?

— Тыквенная семечка...

Миссис Грейнджер улыбнулась, глаза её влажно блеснули.

— В следующем году тебя ожидает прибавление, милая.

Драко и Гермиона переглянулись. Кивнули друг другу.

— Похоже, твоя мама прирождённая прорицательница,
— Драко накрыл ладонь жены своей рукой. — Думаю, самое время сказать.

Гермиона мелко закивала. Прочистила горло. Ладони её вспотели от охватившего всё существо волнения.

— Мам, пап, мы с Драко... Мы ждём ребёнка.

Гостиная наполнилась счастливыми поздравлениями. Она была побольше кухни, но тоже казалось слишком маленькой для четырёх взрослых и малыша, который пока ещё был размером чуть меньше тыквенного семечка...

Счастливого Рождества,
мисс Френдшер

Канун Рождества, 2004

Гермиона Джин Грейнджер сидела в своём небольшом, но уютном офисе Министерства магии. Уже третий год она трудилась не покладая рук, стремясь к должности заместителя министра, в надежде, что Кингсли Бруствер даст ей обещанное повышение в ближайшее время.

Она нервно каталась взад-вперёд на строгом чёрном кресле, то подъезжая к столу, то отъезжая — не от скуки, а от переутомления. Перед ней громоздилась кипа отчётов, писем и служебных записок — будто сами слова пытались затянуть её в вязкое болото цифр и каллиграфии.

— Как мило. Праздную Рождество одна, и только ты меня радуешь, — вздохнула Гермиона, глядя на маленькую ёлочку, перекошенную под весом миниатюрной гирлянды.

Все сотрудники уже разошлись: кто — домой, к семье; кто — в бар, праздновать с друзьями. А она осталась тут, в вязаном бордовом свитере с нелепым рисунком оленя, чьи рожки обмотаны гирляндой.

Ей хотелось поехать в Австралию к родителям, но итоговое решение было однозначным: сперва — вся работа, потом — отдых. Вместе с колдотерапевтом из Швейцарии, с которым познакомилась в командировке, Гермиона разрабатывала осторожный план восстановления памяти родителей.

Два дня назад она написала им подробное письмо, почему не сможет приехать и что ей *очень, невероятно, до невозможности* жаль, при этом пообещав приехать сразу после праздников.

Правда, не уточнила, после каких именно.

Гермиона нервно покусывала кончик карандаша, оставляя на нём следы зубов, жалея, что отказала Тристану Лоуэллу в свидании — парню, который работал в отделе международного магического сотрудничества.

Он казался ей милым и очень вежливым, но совсем не подходил по типуажу, и был с ней почти одного роста, если не ниже. Она боялась, что Тристан будет чувствовать себя

неуверенно рядом с ней — а потом и вовсе начнёт упрекать за то, что смогла добиться большего.

Женщины, предпочитающие карьеру семье, часто с этим сталкиваются — гласила одна из свежих статей «Ведьмополитена», который теперь, по иронии судьбы, возглавляла бывшая слизеринка. Хотя... разве слизеринцы бывают бывшими? Особенно, если её имя — *Пэнси Паркинсон*.

Ещё один бывший выпускник змеиноного факультета трудился на одном уровне с Гермионой — в Отделе магического правопорядка. *Драко Малфой*.

Со времён школы он заметно поумерил пыл и теперь добросовестно работал на благо волшебного мира, причём с каким-то особенным рвением хватался за дела, связанные с маглами. Это её искренне забавляло. Гермиона гадала, то ли бывшая заноза в заднице и впрямь изменился, то ли просто блестяще играл роль идеального сотрудника — как бы невзначай подбираясь к её позиции.

«Ну уж нет, — думала Грейнджер, — хоть у него куча друзей и поклонниц в министерстве, у меня больше способностей и амбиций. Я, по крайней мере, не трачу время на пустую болтовню и наигранные улыбочки ради славы».

Насколько ей было известно от Гарри, ныне Главного Аврора (*и, к её немалому удивлению, близкого друга Малфоя*), Драко не был женат. Она-то думала, что некогда напыщенный индюк моментально женится на первой же чистокровной аристократке, как только выйдет за порог Хогвартса. *Но нет.*

Более того, этот *выдающийся аристократ* частенько заглядывал в офис к, как он её называл, *великой и опасной мисс Грейнджер*, принося с собой два бумажных стаканчика кофе из новенькой кофемашины на первом уровне Министерства. Заваливаясь к девушке в кабинет, сияя в своём роскошном костюме — или, точнее, в *очередном* роскошном костюме — Малфой по-свойски усаживался в кресло напротив, чтобы поработать над каким-либо делом, так или иначе пересекающимся с его отделом.

Гермиона откровенно бесилась, но блондин нарочито

медленно попивал кофе, словно нахмуренные брови и сжатые в полоску губы напротив только раззадоривали его.

Минут через пятнадцать-двадцать словесной драки, едва ли напоминающей их школьные перепалки, им всё же удавалось составить рабочий план и дописать отчёты по уже пройденным пунктам. Однажды он притащил в её кабинет белую доску с десятком маркеров и синтетической губкой — оповестив, что возле его квартиры открылся какой-то магловский магазин канцтоваров, и он «выкупил» у них эту доску, заранее обменяв галлеоны на фунты.

А ещё он постоянно звал её куда-нибудь пообедать. Или Гарри звал — но только при условии, что придёт и Малфой. Чаше Гермиона отказывалась, но пару раз всё же сдалась. После каждого такого обеда она напоминала себе, что есть в компании этих двоих — форменный стресс: их изощёренные баталии сводили её с ума.

Гарри с Джинни пригласили её на рождественские посиделки в кругу семьи — она грустно вздохнула и отказалась, зарытая в непомерную гору ответственности, маячившую прямо под носом. Коллеги, работающие с ней на одном уровне, предложили отправиться с ними в бар — отпраздновать за кружечкой сливочного пива. Она отказала и им, надеясь, что никто больше не постучится. Домой тоже не тянуло — в одинокую, пусть и уютную квартирку в трёх кварталах от Министерства, обставленную в основном книгами.

«Ужлучше работать, чем пялиться в телек под аккомпанемент громких фейерверков с соседней улицы», — успокаивала себя волшебница, вырисовывая на черновом листе карандашные каракули.

За широкими окнами кабинета вспыхивали разноцветные огни, переливаясь яркими красками. Гермиона отъехала на кресле назад и медленно встала. Манящие всполохи фейерверков напоминали ей о тёплых временах, когда был жив Фред, и они с Джорджем устраивали настоящее световое шоу в Норе каждое Рождество. Обычно всё заканчивалось визгами Молли, бежавшей с тряпкой в руке, потому что от их фейерверков непременно взрывалось что-то ещё в округе.

Вздыхнув, девушка стянула с головы синюю заколку, распуская непослушные локоны. Чуть повернув головой из стороны в сторону, размяла плечи — и решила пройтись по опустевшим коридорам Министерства.

Выйдя из кабинета, Гермиона едва не ахнула. С плафонов на потолке свисали веточки омелы, стены украшали разноцветные гирлянды в форме миниатюрных ёлочек, а повсюду парили крошечные магические фонарики — будто светлячки, сбивающиеся в кучки и тут же разлетающиеся в стороны. По полу мягко рассыпались снежинки — искусственные, тёплые на ощупь, но при этом пахнущие настоящей зимой. В воздухе витал аромат корицы и глинтвейна, словно само здание Министерства решило притвориться рождественской ярмаркой.

«Ладно... может, зря я не вышла раньше из кабинета, когда меня звали на корпоратив», — невесело подумала Гермиона.

Снаружи наконец стих шум — и теперь было слышно только гулкое эхо её шагов. Каблуки размеренно отбивали ритм: шаг. Второй. Третий.

Внезапно снизу донёсся едва уловимый «бах». Она нахмурилась. Наверное, где-то отвалилась одна из декораций — с такой любовью, как в этом году министерские эльфы украшали здание, подобное случалось уже не раз.

«Но меня хоть кто-то когда-нибудь слушает?»

Спускаясь по винтовой лестнице — чтобы хоть как-то компенсировать весь день сидячей работы — Гермиона направилась в атриум. Там, где когда-то стоял массивный фонтан, теперь возвышалась по-настоящему величественная ёлка — с верхушкой, теряющейся где-то под потолком. Она провела по дереву взглядом снизу вверх, и почувствовала лёгкое головокружение — настолько ёлка казалась грандиозной, почти нереальной.

Иглы сияли, будто были отполированы вручную — каждая ветка была усыпана мерцающими каплями инея и крошечными золотыми шариками, раскачивавшимися от малейшего дуновения сквозняка. Гирлянды из тонких стеклянных нитей вились,

похожие на серебряные ручейки. Повсюду сверкали волшебные огоньки — не просто мигающие лампочки, а крошечные, как мотыльки, заколдованные искорки, порхающие от ветки к ветке. На каждом из нижних ярусов ели были подвешены миниатюрные музыкальные шкатулки, и из них то и дело доносился тихий хоровой шёпот.

Гермиона втянула в себя аромат, пробуждающий смутные, но тёплые воспоминания — и не сразу заметила, как кто-то её окликнул. Выпучив от неожиданности глаза, ведьма развернулась и огляделась: никого.

«Показалось...» — выдохнула она и машинально полезла за палочкой. Только чтобы вспомнить — оставила её в кабинете.

Однако сердце всё равно предательски стучало, отдаваясь набатом в голове. Ощущение покоя, царившее секунду назад, испарилось без следа.

— Мисс Гермиона Грейнджер, — низкий мужской голос раздался неожиданно чётко.

«Чёрт, не показалось! Что же делать?! Кто это?! А если просто выбежать из здания? Но... палочка! А вдруг придётся отбиваться?! Нужно срочно в кабинет! А если меня схватят прямо сейчас?!»

Мысли беспокойно металась по черепной коробке, не давая вдохнуть. Паника подкрадывалась, опутывая горло невидимыми цепями.

— Мисс, я знаю, что вы там. Просто обойдите ёлку. Не бойтесь.

Голос не был похож ни на один из знакомых.

Словно...

«Изменённый заклинанием?» — догадка мелькнула в голове и тут же растворилась в водовороте безумных мыслей.

Гермиона глубоко вздохнула и медленно побрела в обход огромной ёлки, на фоне которой волшебница казалась невероятно крошечной.

— Ах!

Девушка прижала ладони ко рту, когда перед ней открылся обладатель голоса.

Прямо за ёлкой, на невысоком троне сидел...

... **Санта-Клаус.**

Красная рождественская шапка с пушистым помпоном и чересчур густая борода.

«Какого Мерлина?! Кто устроил маскарад посреди ночи в атриуме? Аниматор с корпоратива потерялся и решил отработать галлеоны до последнего кната?!»

Но что-то не складывалось.

«Санта» сидел небрежно, развалившись, закинув одну ногу на колено другой — без круглого живота, румяных щёк и красного носа. Гермiona только теперь заметила, что этот «мужчина» совсем не походил на типичного героя детских сказок. Издалека совершенно не представлялось возможным хоть как-то понять, кто скрывался за очками с толстой оправой и пышной бородой.

— Мисс Грейнджер, подойдите поближе, я не обижу вас, — торжественно произнёс Псевдо-Клаус (*как она уже успела окрестить этого чудака*), постучав странным, определённо бутафорским, посохом по деревянному покрытию.

«Но тогда откуда он знает моё полное имя?..»

— Вы кто? — Гермiona чуть склонила голову набок, прищуриваясь.

— А по мне не видно? *Хо-хо-хо*, — пробасил он всё тем же нарочито низким голосом.

Вытянув губы в трубочку и, кажется, уже понимая, что беды от этого балагура ждать не стоит, Гермiona скрестила руки на груди в ожидании следующей реплики.

— Если вы ответите мне на один вопрос, мисс Грейнджер, обещаю, я испарюсь — вы даже глазом не моргнёте.

Она немного помедлила, но всё же кивнула, принимая эти дурацкие правила игры, в которую её, похоже, только что втянули.

«Чем быстрее он исчезнет, тем лучше. Вернусь в кабинет, запру дверь и останусь там до утра. Посплю на диване».

— Вы были счастливы в этом году? — спросил он. Проницательный взгляд «Санты» метко врезался в её карие радужки.

Гермиона нахмурилась и сощурила глаза — так, что от них остались лишь узкие щёлочки.

«Кто же знал, что работа допоздна может привести к такому...»

Вдох-выдох.

— Нет, не была, — неожиданно для себя с вызовом ответила Гермиона.

«Что дальше, лохматое бутяфорское чудище?»

— Как откровенно. Откровенно грустно, — ответил «Санта». — Расскажите мне, мисс, почему? Что вас гнетёт?

Гермиону вдруг взбесило, что этот ненормальный, кем бы он ни был, лезет не в своё дело!

— Ещё бы я обсуждала свои проблемы с каким-то... актёришкой! — злобно выпалила Грейнджер. — Да ещё и не очень хорошим!

Лёгкая ухмылка прорезала густую бороду — и тут же исчезла.

— А мне кажется, я знаю, почему вы несчастны, мисс Грейнджер, — сказал Клаус неоспоримым тоном. Голосом, знающим истину.

— Пф, и почему же? — Гермионе порядком поднадоел этот странный диалог с чудяком, если не живущим на Северном полюсе, то явно оттуда свалившимся.

— Вы просто не позволяете себе этого, вот и всё.

Девушка открыла рот, чтобы возразить.

— Постойте, не перебивайте меня, пожалуйста, — произнёс он, выставив вперёд какие-то слишком длинные для Санты пальцы. Гермиона нервно закусила губу.

— Я наблюдал за вами весь год, мисс Грейнджер, и прекрасно знаю о вашей тяге к одному мистеру... не вспомню его имени, но он, между прочим, тоже неровно к вам дышит. Вы упорно отодвигаете чувства в дальний ящик, словно боитесь, что можете ему не понравиться. Чего вы *на самом деле* боитесь, мисс?

«Да что он вообще несёт?!»

— Да что вы вообще несёте, мистер?! Кто вас прислал?!

Хватит играть со мной в эти игры! Если вам нужны деньги — просто дождитесь, пока я схожу в кабинет. Я дам столько, сколько вы попросите!

Нервы натянулись до предела, готовые оборваться в любую секунду. Она не хотела приближаться — без палочки чувствовала себя до одури уязвимой, словно раздетой догола. Но и отступить уже не могла. Это сюрреалистичное нечто, восседающее на троне, знало больше, чем кто-либо в Министерстве. Больше, чем знала она сама.

«О ком он говорит?..»

Она глубоко задышала носом, пытаясь загнать в мозг как можно больше кислорода.

«Давай, Грейнджер. Ты же будущий замминистра, грёбаная умнейшая ведьма... Включай мозги!»

Гермиона захлопала ресницами, пытаясь осознать мысль, пронзившую голову, и сделала пару шагов к трону, на котором восседал Санта.

— Мерлиновы яйца... — вырвалось шёпотом.

«Малфой!»

«Как же я не догадалась? Но... зачем?»

«Бред какой-то...»

Мысленно прокрутив череду доводов, она резко сменила тактику.

«Ха! В таком случае, мы доведём игру до конца!»

В груди вспыхнул давно забытый азарт. Почти детский. Безрассудный. Она приосанилась, расправила плечи и широко улыбнулась, с вызовом глядя прямо в глаза «Напыщенному Санте». И с неожиданной долей удовольствия заметила, как он глубже вжался в трон от её реакции, к которой, видимо, готов не был.

«Ну что, мистер Санта... теперь моя очередь», — весело пронеслось в голове, и она направилась к нему.

Взгляд бородатого мужчины скользил по девушке снизу вверх, словно подмечая каждую деталь.

Чёрные аккуратные туфельки на низком каблуке. Серые, слегка облегающие брюки без стрелок, на длинных, стройных

ногах. Вязаный бордовый свитер с милым моленёнком. Открытые ключицы, выглядывающие из-под выреза. Изящная, тонкая шея. Чуть спутанные каштановые локоны спадали на спину, а несколько прядок вились у красивого личика, украшенного лёгкой россыпью веснушек на щеках и носу. А эти глаза...

Гермиона в несколько шагов оказалась у трона «Санты» и уже смотрела на него сверху вниз, хитро прищурившись. «Седая» бровь дёрнулась в изумлении, когда будущий замминистра без стеснения опустила к нему на колени — едва он успел их сомкнуть. Посох выскользнул из разжатой ладони и с глухим стуком ударился о тёмный мраморный пол, отполированный до зеркального блеска.

— Ну что, дорогой Санта, ты готов исполнить *любое* моё желание?

Она смотрела прямо в серые глаза поддельного мифического существа — и поражалась: как раньше могла не распознать их?

«Санта» замер, будто в этот момент его тщательно продуманный план дал трещину, а на экспромт сил уже не оставалось.

Гермиона услышала, как он шумно сглотнул.

— Любое, мисс Грейнджер, — с придыханием выдохнул он.

Тогда она положила руки на его плечи — широкие, крепкие, даже под слоем красного махрового костюма — и медленно наклонилась, прошептав что-то прямо на ухо. Затем отстранилась, с искорками озорства в глазах.

«Ну надо же, стоило только пожаловаться на одинокое Рождество».

И «Санта», не отрывая взгляда от девушки, так удобно устроившейся у него на коленях, медленно стянул с лица искусственную бороду. Гермиона, не сводя с него взгляда, поддела пальцами шапочку и потянула вверх. Из-под неё показались светлые, взъерошенные волосы.

— Зачем ты устроил весь этот спектакль? — спросила Грейнджер, склонив голову и прищурившись с игривой хмылкой.

— К сожалению, других действенных способов позвать тебя на свидание просто не существует, — вздохнул Малфой трагично. — Если тебе интересно, я изрядно пропотел в этом чёртовом костюме.

Гермиона едва сдерживала смех, сложив губы трубочкой.

— Я уже несколько месяцев придумываю самые идиотские поводы, лишь бы пересечься с тобой. Готов пить этот ужасный кофе хоть каждый день — лишь бы ты подольше ворчала на моё присутствие. Два департамента пять недель страдали от бумажной засухи, потому что я сгрёб все магловские дела себе. Пришлось обаять тридцать два человека и даже выучить их имена, — с выражением исповедовался Санта-Малфой, закатывая глаза так театрально, что Грейнджер едва не прыснула.

— Даже с Поттером подружился, чтобы почаще быть у тебя на слуху.

Гермиона опустила левую руку себе на колено, а правая всё ещё лежала у него на плече. Она чувствовала, как подступает смех, но цеплялась за остатки самообладания.

— Советчик из него, кстати, так себе. А идею с этим маскарадом подкинула его сумасшедшая жёнушка, — фыркнул Драко.

— Джинни?! И как вы вообще...

— Ты никогда не ходишь с нами выпить после работы, Грейнджер. А Поттер иногда притаскивает её с собой, — рассказывал Малфой будничным тоном, словно это не было чем-то из ряда вон всего несколько лет назад.

Гермиона ненадолго задумалась, с досадой осознав, что Малфой никогда и не претендовал на её будущую должность. Он просто хотел быть рядом — пока она зарывалась в бумаги, одновременно убеждая себя, что ей суждено остаться пленницей амбиций, без шанса на нормальные отношения.

Вынырнув из ступора, она спросила:

— Ну так что, ты исполнишь моё желание или нет?

— Секунду, — он потянулся к широкой красной штанине.

— Подожди! Может, выйдем из этой духоты? Час назад я видела, как пошёл снег...

— Это уже второе желание, — хищно ухмыльнулся Малфой.

— А ты вообще не настоящий Санта. И что? — парировала она. Драко только повёл бровью.

Гермиона медленно соскользнула с его колен, невольно отмечая, что сидеть на них было гораздо приятнее, чем на неудобном (*как оказалось*) кресле в её кабинете. Малфой стянул бороду через голову и швырнул её на праздничный трон. Они вышли на улицу, и морозный воздух мгновенно окрасил их щёки розоватым оттенком.

Девушка в свитере с оленем и парень в форме Санты-Клауса стояли у входа в Министерство магии. Снег кружил крупными хлопьями, оседая на каменной кладке, пушистым облаком покрывая деревья и тонкими снежинками вплетаясь в волосы.

Драко пошарил в огромном кармане красной штанины, вытащил палочку и негромко произнёс:

— *Акцио, омега.*

Веточка плавно опустила её в его раскрытую ладонь.

— Давай, Грейнджер, вспоминай азы на уроках Флитвика, — ехидно улыбнулся Малфой.

— У меня с собой нет палочки...

— Возьми мою, — и он протянул ей древко, которое тут же приятно завибрировало в её тёплой руке.

— *Вингардиум Левиоса!*

Веточка воспарила прямо над ними, плавно покачиваясь, не обращая никакого внимания на лёгкие порывы ветра. В воздухе витала настоящая магия.

Драко решался всего секунду. Затем шагнул ближе и обхватил холодными ладонями горящие щёки Гермионы. Их взгляды столкнулись — и вся притворность и игривость девушки внезапно сошла на нет, но времени на размышления уже не оставалось. Малфой прижался к её губам своими, обнимая за талию и притягивая ближе к себе.

От контраста мягких горячих губ со вкусом мяты в сочетании с холодным воздухом сердце Гермионы сделало

культбит. Горячее дыхание парня и плавные, скользящие движения, так настойчиво изучавшие её губы, заставили её забыть, где она находится.

Снег продолжал кружиться вокруг, медленно оседая на его волосах и её ресницах, словно не смея нарушить этот зыбкий момент. Где-то вдалеке звучала тихая музыка — рождественский хор, гул голосов и весёлый перезвон колокольчиков в витринах. Всё это, казалось, отдалилось, притихло, исчезло — кроме *них*. Только он, его ладони на её лице и талии, их дыхание, смешавшееся в холодном воздухе, и его губы, такие уверенные и осторожные.

Они отпрянули почти синхронно, будто вспыхнувшие в груди чувства жгли сильнее рождественского мороза. Гермiona тяжело дышала, прижав ладони к щекам — то ли чтобы согреться, то ли спрятать дрожь. На ресницах у неё блестели крошечные снежинки, и она не сразу решилась снова взглянуть на Драко. А он стоял напротив, с тихо сжатыми губами и каким-то растерянным выражением в глазах.

— Не забудь поблагодарить Джинни, — пробормотала Гермiona, заставив себя выдавить кривоватую улыбку.

— Отправлю письмо первой проснувшейся совой, — хрипло ответил Малфой, ухмыляясь. Он провёл рукой по затылку и спросил:

— Хочешь... прогуляться немного?

Она кивнула. Сердце всё ещё билось, как бешеное, но внутри разливалось тепло, как от глотка сливочного пива.

Недалеко от центрального входа, в тени заснеженной арки, струился пар. Он поднимался из крохотного ларька с латунной крышей, чьи стены мерцали слабым золотистым светом.

Гермиона прищурилась: внутри кто-то колдовал над медным котлом, откуда поднимался запах горячего шоколада, топлёного молока и корицы. Малфой тоже заметил это и, не говоря ни слова, тронул её за локоть.

— Пойдём? — спросил он негромко.

Зачарованная атмосферой вокруг, девушка быстро закивала и вырвалась чуть вперёд, заставив взъерошенного

«Санту» ускориться — что давалось ему непросто — тяжелые ботинки тянули его вниз, словно кандалы.

Внутри ларька стоял миловидный мужчина лет пятидесяти, в нелепых больших перчатках и с деревянным половником в руках. Завидев странную парочку, он чуть приподнял кустистую бровь, но тут же расплылся в улыбке:

— Счастливого Рождества, милые люди! Чего желает ваша дама? — тепло проговорил он.

— Я не...

— Она не...

Мужчина оглядел их по очереди, едва заметно улыбнулся в усы и продолжил, ничуть не смутившись:

— Посмотрите меню! Только вчера обновил — дух Рождества, как-никак! — радостно заявил он, кивая в сторону тёмной доски у окошка, исписанной мелом.

— Ну, что выбираешь? Или вернёмся в Министерство за дрянным кофе? — спросил Малфой, пристально наблюдая вовсе не за меню, а за Гермионой. Та, нахмурившись, быстро бегала глазами по надписям, будто решала очередную сложную задачку.

— Хочу какао. С маршмеллоу, — шепнула она заговорщически, наклонившись к его уху.

Драко прочистил горло, шагнул вперёд и громко произнёс:

— Одно какао. С маршмеллоу.

— А ты?! — Гермиона уставилась на него, как на сумасшедшего.

— Это... Я такое не пью, — Драко изобразил полнейшую непричастность к подобного рода напиткам.

— Конечно. Ты пьёшь только *чистый* огневиски, а остальное — для простолюдинов, да? — Гермиона надулась, скрепящая руки на груди.

Мужчина застыл с ковшиком в руке в ожидании заказа.

Малфой тоже скрестил руки, повторяя позу девушки и, фыркнув, пробурчал:

— Ты могла бы не включать *гриффиндорскую зануду* хотя бы в программу сегодняшней ночи.

— А ты мог бы выключить свои *аристократические настройки* хотя бы на полчаса, — парировала Гермиона.

— Прости, я вечно забываю, какая ты бываешь дотошная!

— Прости, что на короткое время забыла, каким заносчивым бываешь **ты!**

В этот момент дверки ларька с грохотом захлопнулись прямо у них под носом.

Это мгновенно отрезвило обоих.

— Ну вот, — разочарованно вздохнула Гермиона и слегка притопнула ногой. — Я осталась без какао.

Малфой, видимо, не собирался сдаваться. Он спокойно постучал костяшками пальцев в деревянную створку.

Щёлкнула задвижка, и продавец снова открыл ларёк, явно немного смущённый.

— Простите нас, мистер...? — сухо осведомился Драко, чуть склонив голову.

— Пибблс, — пролепетал он.

— Мистер Пибблс, — тепло улыбнулась Гермиона. — Извините, что вам пришлось стать свидетелем нашей... небольшой перепалки.

— Мы со школы соревнуемся, у кого мозг изобретательнее, — хмыкнул Малфой.

— Ох, не волнуйтесь! — расплылся в улыбке продавец. — Эти дверки сами по себе захлопываются... То ли от ветра, то ли от рождественского духа — я уж и сам не знаю. Вот ваш напиток, милые волшебники.

Он протянул большой бумажный стакан с дымящимся какао, в котором плавали маршмеллоу и торчали две полосатые трубочки — красно-белые, как леденцы.

— Спасибо, мистер Пибблс! Счастливого Рождества! — быстро поблагодарила Гермиона и махнула ему замёрзшей ладонью.

— И вам счастливого Рождества и большой **любви!** — с весёлым подмигиванием добавил он.

На этот раз створки захлопнулись *намеренно*, заставив парочку волшебников застыть на месте.

Гермиона осторожно выловила один марשמеллоу, подула на него и отправила в рот. Он приятно растаял, обволакивая всё внутри мягким, сладким теплом. Она зажмурилась от удовольствия и, слегка косясь на вторую трубочку, отпила немного напитка.

Малфой молча наблюдал за этой милейшей ведьмой, и, будто что-то решив про себя, наклонился и зацепил губами вторую трубочку, мягко коснувшись её щеки.

Немного отпив и посмаковав, Драко вынес вердикт:

— Ладно. Это неплохо, я согласен.

Девушка победно взглянула на Малфоя и наконец осознала, как сильно продрогла. Она сделала ещё один глоток, грея руки о стаканчик.

— Но в следующий раз напиток выбираю я, — заявил он.
— И ты идёшь со мной.

— На... свидание? — пробормотала она неуверенно.

— На свидание, Грейнджер. Ещё на какое свидание.

Viola tricolor

«Приходилось жить – и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, – с осознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают».

Дж. Оруэлл

Часы бьют полночь, и на двенадцатый раз Пэнси Паркинсон открывает глаза. Сквозь плотно задернутые портьеры почти не пробивается свет от одинокого фонаря, освещающего подъездную дорожку к ее дому. Сердце бешено стучит, отдавая шумом в ушах, ночная сорочка неприятно липнет к телу, подушечки пальцев покалывает, и Пэнси кажется, что ее сейчас стошнит. Она протягивает дрожащую руку к прикроватной лампе, нащупывает выключатель, и после тихого щелчка пространство вокруг кровати окрашивается теплым светом. В комнате никого нет, но она знает, что он здесь. И он наблюдает.

Липкий страх давно стал ее постоянным спутником. Каждый шорох заставлял напрягать слух и зрение, сдерживать жгучее желание повернуть голову к источнику звука — до спазма в мышцах, до темных мушек перед глазами, до хруста позвонков. Со временем она научилась притуплять этот порыв, лишь сердце, пропускающее удар, становилось безмолвным свидетелем ее тревоги.

Мечты о карьере на маговидении (кто бы сомневался, что Гермиона Грейнджер в плотном контакте с Джорджем Уизли сможет воссоздать в волшебном мире аналог маггловского телевидения) пришлось отложить в «долгий ящик» — когда-то Паркинсон любила находиться в центре внимания, ловить восхищенные взгляды и купаться в лучах софитов, поэтому роль обозревателя светских новостей подходила ей просто идеально, но буквально после третьего выпуска программы с ее участием, Пэнси получила записку, содержащую всего одну

фразу и не имеющую подписи: «Ты была великолепна, моя Виола. Впрочем, как и всегда».

Во всем мире существовал лишь один человек, что называл ее так. Амикус Кэрроу, считавшийся погибшим во время второй магической войны. Этого с лихвой хватило для того, чтобы разорвать контракт с магостудией и провести неделю в добровольном заточении в стенах небольшого поместья, окруженного таким количеством защитных чар, которым позавидовал бы даже Аластор Грюм.

В конечном итоге Паркинсон заняла должность консультанта в международном бюро магического законодательства, которое теперь также разбиралось с последствиями режима Волдеморта и влиянием Британии военного периода на международную конфедерацию магов. Работа была довольно скучной и совершенно не подходящей ей по характеру, но в стенах Министерства магии Пэнси Паркинсон чувствовала себя в относительной, но безопасности.

Несмотря ни на что, Пэнси все же сохранила контакт с бывшими однокурсниками, в частности с Драко, Блейзом, Тео и Дафной. Малфой пошел по стопам отца и наращивал состояние семьи, вкладываясь в перспективные проекты и получая по итогам их завершения солидные дивиденды, изредка заглядывая в Министерство магии, чтобы пролоббировать те или иные интересы, Забини при первой же возможности перебрался в Италию, прихватив с собой старшую Гринграсс, роман с которой успел закрутить еще в школьные годы, а чем занимался Нотт — не знал никто. Возможно, даже он сам.

Паркинсон поделилась своими переживаниями с друзьями всего один раз: во время традиционных сборов в поместье Малфоев. Испив внушительное количество спиртного, она завела речь про военное время, которое никто из них по безмолвной договоренности не вспоминал. Ее опасения про вмешательство в частную жизнь не были приняты всерьез, Дафна даже окрестила все это «бредом преследования» и посттравматическим стрессовым расстройством, рекомендовав обратиться к целителю за умиротворяющим бальзамом. И

лишь Драко отнесся к ее словам серьезно, ведь он прекрасно понимал, каково это — жить с ощущением того, что за тобой неустанно наблюдают. В конце концов он сполна ощутил это на своей шкуре в процессе шестого года обучения.

Этот разговор имел последствия, ведь в один из визитов Малфоя в Министерства магии, Драко неожиданно возник на пороге кабинета, в котором находилось рабочее место Пэнси, пригласив ее на обед в заведение неподалеку. Расположившись за столиком в углу ресторана, подающего блюда французской кухни и сделав заказ на двоих, Драко наложил заклинание против подслушивания и внимательно посмотрел на Пэнси. Почему-то это заставило ее поежиться.

— У меня что-то на лице? Ты смотришь так, будто у меня появился третий глаз, но ты стесняешься сказать об этом вслух.

— Тебя не испортило бы даже наличие лишней пары, но я бы не лишил себя удовольствия потрепать тебе нервы.

Паркинсон усмехнулась и, наплевав на все нормы приличия, показала другу средний палец, таким образом демонстрируя свое отношение к сказанному.

— Ладно, Драко, давай начистоту. Ты никогда не приглашал меня на обеды в рабочее время, так что либо тебе что-то нужно от моего отдела, и ты почему-то решил, что я смогу тебе помочь, либо до тебя наконец дошло, что я — лучшая девушка в твоей жизни, и ты сейчас начнешь умолять меня дать тебе хоть один шанс.

— Третий вариант, — он даже не стал комментировать ее подтрунивая, что было абсолютно на него не похоже и вызывало вопросы, — я был у Поттера.

— Лучшая девушка в твоей жизни — его жена? Или, о, Драко, неужели... он сам?

— Мерлин, Паркинсон, ты можешь быть хоть немного серьезнее? — Малфой умолк, когда к столику вернулся официант, расставляя перед магами их заказ. — Я обратился к нему за консультацией относительно твоей ситуации. Он должен был мне за одну услугу, но это к делу не относится.

Весь флер веселости испарился в одно мгновение, и

Паркинсон зябко повела плечами, ощущая, как в районе затылка скапливается напряжение.

— Не стоило к нему ходить. Я ценю твою заботу и все такое, но Дафна ясно дала понять, что мои опасения кажутся вам пустым звуком.

— Дафна просто не понимает, о чем говорит. Я — знаю, — он выдержал многозначительную паузу. — Я не называл имен, просто поинтересовался о судьбе одного Пожирателя Смерти. Поттер поднял его личное дело и сверился с записями магической экспертизы, согласно которым в Большом зале Хогвартса было обнаружено и опознано тело Амикуса Кэрроу, вернее то, что от него осталось. ДНК принадлежала ему с вероятностью в 60%, магический след также выявил соответствие. Да, цифра не большая, но если брать в расчет то, какая там была мясорубка, результат более чем удовлетворительный. С чего ты вообще взяла, что за тобой наблюдает именно он?

Пэнси закусила нижнюю губу и отвела взгляд, будто раздумывая, стоит ли открывать все карты. В конечном итоге — это же Драко. Ее друг, который не стал высмеивать ее переживания, а попытался помочь.

— Я получила от него записку.

— Почерк можно подделать, это ничего не значит. Ты видела его?

— Нет, но я знаю, что записка была от него. Лишь он называл меня Виолой.

— Какая еще Виола? Что за бред?

— Моё имя. Пэнси. «Анютини глазки», от латинского *Viola tricolor*.

— Есть что-то, чего я не должен, но очень хочу узнать?

Паркинсон сделала глоток успешного остыть кофе, положила ладони на колени, ноготками впиваясь в плоть, обтянутую черным хлопком, и кивнула, не отводя от Малфоя взгляд. Что-что, а не прятать глаза она научилась. Возможно, даже слишком хорошо.

Седьмой год обучения в Хогвартсе с огромной натяжкой можно было назвать хорошим. Или хотя бы адекватным. Во время режима Волдеморта школа превратилась в своеобразное исправительное учреждение, преподавательский состав которого был наделен исключительными полномочиями. Относительно вольготно в стенах замка себя ощущали лишь студенты, в чьих венах текла «чистая» кровь, да и то предпочтительно слизеринцы. У всех остальных стояла лишь одна задача: *«выжить любой ценой»*.

Нервы были натянуты до предела, непростительные заклятия в наказание за любую провинность срывались с конца волшебной палочки с поразительной легкостью. В перерывах между занятиями в коридорах школы, где некогда звучал смех, царила оглушающая тишина. Мало кто осмеливался вне учебного времени обитать где-либо помимо гостиной своего факультета.

Пэнси Паркинсон задержалась на лишних десять минут у Макгонагалл, так как не смогла самостоятельно разобраться в вопросе наложения множественной трансфигурации на сооружения со сложной архитектурой. Желание подтянуть свои знания стало ее первой ошибкой.

Она уже была на середине пути к гостиной Слизерина, как из-за поворота показался Амикус Кэрроу. Его иссиня-черная мантия была застегнута под самым горлом, волосы — идеально уложены, запонки на манжетах ловили и отражали скудный свет факелов, а в правой руке мужчины была зажата волшебная палочка.

— Профессор, — тихо поздоровалась Пэнси, и хотела было уже пойти дальше, но была остановлена вкрадчивым баритоном.

— Мисс Паркинсон, задержитесь.

Крепко сжав ремень сумки, она подняла на мужчину свой взгляд и даже попыталась придать лицу выражение легкого

подобия вежливой заинтересованности. Сохраняя мнимое спокойствие, она поинтересовалась:

— Я чем-то провинилась, сэр? — это была ее вторая ошибка.

— Мисс Паркинсон, вы даже не представляете, как это звучит из ваших уст, — Амикус усмехнулся, а в его взгляде зажегся огонек предвкушения, будто давая старт нездоровой игре, правила которой были известны лишь ему одному. — Но нет, я всего лишь хотел справиться о ваших успехах на учебном поприще. Ваш отец настоятельно попросил меня приглядывать за вами, и я не смог отказать старому другу.

— Благодарю, профессор, я со всем справляюсь, — Паркинсон опустила взгляд в пол, как вдруг почувствовала прикосновение к своему подбородку кончика волшебной палочки.

Древесина неприятно давила на нежную кожу, упиралась в кость и вынуждала Пэнси поднять голову.

— Не прячьте глаза, — мужчина повел палочкой выше, очертил скулу и остановил ее ход в районе виска Паркинсон, — они у вас прекрасны. Леди вашего положения непристойно опускать взгляд подобно поганой грязнокровке. Что за дивный оттенок, словно у нежнейшего цветочного лепестка. И ваше имя. Пэнси. *Viola tricolor*, правда последнее к вам не относится, — Амикус откинул острием палочки прядь волос с лица девушки, и, наконец, опустил древко.

— Могу ли я идти, профессор? — Паркинсон всеми силами пыталась заставить свой голос не задрожать.

— Конечно, — кривая улыбка расчертила его лицо, — и помните, что теперь я приглядываю за вами, *Виола*.

Пэнси кивнула и поспешила убраться из этого дьявольского коридора. По щеке скатилась обжигающая слеза — первая в череде многих, она была в этом уверена, ведь порой всего две жалкие ошибки могут изменить все.

Так проходила неделя за неделей, и Пэнси всеми силами старалась не влипать в неприятности, не покидать без необходимости гостиную, не ходить по коридорам в одиночестве, зная, что за этим последует, ведь он всегда появлялся. Амикус не позволял себе каких-либо вольностей, но после коротких разговоров с ним возникало непреодолимое желание отмыться. Мужчина говорил о важности положения в обществе, перспективах, благодаря доктрине Темного Лорда, открывающихся волшебникам с «чистой» кровью, необходимости иметь связи с достойнейшими представителями волшебного мира: все это было перебором даже для нее, открыто поддерживающей режим Волдеморта, потому что так было нужно, потому что так обязывала фамилия.

Во время их непродолжительных диалогов тет-а-тет он обращался к ней исключительно, как к Виоле.

В какой-то момент Паркинсон начала ощущать на себе его взгляд — во время приемов пищи в большом зале, во время уроков ЗОТИ, в коридорах и аудиториях Хогвартса, и даже в собственной спальне, но стоило ей повернуть голову — ничего не происходило. Там никого не было.

После очередного занятия по ЗОТИ, во время которого Амикус Кэрроу в красках описывал, что именно следует вложить в заклятье *Круциатуса*, чтобы жертва испытала весь спектр ощущений, профессор попросил ее задержаться.

Стоило последнему ученику покинуть учебный класс, как Амикус бросил на дверь заглушающее и, кажется, невербально ее запер — раздался тихий щелчок.

— Подойдите, — произнес он, не вставая из-за учительского стола, и это заставило Пэнси подчиниться.

Девушка в нерешительности замерла перед передними партами, чувствуя, как ее желудок сделал кульбит. Страх. Он разливался по венам, отравлял кровь и путал мысли. Инстинкт самосохранения кричал ей: «беги», но Пэнси не сделала и шага, понимая всю тщетность своих несостоявшихся попыток.

— Моя дорогая Виола, вы хорошо усвоили материал? — Кэрроу все же встал на ноги, обошел свое рабочее место

и остановился прямо перед Пэнси — теперь их разделяло не более метра.

— Да, профессор, — последовал ответ на выдохе.

— И вы уверены, что сможете наложить это заклятье верно?

— Полагаю, что да.

— Покажите, — Амикус приманил из подсобного помещения клетку с крысой, что с шумом опустилась на его стол, и отошел девушке за спину.

Паркинсон почувствовала, как потеют ее ладони, когда она доставала волшебную палочку, ощутила дрожь в коленях, когда навела древко на грызуна, что своими глазами-бусинками смотрел прямо на нее, с трудом сглотнула ком в горле, стоило с ее губ сорваться нужному заклинанию.

Крыса пронзительно пискнула, упала на дно клетки, в судороге поджав лапки, но через несколько секунд пришла в себя, забивший в дальний угол своего пристанища.

— Вам не хватает мотивации. Вы должны по-настоящему хотеть это сделать, вы должны вложить в заклятье всю свою ненависть, — свистящий шепот раздался прямо над ухом Пэнси, а в следующий момент она почувствовала, как теплая ладонь опускается ей на талию. — Вам стоит взять у меня несколько частных уроков.

Паркинсон благодарила Мерлина за то, что в данный момент Амикус не видел ее лица, на котором отразился самый настоящий ужас, уродуя миловидные черты. Она сделала шаг и стремительно развернулась, сумев взять эмоции под мнимый контроль. Пэнси бы применить оглушающее, но нападение на такого человека могло обернуться самыми неприятными последствиями, встречаться с которыми ей крайне не хотелось.

— Профессор, не думаю, что это действительно необходимо...

— Тш-ш-ш... — шершавые пальцы коснулись ее щеки. — Говорят, что большое видится на расстоянии, я же предпочитаю наслаждаться деталями.

Амикус повел прикосновение дальше, очертил

подушечками пальцев ее ушную раковину и достиг затылка, сжимая волосы у самого основания и оттягивая вниз, вынуждая Пэнси запрокинуть голову в попытке облегчить неприятные ощущения.

— Ты великолепна, *моя Виола*, — гортанное рычание «царапало» слух, и в следующее мгновение обжигающие губы коснулись пульсирующей венки на шее Паркинсон, прикусывая тонкую кожу.

Свободной рукой Амикус нащупал палочку и невербально заставил мантию Пэнси растянуться, открывая большой плацдарм для действий. Он коснулся внешней стороны бедра девушки, провел рукой вверх, сменяя форменную юбку, а Паркинсон не выражала какого-либо несогласия, лишь смотрела прямо перед собой, ощущая, как в уголках глаз скапливаются слезы.

Что ж, этот частные уроки определенно возымеют успех, дадут ей повод для ненависти и приведут к третьей ошибке — промолчать о случившемся и позволить этому повториться.

Комната пуста, свет от прикроватной лампы едва освещает хоть четверть площади. Паркинсон садится в постели и наполняет пустой стакан при помощи Агуаменти. Глоток, второй, третий.

«Ты одна в своей спальне. Здесь никого нет. Ты в полном порядке» — как мантра.

Постепенно сердцебиение приходит в норму и становится легче дышать. Нестерпимо хочется в душ. Хочет отмыться и выскрести это давящее ощущение из черепной коробки.

Пэнси встает с кровати, перекидывает влажные волосы через плечо и подходит к окну, отодвигая портьеру — за стеклом валит снег, его пушистые хлопья облепляют фонарь, откидывая причудливые тени. Это зрелище завораживает Паркинсон, даря некое подобие удовлетворения. Решение провести Рождество в одиночестве, словно это самая обычная ночь, кажется ей как нельзя верным.

— *Viola tricolor* —

Она оборачивается, и крик застревает у нее в горле.

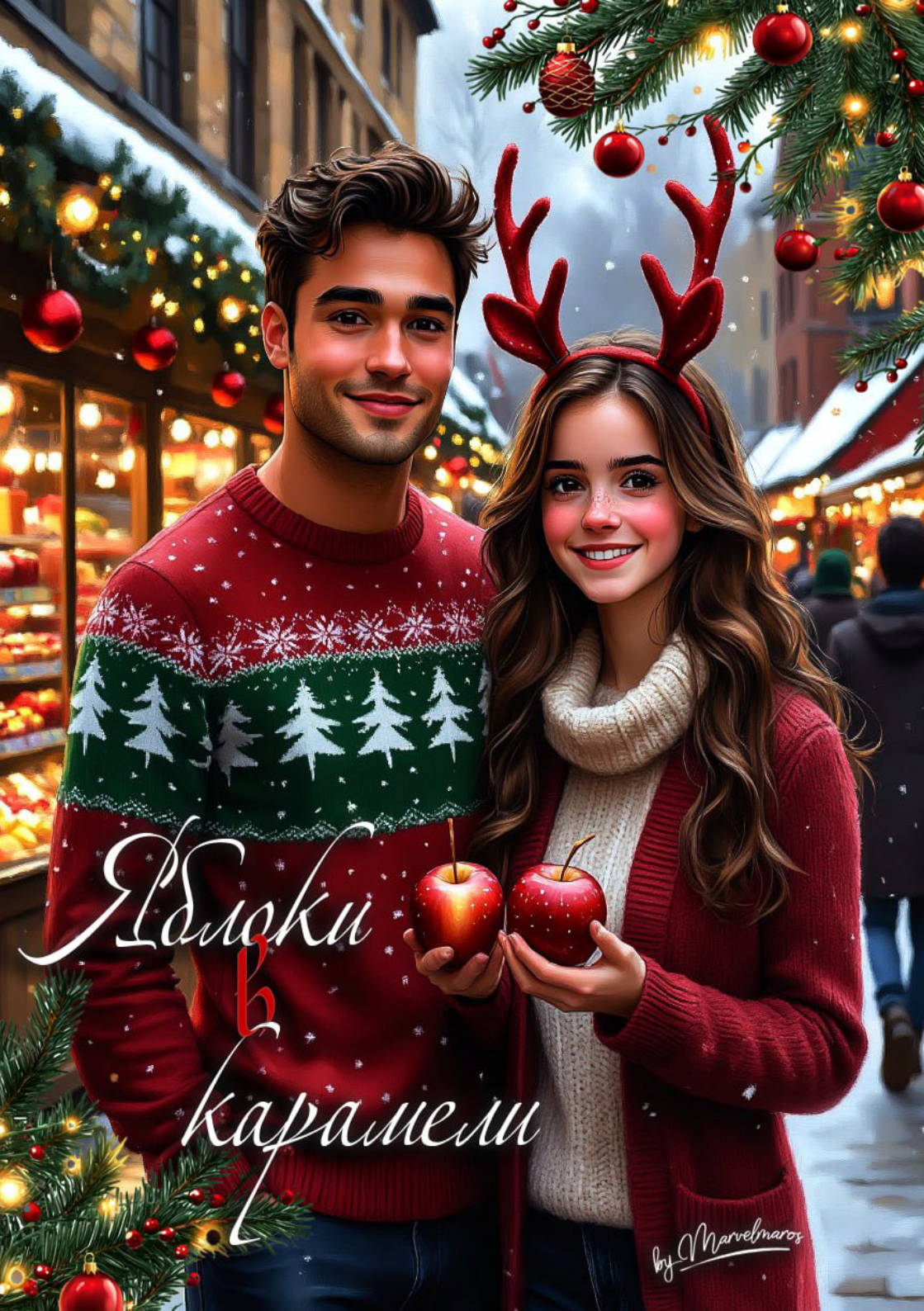
Амикус Кэрроу стоит перед ней, облаченный в костюм по фигуре, волосы уложены также идеально, как она и запомнила, запонки на манжетах отражают теперь скудный свет прикроватной лампы и уличного фонаря.

Мужчина поднимает руку и касается лица Паркинсон, проводит подушечкой большого пальца по ее нижней губе и оттягивает ту вниз.

— Я же не мог оставить тебя без Рождественского подарка, моя дорогая Виола.

Яблоки
в
карамельи

by Marvelmaros

Декабрь выдался прохладным: температура воздуха несколько дней не поднималась выше сорок одного градуса по Фаренгейту¹, улицы города устилало пушистое снежное одеяло, создавая неповторимую атмосферу сказочного Рождества. Колючие ветви различных хвойных деревьев, изредка встречавшихся в городе, окутала мишура инея, особенно волшебная в свете мерцающих праздничных огней и среди разноцветных шаров; из многочисленных магазинчиков, пабов и забегаловок лились звуки рождественских гимнов, а от многообразия красного, зелёного и золотого рябило в глазах. Пахло бензином, глинтвейном и выпечкой: Лондон готовился праздновать Рождество и встречать две тысячи второй год. Люди спешили, толкались, извинялись, вырвали из рук друг друга вещи, которым было суждено облачиться в пёструю упаковку и занять место под ёлкой, смеялись и в отчаянии заламывали руки под грузом скопившихся под конец года дел, начинали новые отношения и заканчивали те, что отжили, искренне веря, что лучше оставить старое в уходящем году; впервые целовались под омелой и поскальзывались на коварной ледяной корочке, обрекая себя на праздники в больнице; ехали на ненавистную работу в двухэтажных красных автобусах и принимали судьбоносные решения; одним словом, люди жили.

Её руку в кашемировой перчатке сжимала широкая тёплая ладонь, и Гермиона чувствовала себя самой счастливой девушкой в мире, лавируя среди спешащих по своим предпраздничным делам людям. Вчера Блейз обмолвился, что никогда в жизни не гулял по маггловской части Лондона в рождественскую пору, и тем самым определил времяпрепровождение для них двоих на ближайшие несколько дней: уместить в одну прогулку всё было просто нереально. Искренне влюблённая в родной город Гермиона была убеждена в том, что каждый уважающий себя человек просто обязан хотя бы разочек прогуляться по столице в каждую предпраздничную пору, начиная Рождеством и заканчивая Пасхой. Откладывать смысла не было.

Они, не торопясь, шагали к Ковент-Гардену, ежегодно

¹ 5 градусов по Цельсию

превращающемся в самый настоящий филиал Лапландии примерно с конца ноября и до начала января. Покрытая корочкой льда тротуарная плитка несколько раз покушалась на здоровье Гермионы, но будущий колдомедик и чуточку герой войны Забини каждый раз спасал её от досадных падений своими объятиями, в которых она растворялась, как зефирки в горячем какао.

— Я такая неуклюжая, — сетовала Гермиона, хватаясь за его плечи, чем вызывала улыбку и поцелуи в покрасневшие от мороза щёки, — натерпишься ты со мной.

— Ты не неуклюжая, — возражал Блейз, — просто коленочки подкашиваются от моего присутствия, — и её дыхание перехватывало, а ладони моментально увлажнялись... Впрочем, не только ладони. Щёки краснели уже не от холода. Они были вместе несколько лет; Гермиона носила на безымянном пальце помолвочное кольцо, никто из близких уже не шутил, называя её его фамилией, но чувства... они словно появились только вчера, не покрывались пылью прожитых вместе дней. Их не смогли разлучить ни круциатус от Беллатрисы, ни метка, от которой остался уродливый шрам на предплечье Забини, ни его частичная потеря памяти, ни непонимание общества, в глазах которого Блейз выглядел совсем неоднозначно, несмотря на свой поистине серьёзный вклад в победу — он уничтожил крестраж, но этого некоторым было будто бы недостаточно. Периодически мелькали статейки о коварном пожирателе, запудрившем мозг самой умной ведьмы столетия, Впрочем, они прекрасно уживались на одной странице с заметками о серой мышке Грейнджер, урвавшей в женихи богатого, красивого и до одури обаятельного чистокровного итальянца. Авторами первых статей оказывались полусумасшедшие охотники за славой Риты Скитер, вторые же выходили из-под пера некой Дафны Г. Гермиона с Блейзом читали эти нелепые строчки, фыркали от смеха, закатывали глаза и в итоге превращали жёлтые странички в горстки пепла: весь грёбаный мир может сказать им гулкое «нет», которое рухнет прахом перед их уверенным «да».

— Иногда мне кажется, что всё это сон, — рука Блейза лежала на её талии. До Ковент-Гардена оставалась пара сотен метров, — что я проснусь осенью шестого курса, и ты даже не просмотришь на меня за завтраком, — Гермиона прислонилась головой к его плечу, подстроившись под ритм его шагов.

— Тогда уже смотрел, просто ты не замечала, Tesoro², — проворковал, наградив любимым прозвищем.

Мурашки пробежали вдоль позвоночника: Гермиона обожала, когда он переходил на родной язык, а ещё отчётливо помнила, когда именно он впервые назвал её так — на их первом настоящем свидании, когда она расспрашивала его о семье. Гермиона даже зажмурилась от удовольствия на крошечное мгновение, а когда открыла глаза, настойчиво потянула его в сторону входа в Ковент-Гарден.

— Пришли!

Сдав одежду в гардероб, они окунулись в неповторимую атмосферу праздника. Глаза разбегались от разнообразия маленьких развлечений: фотобудка, лавка с обожаемыми Гермионой яблоками в карамели, рождественским пуншем и глинтвейном; множество магазинчиков с ёлочными игрушками и сувенирами пестрели мишурой; наряженные в свитера с оленями и елочками серьёзные мужчины вызывали умиление. Гермиона не успела и глазом моргнуть, как классический джемпер Блейза вдруг превратился в красный свитер с белым рождественским орнаментом, а на её голову приземлился обруч для волос с плюшевыми оленьими рожками и миниатюрной шапочкой Санта Клауса.

— Блейз, — с шутливым упрёком произнесла она, цепляясь за его руку, — колдовать при магглах нельзя даже в праздники!

— Никто и не заметил, — подмигнул он, чмокнув её в макушку. Проходившие мимо пожилые леди неодобрительно покосились на них, поджав губы.

— Летящий обруч для волос? Никто не заметил?

— Уверяю тебя, все здесь слишком заняты собой и своими

² сокровище, ит.

близкими, — он вдруг остановился, задрал голову вверх, где под сводчатым стеклянным потолком обнаружили гигантские красные и золотые ёлочные шары. — Нет, ты только посмотри, и тут цвета Гриффиндора! Везде сплошной Гриффиндор! — он рассмеялся.

— Любишь же ты меня подначивать, — пробурчала Гермиона и тут же оказалась в крепких объятиях.

— Просто люблю тебя.

Снова мурашки по коже. Гермиона уткнулась носом куда-то в район его ключиц, глубоко вдохнула любимый цитрусовый парфюм. Каждое «люблю», срывавшееся с его губ, до сих пор немного сбивало её с толку.

— Я тебя тоже, — её голос вышел приглушенным.

— Тоже — что?

Она отстранилась, заглядывая в сияющие каре-зелёные глаза.

— Тоже люблю, Блейз.

— Каждый раз как первый, да? — он подмигнул ей, поглаживая по спине. Привлёк девушку к себе. Чмокнул её в макушку, постаравшись не задеть плюшевые рожки. — Мне здесь так нравится... Ты знаешь, вроде ничего особенного, но какая-то атмосфера... Не знаю, как передать. Волшебная? Чем дольше я здесь нахожусь, тем сильнее верю во всё самое светлое, что существует в этом мире. У волшебников оно как-то не так ощущается, — они продолжили прогулку по рождественской ярмарке, — более... обыденно, что ли.

— Да... я тоже чувствую это. Думаю, всё дело в том, что в Рождество многие магглы начинают верить в чудеса.

— Знаешь, нечто подобное я испытал на первом курсе. Когда впервые увидел, что снег может вырастать в сугробы, а не таять через пару часов, озеро — замерзать так сильно, что можно кататься на коньках, а без тёплой мантии с шарфом на улице делать нечего. Дома оно было не так. Зимы в Тоскане сколько я себя помню были мягкими, снега почти не было, чаще дождь. На Рождество мама постоянно зачаровывала виллу... Наколованный снег не обжигает холодом и рассыпается

словно мука. Ни тебе снежков, ни снеговиков, но мама всегда так старалась... знала, что я в тайне люблю зиму, — он глубоко вздохнул. Гермiona переплела их пальцы и сжала его руку в поддерживающем жесте. — Спасибо.

— Мне жаль, что я не смогу исцелить эту рану, Блейз.

— Никто не сможет, — его взгляд скользил по сверкающим искусственным сосулькам, украшавшим балкончики магазинов второго уровня. — Ну так вот. Конечно, в детстве несколько раз мы с мамой гостили у Малфоев под Рождество, но то ли тогда зимы были не снежные, то ли мы с Драко боялись Люциуса, и потому не валялись в снегу как сумасшедшие, не могу сказать, не помню точно. Вот на первом курсе меня было почти невозможно затащить в замок зимой. Больше всех доставалось Драко — было весело валять его в сугробах. И, главное, безопасно, друг же.

Гермиона слушала его с лёгкой улыбкой. Постепенно в её голове созревал план.

— А ещё мне так нравился Большой зал и зачарованный потолок, с которого снежинки падали... И эти ёлки. Жаль, я ни разу так и не остался там на Рождество. Очень хотелось, но бросить маму на праздники одну я не мог, — и снова его лицо на мгновение будто бы потемнело, словно кто-то бросил на него тень, и Гермiona боялась сказать что-то не то, потому мешкала. Синьора Ализа Забини не пережила войну, по-своему спасая Блейза, но навсегда разбив его сердце. Конечно, Гермiona как могла лечила его больную душу, вот только никто не в силах воскресить мёртвого.

Всё, что она могла — просто быть рядом и окружать его заботой.

В воздухе разливался аромат жженого сахара, а гул детворы усилился в несколько раз: они подошли вплотную к заветной для Гермiony лавке, где на пергаментной бумаге атели крупные яблоки в карамели, усыпанные толченым арахисом, шоколадной крошкой и разноцветными рисовыми шариками.

— Пойдем, попробуем их, — она потянула Блейза к

выстроившейся к лавке очереди. Несколько раз в неё чудом не врезались сновавшие тут и там дети с увенчанными звёздами волшебными палочками наперевес, крыльями ангелов за хрупкими плечами; был даже сорванец в костюме Гринча, что старательно изображал недовольство, надувая по-детски пухлые губы.

— Представляешь, однажды и у нас будет такой... — Блейз кивком указал на маленького Гринча, что со смехом гонялся за другими детьми.

— Или такая, — Гермиона кивком указала на малышку, бережно держащую в крошечных ручках большую коробку с зелёным бантом.

— Или двое сразу, а?

— Должна быть генетическая предрасположенность. У тебя в роду были близнецы или двойняшки? — Блейз отрицательно покачал головой, его взгляд вдруг потускнел. — О, не расстраивайся раньше времени, Забини, у моей прабабушки была сестра-близнец.

— То есть вероятность есть?

— Малюсенькая, — Гермиона подняла руку и почти сомкнула подушечки большого и указательного пальцев, — во-о-от такая маленькая, но, да, есть.

Очередь к лавке с яблоками двигалась медленно. Блейз, с присущей ему слизеринской хитростью, предложил ещё чуточку поколдовать, чтобы не тратить время, но Гермиона строго покачала головой. Наконец, продавец передал им аппетитные бордовые яблоки, щедро посыпанные толченым арахисом и цветными рисовыми шариками, и они присели на лавочку у медленно мерцающей ели.

— Я их обожала в детстве, — произнесла Гермиона, прежде чем откусить от своего яблока, — но так редко ела...

— Почему? — Блейз вертел своё яблоко, нанизанное на деревянную палочку, и пытался прикинуть, как подступиться к угощению, не вляпавшись в густую карамель. Наконец, Забини всё-таки откусил кусочек, но испачкал кончик носа, отчего Гермиона захихикала. — Не хватает корицы... — заключил он, — она бы добавила пикантную нотку... что? — он непонимающе посмотрел на девушку.

— Ты вляпался, — проворковала Гермиона и протянула ему салфетку.

— Я-то вляпался уже давно, — он говорил совершенно точно не про карамель, и Гермиона смущённо опустила взгляд. — Вытри сама, пожалуйста, я не вижу, где там, — Блейз чуть наклонился в её сторону, и девушка аккуратно стёрла карамель с его кожи. — Спасибо. Так почему редко ела эти яблоки? Они только на Рождество?

— Нет. От сладкого портятся зубы, родители строго следили за тем, чтобы я не злоупотребляла.

— У волшебников не портятся, — заметил Блейз.

— Ну, кто же тогда мог знать, что я волшебница...

— А ты и не волшебница, — Блейз смотрел на неё, ухмыляясь, — ты самая настоящая ведьма, — прошептал он ей на ухо, не дав возможности изумиться такому заявлению, — заколдовала меня... — его ладонь очертила изгиб её талии.

Гермиона прикрыла глаза. Она догадывалась, что Блейз из раза в раз делает это нарочно. Дразнит её. Выучив наизусть особенно чувствительные места Гермионы, иногда он будто бы ненароком касался её прилюдно, конечно, очень целомудренно со стороны, никакого пошлого подтекста... для окружающих, но не для них двоих. Тонкое напоминание: «я тебя хочу». Гермиона глубоко вздохнула, поймав веселящийся взгляд каре-зелёных глаз.

— Провокатор... Идём, — они как раз закончили с яблоками.

Гермиона потянула его к фотокабинке, затолкала внутрь и, стоило только плотной ткани шторы скрыть их от посторонних глаз, впиалась в его губы поцелуем. Ощущая привкус карамели на губах, Гермиона крепко обхватила его плечи, но Блейз быстро отстранился, развернул девушку спиной и положил ладони на её тазовые косточки, с силой прижав к своим бёдрам. Он легонько прихватил зубами нежную кожу на её шее, и Гермиона резко выдохнула.

— Отдашься мне прямо здесь, Гр-рейнджер? — Блейз подтолкнул её вперёд, заставив опереться о стену кабинки.

Гермиона послушно прогнулась в пояснице. — Заманчиво... — он скользнул правой рукой по её позвоночнику вверх, до самой шеи. Бережно собрал в кулак волны её волос, чуть потянул на себя, заставив девушку прогнуться ещё сильнее и плотнее прижаться к его бедрам, — будет так неловко, если нас застанут... — Блейз выпустил её волосы из руки; они каштановым каскадом рассыпались по спине. Он отступил на шаг назад, насколько позволяла ширина фотокабинки. — Сохрани этот настрой до дома, — Забини легонько шлёпнул ее по ягодице.

Гермиона разочарованно выдохнула, выпрямилась и резко обернулась. Щёки ее пылали.

— Вот это, Гермиона, была провокация, — он мягко коснулся её щеки подушечками пальцев, — а на лавочке я просто тебя обнимал.

— Оправдывайся теперь, — буркнула девушка, протягивая руку к шторе, но Забини ее остановил.

— Стой-стой, а как же фото на память, — почти торжественно объявил он и буквально стиснул её в своих объятиях.

Привыкшая к его выходкам Гермиона не видела смысла сопротивляться, поэтому искренне улыбнулась в камеру, а при следующей вспышке рассмеялась, потому что его пальцы пробежались по её рёбрам, щекоча.

Они гуляли по праздничному Ковент-Гардену до его закрытия. Самыми последними забрали свои вещи в гардеробе и вышли на декабрьский холод, на ходу застёгивая пуговицы. Улица встретила их тихим снегопадом, что в желтоватом свете фонарей выглядел по истине невероятно. Они шли, держась за руки. Дальше по улице развлекали небольшую толпу уличные музыканты, и, когда мелодия стала хорошо слышима, Блейз закружил Гермиону в танце прямо посреди тротуара.

В Тоскане царила присущая местному климату погода: совершенно не по-рождественски по окнам виллы барабанили капли дождя, но Гермioniу это совершенно не расстраивало: такая мелочь, как погода, не помешала в своё время синьоре Забини, не создаст помех и ей. Сложнее оказалось проводить упирающегося Блейза на пару бокалов огневиски в компании Малфоя и Нотта. О, Гермione пришлось очень долго и упорно убеждать его в том, что она ни капельки не обидится, если вечером двадцать четвертого он отлучится на пару часов к друзьям. Одарив её подозрительным взглядом, Блейз исчез в ярко-зелёном пламени камина, а Гермiona тут же кликнула домовиков: им всем предстояла весьма сложная работёнка — превратить большую столовую в мини-копию украшенного к Рождеству Большого зала.

По лбу катились капельки пота, к коже липли волосы, но Гермiona продолжала взмахивать волшебной палочкой, преображая комнату: двенадцать небольших елей уже заняли свои места, увенчанные золотыми звёздами и усыпанные блестящими шарами, они очень походили на своих хогвартских старших сестёр. Обеденный стол она немного подкорректировала, чтобы походил на факультетский, а привычные стулья трансформировала в неудобные, но ставшие родными за семь лет скамьи. Она достаточно долго провозилась с потолком и всё-таки сумела зачаровать его так, чтобы с него сыпались крупные снежные хлопья, и осталась крайне довольна собой. Домовиков попросила подать ужин из любимых праздничных блюд хозяина виллы, а сама вышла на улицу, где в воздухе висела мгла. Она взмахнула палочкой, закрывая внутренний дворик прозрачным куполом, и принялась наколдовывать снег — тот самый, ненастоящий, но пропитанный ностальгией и самой искренней любовью.

Когда псевдоснежный покров приобрёл тот вид, которого упорно добивалась Гермiona, время уже подкрадывалось к

полуночи. Она замерла посреди своей гардеробной, прикидывая, что было бы наиболее уместным нарядом. Шальная мысль встретить его в костюме Евы мелькнула в голове, но Гермиона, хихикнув, отложила её до грядущего дня всех влюблённых: тогда он будет более чем уместным. Ещё немного подумав, достала пижаму и взмахом палочки украсила её орнаментом из остролиста: зелёное по красному, как же символично... Она вдруг подумала, что Рождество — самый объединяющий праздник, ведь даже цвета враждующих факультетов так гармонично сочетаются в праздничной атрибутике. Гермиона натянула пижаму, надела на голову тот самый обруч для волос и спустилась в преображённую столовую ровно за минуту до того, как камин полыхнул зеленью, и раздался восхищённый вздох.

— Гермиона, ты волшебница, — Блейз так и стоял, немного перепачканный сажей, сжимая в руках картонную коробку в праздничной упаковке. Взгляд каре-зелёных глаз метался между сервированным точно как в Хогвартсе праздничным столом и украшенными елями, а когда Блейз поднял голову вверх, то буквально присвистнул. — Ты... ты что наделала? — он бросился к покусывающей губу Гермионе, бережно опустил свою коробку на стол, но тут же подхватил на руки засмеявшуюся девушку. — Что ты наделала, Гермиона Грейнджер, ты решила вернуть меня в детство?

— Я не могу понять, тебе нравится или нет? — обхватив его за шею, спросила Гермиона.

— Шутишь? Я в восторге! Ты исполнила мечту детства — Рождество в Хогвартсе! Я... у меня нет слов, Гермиона, — он опустил девушку на пол, чмокнул её в щеку и снова принялся осматриваться. — Ты как вообще запомнила всё это... ну каждая деталь! Ещё бы сугробы за окном...

— А ты посмотри, вдруг там есть.

— Смеешься? Ладно, я посмотрю, — он взмахом палочки отодвинул тяжёлую портьеру, да так и замер, глядя сквозь стекло на усыпанный снегом внутренний дворик. — Это... Гермиона, — он обернулся. — Зачем ты такая?

Она снова оказалась в его объятиях и прикрыла глаза, вполне довольная произведённым эффектом. Часы пробили двенадцать.

— С Рождеством, Блейз, — прошептала Гермиона. — Пусть оно принесёт тебе счастье.

— Счастье уже давно со мной, — он чмокнул её в макушку. — С Рождеством, Гермиона. У меня, конечно, не такой грандиозный подарок, но тоже с привкусом детства, — он выпустил её из объятий и указал на принесённую им коробку, в которой ждали своего часа такие любимые Гермионой яблоки в карамели. Пока она развязывала пышный бант и шуршала обёрточной бумагой, Блейз прокручивал в голове диалог с Малфоем.

— Ты серьёзно? Подаришь невесте на Рождество... яблоки? — тёмно-русская бровь поползла вверх. — Может, тебе денег занять?

— Очень смешно, Драко, — они битый час бродили по той же рождественской ярмарке в Ковент-Гарден.

— Никогда не замечал за тобой скупердяйства...

— Это и не скупердяйство... — Блейз придирчиво осмотрел выложенные на одном из прилавков яблоки. — Понимаешь, Драко, подарок не должен быть полезным, удобным или необходимым, — он покачал головой и направился к другой лавочке, — комфортом и удобством я её и так обеспечиваю, мне не нужен для этого повод. Подарок... он должен быть в самом сердце, понимаешь? Это может быть мелочь, но она покажет, насколько тебе ценен человек лучше, чем чек из Гринготтса. О! Эти подойдут!

— Но почему именно это? — Драко скривился, указав на блестящие от карамели яблоки.

— Любимое лакомство в детстве. И очень, кстати, недоступное для неё.

— Всё равно не понимаю...

— И не надо! — Блейз хлопнул его по плечу, — Эй, мистер! Мне вот эти все в коробочку упакуйте. Спасибо!

— А она тебе тогда что должна подарить? Рождество в Хогвартсе? Помнится, ты всегда об этом мечтал, но так ни разу и не остался в замке.

Блейз рассмеялся, осторожно взяв в руки увесистую коробку.

— Не знаю, но маховика у неё точно нет.

Блейз с улыбкой наблюдал за тем, как его будущая жена развязывает ленты на подарочной коробке, и думал, что, действительно, ему досталась самая настоящая ведьма. Ей ведь и правда не понадобился маховик времени, чтобы отправить его в прошлое.

He no kuman

Теодор Нотт не слишком жаловал понедельники. Не то что бы он отдавал предпочтения какому-то конкретному дню недели, нет. Просто почему-то сотрудник Министерства Магии, который отвечал за регистрацию новых организаций, изменил свой график работы только на этот день недели до конца года. И такое дело, что исследовательская лаборатория, которую недавно выпустивший слизеринец хотел основать, как раз и была новой организацией. Если, конечно, ему вообще удастся эта маленькая авантюра.

Тео оставалось только догадываться, сколько ещё ему придётся появляться в кабинете мистера Баркли. И пока очередной набор пергаментов был оставлен на рассмотрение до следующего визита, слизеринец ввёл традицию задерживаться после таких вылазок для прогулки по предрождественскому Лондону. Сегодня уход парня, как тот отметил по своим наручным часам, совпадал с окончанием работы в Министерстве. Чем-чем, а своими часами Нотт гордился. Он лишь слегка поколдовал над ними в первый год после окончания школы, но зато стрелки работали против обычного хода, изменилось расположение значений на циферблате, ещё добавилась функция напоминания о важных событиях или воспоминаниях.

Ровно шесть. Всего пара этажей до атриума, после чего наконец можно будет вдохнуть морозный воздух. Парень застегнул пальто, подходя к лифту, возле которого уже в ожидании толпились министерские клерки, работавшие ближе по этажу. Дождавшись следующего подошедшего лифта, Нотт прошёл в один из углов, не забыв выбрать место назначения, и скупающе смотрел, как несколько волшебников из отдела магических происшествий войдут следом, о чём-то разговаривая.

— Подождите, пожалуйста!

Тео услышал эти слова из коридора, когда двери уже начинали закрываться, но мужчина, стоявший ближе всего к выходу, задержал лифт, в который вбежала длинноволосая девушка, которая показалась парню смутно знакомой. Но

полностью он осознал это лишь тогда, когда она поздоровалась с волшебником и поблагодарила его.

— Как продвигается Ваш проект, мисс Грейнджер? Мне говорили, что Вы уже согласовали...

Следующую часть Нотт не расслышал за шумом поехавшего лифта, но встретить бывшую однокурсницу он не ожидал. Даже был приятно удивлён, хоть и не мог вспомнить хотя бы один случай, когда им приходилось говорить в школе, но, впрочем, и конфликтов у Тео с Грейнджер не было, в отличие некоторых его одноклассников.

Компания волшебников выходила этажом раньше, поэтому, выпустив их, Гермiona осталась в лифте наедине с Ноттом. И, кажется, только теперь заметила его присутствие, осматривая недоверчивым взглядом. Тео принял решение первым вежливо нарушить неловкое молчание:

— Добрый вечер. Могу поздравить с успешной карьерой?

— Добрый вечер, — неуверенно отозвалась девушка. Сейчас, когда ей пришлось поднять голову, чтобы видеть лицо Теодора, стало заметно, насколько она ниже ростом. Обычно им приходилось видеться на занятиях, где слизеринец не слишком обращал на это внимание.

— Спасибо, — она поправила сумку на плече, — но я не уверена, что это то, с чем меня стоит поздравлять. Я не слишком сильно продвинулась по карьерной лестнице. Просто сотрудник отдела магических популяций.

Нотт чувствовал, что что-то не так. Аккуратная одежда, даже непривычно уложенные волосы. Но что-то необъяснимо было не так. И парень наконец понял, что именно, помимо её надломившегося при ответе голоса и того, как она произвольно снова поправила застёжку сумки. Сначала Теодору показалось, что она плакала, но, взглядевшись в глаза Грейнджер, он был почти уверен, что ошибся. Взгляд был красноречивее любых её слов.

— И всё же вряд ли о проектах рядового сотрудника знали бы волшебники других направлений.

— Сложно не знать, когда даже репортёры знают о моей

жизни иногда больше меня, – отозвалась девушка с горькой усмешкой. – «Мисс Грейнджер предложили должность...», «Появится ли мисс Грейнджер на мероприятии...», «Где была подруга Гарри Поттера вчера вечером?» или «Прорицательницы попытались сделать предсказания о личной жизни Гермионы Грейнджер». Всегда можно выбрать на свой вкус. Их уверенность даже перестаёт забавлять.

Она в точности процитировала кусочки последних заголовков газет о своей персоне. Это даже немного пугало. Тео был уверен, что однокурсница достаточно уверена в себе, чтобы игнорировать прессу. Такое впечатление сложилось у него ещё в школьные годы. Но, судя по всему, девушка читала каждую из этих статей. Пожалуй, слизеринцу было жаль Гермиону, которой не удавалось вырваться из этого круга.

– Почему ты сегодня здесь, в Министерстве, Теодор? – внезапно спросила она, вырывая его из мыслей.

– Я занимаюсь согласованием открытия лаборатории в пригороде Ньюкасла. Последние годы показали, что вещи, зелья и заклинания требуют новшеств.

Он не раскрыл детали, считая их излишними, но Грейнджер понимающе кивнула:

– Я немного слышала об этом проекте.

Они вышли из доехавшего лифта в атриум. Девушка подняла взгляд на часы, и сейчас, при хорошем освещении, Нотт заметил, какие залегшие под её глазами тени. Гермиона почти сразу сощурилась от яркого света зала, но слизеринцу хватило всего пары секунд.

Ему было любопытно, что скрывается за маской, которую она повесила на себя. Но ещё больше, несмотря на отсутствие у них близкого общения, он боялся оказаться прав, что Грейнджер необходимо перестать изображать видимость сил.

– Ты торопишься? Может быть, встретиться с Рональдом, сходить за рождественскими подарками или ещё куда-то?

– Мы с Роном расстались ещё несколько месяцев назад, – неожиданно призналась девушка. Несмотря на то, что они были в коридоре одни, Грейнджер произнесла фразу еле слышно.

Тео не помнил, чтобы это освещали в газетах, но, скорее всего, информацию удалось сохранить от общественности. – Без взаимных обид, периодически общаемся. Наш график работы оказалось слишком сложно совместить. И я приняла решение не мучить Рона постоянным ожиданием того, когда я закончу очередную задачу.

Она словно пыталась оправдаться, хотя слизеринец точно не был тем, кто мог бы захотеть обвинить её в чём-то. Но теперь, по горечи в её голосе, он понимал, почему Грейнджер так странно отреагировала на его первый вопрос. А ещё это объясняло, почему, несмотря на напускную нормальность, она выглядела такой уставшей. Скорее всего, просто окончательно закопала себя в работу, чтобы быть идеальной хотя бы в этом, закрывая мысли о разрушенных отношениях.

– Я планировала поужинать с родителями, но моя мама заболела, встречу пришлось отменить.

– Может быть, тогда составишь мне компанию на прогулке?

– Зачем? – недоверчиво спросила она, скрестив на груди руки.

Он и сам не знал, почему решил предложить. Принял это решение спонтанно, но почему-то словно чувствовал, что это то, что необходимо сделать. Возможно, её красные глаза слишком красноречиво выдавали её усталость. Возможно, ему просто было любопытно пообщаться с гриффиндоркой. Или, возможно, сегодня этому просто благоволил фатум.

– Потому что мне скучно. А тебе не помешало бы отдохнуть и переключиться на что-то от дел.

Гермиона вряд ли могла представить, что Теодор Нотт позовёт её на прогулку по маггловскому Лондону. Но что она теряла? Если девушке будет некомфортно, то всегда можно трансгрессировать домой, закончив встречу. И гриффиндорка согласилась.

– Я слышала, что в Косом переулке на днях открылась чайная лавка, владелец которой сотрудничает с Японией и Китаем. Можно прогуляться туда от «Дырявого котла».

Она слышала, что коллеги хвалили новый магазинчик, так что Гермiona и сама начала задумываться о посещении. Да и Косой переулочек ей неплохо знаком.

— Ты не возражаешь, если я предложу место сам?

У Нотта была идея. Не из-за внезапного появления Грейнджер этим вечером, а из-за того, что он и сам собирался именно туда. Но почему-то казалось, что ей должно понравиться.

— Тогда ничего экстравагантного, ладно? — попросила она осторожно, недоверчиво, пока завязывала шарф у выхода.

— Ничего экстравагантного, — повторил за ней Тео. Он и не собирался.

Они вышли на вечернюю улицу. Сегодня, к счастью, не было промозглого ветра. Под ногами приятно хрустел недавно выпавший снег, а на кафе неподалёку светились праздничные украшения.

— Я не знаю, куда мы, так что... — заметила Гермiona, остановившись.

— Лучше трансгрессировать ближе, если тебя не пугает парная трансгрессия со мной в неизвестное место. Или можем пойти, поскольку мы всё равно не покинем пределы Лондона.

— Лучше трансгрессия.

Она не хотела терять время. Гораздо проще сразу понять, имеет ли смысл продолжать прогулку. Но гриффиндорка не могла не признаться себе, что благодарна Нотту за беспокойство о возможности выбора наиболее комфортного варианта.

Парень кивнул, уводя Грейнджер в менее освещённую часть улицы, чтобы случайные прохожие не заметили их исчезновения.

— Музей естествознания? — удивлённо уточнила она, когда поняла, что они трансгрессировали в один из переулочков и направились прямо к музею по Кромвель-роуд. — Вряд ли он ещё работает в это время.

— Ты близка с догадкой, но недостаточно точна, — усмехнулся парень. — Зачем тратить вечер с такой прекрасной погодой на время в помещении? Даже мне сегодня было его предостаточно, хотя я заходил в Министерство лишь на пару часов.

Людей вокруг становилось значительно больше, когда девушка заметила, что они подошли к ярмарочным палаткам. Гермiona подумала, что Нотт хочет что-то взять в какой-то из них, но слизеринец свернул к кассам находившегося рядом катка.

– Добрый вечер! Два билета с арендой коньков, пожалуйста, – улыбнулся парень кассиру и, услышав сумму, достал из кошелька фунты расплатиться.

– Откуда у тебя фунты? – спросила она, когда они прошли проверку билетов и зашли в раздевалку.

– Пусть это пока останется тайной.

Взяв коньки, они сели на одну из свободных лавочек. Нотт быстро переобулся и заметил, что девушка попыталась подняться, но пошатнулась, когда конёк начал заваливаться под её ногой.

– Не возражаешь, если предложу помощь?

Он опустил перед ногами однокурсницы и сильнее затянул шнурки на обоих её коньках.

– Стало лучше?

– Ещё в момент, когда я увидела, что слизеринцы теперь готовы преклонить колено перед гриффиндоркой, – иронично заметила Гермiona, наконец улыбаясь.

– Учту это на будущее, – Теодор улыбнулся в ответ перед тем, как подняться. По раздевалке девушка прошла достаточно уверенно, но первые сомнения закрались в голову парня, когда они достигли выхода на лёд. Даже этот метр между дверью и забором выглядел пыткой, но с большим трудом она всё же преодолела его, едва не упав.

– Ты когда-нибудь каталась?

Он, конечно, спросил, но больше из вежливости. Грейнджер крепко держалась рукой за заснеженный край ограждения, и слизеринец не мог не порадоваться, что знакомая была в перчатках. Возможно, гриффиндорке было бы гораздо легче, если она перестанет пытаться выпрямиться, стараясь показать, что со всем справляется.

– Нет. Мы с родителями зимой предпочитали горные лыжи. Но я читала...

Теодор не дал ей договорить и, чуть закатив глаза, с улыбкой оттащил её за руку в центр катка от бортика, за который девушка так держалась. От неожиданности, Гермiona разжала пальцы и не смогла противиться, стараясь просто не упасть.

— И что же ты читала? — невинно поинтересовался Нотт, наблюдая за испуганной гриффиндоркой. Грейнджер не смогла бы вцепиться рукой за ель, как за края бортика катка минутой раньше, так что теперь она схватилась за руку однокурсника, с огромным недоверием смотря на лёд под ногами. — Я думал, ты боишься только мётел.

Он и сам не мог понять, как вспомнил эту деталь с первого курса.

— Ими тяжело управлять, — недовольно пробормотала Гермiona. Когда она подняла глаза, парень заметил, как красиво отражаются в них огоньки гирлянды на ветках.

— Я думал, что как раз лыжами, когда едешь на полной скорости со склона, тяжело управлять. Всегда есть шанс въехать в дерево, — искренне рассмеялся парень. Он никогда не ездил в горы, но примерно представлял, как могут выглядеть трассы.

— Если ты забыл, у тебя и на коньках есть такой шанс. Буквально в метре.

— Лапочка, давай ты хотя бы попробуешь, — предложил Тео. Заметив взгляд однокурсницы, он, улыбаясь, поднял руки в «сдающемся жесте». — Хорошо, обещаю больше не называть «лапочкой», если не захочешь и если справишься. Нахватался в Ньюкасле от коллеги, пока работал там в этом году.

Нотт развернулся, встав ровно напротив девушки, и протянул ей обе руки:

— Не смотри на лёд. Глаза на меня. Я тебя держу, пока не попросишь отпустить.

— Хорошо, — сдалась Гермiona, поправила перчатки и позволила Теодору взять её руки.

— Немного расслабь ноги, согни в коленях. На прямых ты сразу упадёшь на спину. Вот так.

На кудри и шарф слизеринца, увлекающего её за собой по кругу вокруг украшенной ели, падали крупные хлопья снега. Почему-то он не любил шапки. Грейнджер замечала это ещё во время учёбы в Хогвартсе, когда были вылазки в Хогсмид или просто занятия на улице. Парень надевал их разве что в самые холодные дни, а этот лондонский вечер, судя по всему, не входил в такие.

— Я могу задать тебе один вопрос, Теодор? — нарушила молчание девушка, когда наконец перестала невольно пытаться упасть, прислушалась к некоторым советам своего сегодняшнего неожиданного спутника и сносно двигалась целый круг.

— Кажется, это уже был один вопрос, — улыбнулся парень, очередной раз осматриваясь вокруг и проверяя, не наедут ли они на кого-нибудь. — Но можешь задать и другие вопросы. Кстати, если уже готова, могу попробовать поехать рядом, а не перед тобой. Я оставлю одну руку, чтобы ты могла держаться.

— Да, готова.

Её голос дрогнул, но она была смелой девушкой, как и ожидалось от гриффиндорки. Нотт осторожно развернулся, продолжая поддерживать Гермиону за левую руку.

— Ты хорошо катаешься. Как ты научился?

Тео не стал озвучивать первую пришедшую в голову мысль «не по книгам», вспоминая то, с каких слов началось их катание.

— На территории моего дома был небольшой пруд. Родители расчищали снег, когда он замерзал, и позволяли мне покататься. Там не было бортиков, как здесь, так что я мог или надеяться, что справлюсь, или приземляться в сугробы рядом. Помню, я любил лежать там на снегу, наблюдая за небом и верхушками деревьев, а мама всегда переживала, не ударился ли я.

Парень поддержал начавшую терять равновесие однокурсницу, не дав ей упасть на спину. Он был рад, что девушка хотя бы перестала так сильно бояться, как было в первые минуты сеанса катания.

— А теперь я время от времени прихожу на каток сюда, к музею естествознания.

— Но почему именно маггловский Лондон? Разве в Косом переулке нет чего-то подобного?

Этого Гермиона не понимала. Во всяком случае, она не ожидала, что такой выбор сделает один из представителей консервативных чистокровных семей, поэтому неосторожно упомянула слова, которые могли выдать их отличие от большинства присутствующих. Однако все настолько были заняты своим катанием, что не обращали внимание на двух волшебников, воспринимая их как очередную парочку на свидании.

— Здесь нет оценивающих взглядов. Здесь только приятный зимний вечер, незнакомцы и то, как магглы пытаются создать для себя волшебство.

Грейнджер молча кивнула. Она понимала его слова про взгляды. Конечно, отношение к ней в обществе могло отличаться, но девушка устала от того, как каждый шаг её жизни после битвы за Хогвартс находится как на ладони общества. Гермиона и сама часто «сбегала» в маггловский мир, чтобы не увидеть на следующий день в газетах очередной заголовок о событиях своей жизни. От работы так сбежать было нельзя, и если журналисты время от времени теряли к гриффиндорке интерес, то коллеги по Министерству словно были уверены, что чем больше они будут пытаться завести с ней разговор или взяться за общий проект, тем вероятнее быстрее продвинутся по карьерной лестнице. Используя связи, а не свои навыки, что Грейнджер категорически не хотела признавать. Возможно, кому-то это казалось прекрасным способом, но она отлично разделяла личные связи и работу.

— Попробуешь сама?

Нотт бегло посмотрел на часы. Гриффиндорка уже чувствовала себя значительно увереннее на льду, а до конца сеанса оставалось время, чтобы дать ей попробовать поехать самостоятельно.

— Ты так и не объяснил, как тормозить! — возмутилась девушка.

– Ты уже планируешь сильно разогнаться? – изрядно удивился Теодор, чуть приподняв брови. – Пока тебе будет достаточно просто перестать отталкиваться. Если коньки движутся параллельно, поскольку ты не пытаешься ускоряться, они просто перестанут двигаться.

– Но ты делал по-другому, когда мы только пришли.

Заметила, несмотря на страх. Слизеринец уже позабыл, каким любопытством и какой настойчивостью она обладала в школе, когда речь заходила о получении новых навыков. Парень искренне уважал её за такой подход.

– По-другому. Я покажу, что я делал, но при одном условии: тебе пока не стоит повторять этот вариант.

Теодор остановился. Грейнджер мило хмурилась, пока сосредоточенно наблюдала за его действиями. Отъехав на несколько метров, парень немного проехал и повернул один конёк под углом к другому, высекая мелкие снежинки из поверхности льда.

Девушка задала ещё пару вопросов, а потом всё же решилась попробовать. Нотт улыбался, пока наблюдал чуть позади за тем, как она, пусть и медленно, пытается повторить всё то, что делала ещё минут десять назад с его поддержкой. Свет ярмарочных палаточек вокруг катка красиво подсвечивал помпон на шапке Гермионы и пряди её распущенных волос.

Слизеринец невольно задумался, почему они никогда не общались раньше. Кроме общих размовок факультетов и сложившихся предрассудков. Этот вечер был таким лёгким и непринуждённым, словно проходил не впервые. Тео внезапно поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы этот вечер не заканчивался.

Несколько кругов Грейнджер удалось проехать без происшествий, однако девушка всё же упала вперёд, успев подставить руки. Слизеринец мысленно порадовался, что она была в перчатках, это должно было хотя бы немного смягчить падение.

– Сильно ударились? – обеспокоенно спросил Нотт, подъехав к девушке. – Нужна помощь встать?

Ему показалось, что в первый момент она по меньшей мере сильно расстроилась из-за своей не совсем удачной попытки. Но она почти сразу перевернулась на спину и рассмеялась, глядя на небо. И, кажется, наконец расслабилась.

— Спасибо. За этот вечер, — произнесла Гермiona, когда взялась за протянутую своим спутником руку. Выпрямившись, девушка отряхнула пальто от снега. — Никогда бы не подумала, что буду рада смотреть на украшенную ель с такого ракурса. А потом, уже лёжа на льду, вспомнила, как любила так рассматривать огоньки и игрушки дома в детстве.

— Подстраховать? — уточнил парень, поскольку наступило время возвращаться в раздевалку, но Грейнджер лишь покачала головой.

— Я сама.

Она справлялась значительно лучше, чем Нотт ожидал в самом начале, но Тео всё же старался находиться рядом, чтобы не дать девушке упасть ещё раз. В раздевалке за это время стало куда многолюднее, но они всё же смогли найти местечко неподалёку от входа с катка.

— Здесь готовят вкусные напитки.

Нотт указал на один из ярмарочных киосков, когда они вышли из раздевалки, а девушка согласилась посмотреть, что находится в палатках вокруг. Он уже был на здесь на днях, поэтому даже примерно представлял расположение разных мест.

— Не хочешь выпить рождественский чай, глинтвейн или, может быть, имбирное пиво?

— Ты часто здесь бываешь? — Грейнджер во время ожидания в очереди внимательно изучала список вариантов в меню, чуть хмурясь, как тогда, когда слушала объяснения Теодора на катке.

— Не слишком. Но где ещё насладиться атмосферой праздника, если не здесь в декабре?

Со своим заказом он уже давно определился, оставалось лишь дать выбрать Гермione. Почему-то ему казалось, что она выберет глинтвейн, как традиционный зимний напиток.

— Можно, пожалуйста, рождественский чай, два минс-пая и... — он начал озвучивать заказ, когда подошла их очередь, и обернулся к спутнице.

— Имбирное пиво, пожалуйста.

— Имбирное пиво, — закончил Нотт. Не угадал. Зато узнавал её предпочтения.

Через несколько минут они расположились за одним из столиков неподалёку, забрав напитки и пирожки. В стакан Грейнджер сотрудники киоска явно добавили не только кусочек апельсина, который Теодор видел в верхней части напитка, но и, судя по сладкому запаху с древесными нотами, пробивающимися через имбирь, немножко мёда. Парень предполагал, что именно по этой причине Гермиона выбрала этот напиток. Сам же слизеринец слишком любил привкус корицы и всегда брал на ярмарке такой чай, если вариант был в наличии. В сегодняшнем минс-пае явно чувствовались пряности, цукаты и апельсиновая цедра, и это сочетание Теодор предпочитал больше других.

Разговор шёл легко, без какой-то неловкости. Мимо перемещались люди, но пара не замечала их. Гермиона с воодушевлением рассказывала про свою работу, про катание на лыжах, сравнивая их с коньками, а Нотт просто не мог отвести от неё, такой увлечённой и счастливой, свои глаза. В школе ему казалось, что с Грейнджер ему было бы скучно, начини они общаться, но сейчас... Сейчас он просто чувствовал, что не хотел, чтобы этот вечер внезапно закончился. Теодор, улыбаясь, сделал ещё глоток чая.

Постепенно на улице начинало холодать, а вечер, спустя четыре часа, проведённых вместе, приближался к ночи. Гриффиндорка собиралась отправляться домой, да и у Нотта на утро были запланированы дела, так что вечер рано или поздно должен был подходить к завершению.

— Мне неловко, что ты платил за меня сегодня.

Девушка потянулась к сумочке, но слизеринец мягко остановил её жестом:

— Это пустяки. Я ведь сам настоял на приглашении.

Они постепенно выбирались из толпы людей, собравшихся на площади. В какой-то момент Нотт почувствовал, что гриффиндорка взяла его за руку, как держалась этим вечером на катке, но теперь она боялась не упасть, а потерять его среди других людей.

— В моих часах появилось напоминание – «Предложить Гермионе Грейнджер посетить чайную лавку в Косом переулке», – Теодор с улыбкой показал на циферблат своих часов. – Может быть, они не ошиблись, и я могу дождаться её в следующий понедельник в атриуме Министерства Магии, когда закончу с делами?

— Я буду работать до шести, – заметила Гермиона перед тем, как отпустить руку парня и трансгрессировать, оставляя его одного. Почему-то Нотт сомневался, что её щеки порозовели лишь от румянца, но она согласилась, это было главным. И теперь парень стоял посреди украшенного маггловского Лондона, ощущая себя как никогда счастливым, хотя до последнего переживал, как она отреагирует на его небольшую авантюру.

Теодор Нотт нажал на кнопку сбоку от циферблата часов. Теперь он ждал понедельники.

Дарти Бахуса

25 декабря 2005 года 23 часа 17 минут

– Да, невероятно романтично, – кисло отозвался Малфой, провожая напряжённым взглядом очередной бокал бренди, пропавший в недрах изрядно выпившего Горация Слизнорта. Раскрасневшаяся рядом Минерва МакГонагалл не удержалась от сдавленного смешка, неприлично напоминающего хрюк уморённого искромётной шуткой поросёнка.

– Ох, ну конечно, расскажите, Гораций! – взгляд миссис Грейнджер вспыхнул нетерпением, словно рождественская ель огоньками прямо за её спиной. – Драко, милый, ты же не против, если Гораций расскажет нам столь очаровательную историю ваших с Гермионой чувств? – умоляюще протянула миссис Грейнджер, улыбаясь во все тридцать два зуба, идеальных и ровных, словно строчки эссе Гермионы.

– Не в силах отказать вашему удовольствию, Джин, – пробормотал Драко, блуждая взглядом по пёстрому залу поместья Малфоев и выхватывая из толпы гостей всех мало-мальски напоминающих Гермиону. Он верил, что жена спасёт угрожающе дымящую гузку этого «рождественского гуся».

Пока Драко мысленно клялся, что укладывать детей спать – теперь его забота, а увеселение родителей, профессоров и еще нескольких десятков гостей – обязанность Гермионы, Слизнорт в предвкушении начал свой рассказ.

– На носу было Рождество девяносто восьмого, – начал Гораций, отставляя опустевший бокал и хватая новый с мимо проплывающего подноса, – как сегодня, представляете? Невероятная история, скажу я вам. Если хотите, рождественские херувимы свели в лоне Альма-матер этих двоих, – Малфою стало физически больно. – В тот год я решил значительно расширить состав Клуба Слизней, включив в него всех учеников, выживших в печально известной финальной битве за Хогвартс и продолживших обучение в факультативный восьмой год. Традиционный рождественский приём Слизнорта только для этих счастливиц. Это была слишком взрослая вечеринка. Убежден что всем раненым душам необходимо

было взбодриться и хотя бы на одну ночь забыть пережитые ужасы, – пространно вещал Слизнорт.

Драко был убежден, что теперь ему тоже потребуется забыть пережитые ужасы этого Рождества, потому как именно в эту секунду Слизнорта посетила просто изумительная идея.

– Просто изумительная идея, – озвучила мысли Малфоя пронизательная даже после нескольких бокалов шампанского МакГонагалл, с некоторым сочувствием поглядывая на бывшего ученика. Поставляемая «Дарами Бахуса от братьев Уизли» новинка с этикеткой «Игривое игристое» не давало профессору ни единого шанса потушить пылающую гужку и прервать ностальгию коллеги.

Десять целых и одна четверть дюйма отборного кедра возникли из складок неизменно изумрудной мантии Слизнорта.

– Мы всё увидим своими глазами? – скептически уточнил немногословный и менее эмоциональный мистер Грейнджер.

– Как наяву, – уверил его Слизнорт, варварски трансформируя свой бокал в Омут памяти прямо рядом с остывающей индейкой, одно загорелое бедро которой уже было безжалостно ампутировано.

Миссис Грейнджер с восторгом наблюдала, как кончик палочки Горация Слизнорта тянет из седого виска бледно-голубую газообразную субстанцию, секундой позже закрутившуюся мягким вихрем в металлической чаше. Где-то взорвалась хлопущка с блестящим конфетти, оросив несчастную голову Драко Малфоя.

– Ну же, Драко, дорогой, присоединяйся! – весело вскрикнула Джин, опустив голову над омутом рядом со Слизнортом, МакГонагалл и супругом. – Уверена, тебе будет принято вспомнить юность.

Беззвучно вздохнув, Драко поднялся со стула и занял место среди сгрудившихся вокруг чаши гостей.

– Надеюсь, содержимое бокаланаисказиттрансформационные свойства объекта, – не удержалась от профессионального замечания МакГонагалл за секунду до того, как зрители заняли свои места в поблёкшем воспоминании профессора зельеварения.

Малфой мгновенно узнал родные подземелья, разившие

прохладой даже сквозь годы, и кабинет профессора Слизнорта, на одну ночь превращенный в праздничный зал для вечеринки Клуба Слизней, непривычно мерцающий тысячей лампочек во мраке каменных стен. Между крохотных припорошенных снегом ёлочек и нарядными гостями, что-то бормоча себе под нос, подозрительно напоминавшее рождественскую песенку, невозмутимо петлял Гарри Поттер, стремительно приближаясь к чулану-кладовой зельевара.

Рывком распахнув тяжелую дверь, он на мгновение замер.

И за то мгновение калейдоскоп событий с головокружительной скоростью переменял цветной узор для наблюдавших. В зале загремела сбитая со стола чаша с пуншем под единодушный девичий визг. Брови героя войны безвозвратно исчезли за растрёпанной чёлкой. Во мраке чулана для зелий победно ухмыляющаяся Гермиона Грейнджер в вечернем платье, гордо вздёрнув подбородок, демонстративно схватилась за скрытую лифом вздымающуюся грудь. В этом же чулане пылающий праведным гневом Гораций Слизнорт в парадной мантии одарил Гермиону звонкой пощёчиной. На лысеющей голове профессора буквально вырос миниатюрный рождественский венок в алых бантиках и еловых шишках.

Ручка двери выскользнула из ладони ошарашенного Гарри, глухим ударом возвращая зрителей воспоминания в шумный зал Малфой-мэнора. Драко Малфой, только что достигший стадии принятия, равнодушно прикрыл глаза и откинулся на спинку стула, массируя переносицу.

— Мерлин, как же так вышло, — засуетился профессор, похлопывая себя по бокам в поисках волшебной палочки. — Представляете, перепутал воспоминания! Сейчас я всё исправлю, — посмеиваясь, заверил он, напроочь не замечая изумлённые взгляды четы Грейнджер.

— И всё-таки исказило... — душа смешок, сообщила МакГонагалл своему «*Игривому игристому*».

25 декабря 1998 года 19 часов 00 минут

Тонкие пальцы забарабанили по конверту, лежащему возле раковины.

— Значит, Феликс Фелицис. Тебе нужен Феликс, — одними губами бормотал Драко.

Опёршись о мраморную столешницу, Драко навис над раковиной, блуждая по своему лицу уставшим взглядом Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он будет созерцать Драко Малфоя таким. До чего иронично.

— Жаждем увидеть тебя, о, покорительница пыльных учебников и израненных аристократических сердец, — нараспев горланил за дверью Блейз Забини, сопровождая вой нетерпеливыми ударами в дверь ванной комнаты. — Малфой, ты там клюкву ищешь, не пойму. . .

— Пошёл к драклу! — лениво протянул Малфой, но уголок его губ в отражении предательски изогнулся.

Босые ноги, обжигаемые холодом пола, стыдливо прятались в складках пышной по-гриффиндорски алой юбки. Грудные мышцы обнимали «лепестки» изящного лифа, обнажая зону декольте и нелепо смыкаясь на объемных плечах нежнейшими шифоновыми рукавами-крылышками. Жадно впившуюся в широкую спину шнуровку смогла бы затянуть, пожалуй, только парочка прожжённых монарших эльфов, прислуживающие талии королевы Виктории.

Одним словом, Драко выглядел абсурдно.

Взвешивая все вводные, Малфой поднёс к глазам пробирку, за безукоризненным стеклом которой вился упрямый каштановый волос. Откупорив сосуд, он уверенно опорожнил его, вытряхнув содержимое в бокал с сероватой жидкостью. Зелье на миг забурлило, окрашиваясь в золотистый, а затем приобретая насыщенный кофейный оттенок.

Не в силах больше созерцать свой нелепый вид, Малфой вдохнул густой запах специей и выпил зелье. На вкус варево напомнило рождественский глинтвейн: сладковатый, душистый, не то с остринкой, не то с перчиночкой, но согревающий и совсем немного пьянящий.

Пока внутренности Малфоя с нарастающей силой скручивало и выжимало, он успех поблагодарить Мерлина за то, что не пришлось пробовать на вкус Уизли или домового эльфа. Всего минуту Геенны огненной – и злосчастная шуровка на спине ослабила хватку. Совсем скоро Малфой с облегчением ощутил обнаженной кожей холодок мраморных плит.

С пола ванной комнаты мужской спальни факультета Слизерин поднялась неприлично потрепанная Гермиона Грейнджер собственной персоной.

Гермиона парой заклинаний ловко поправила платье и прическу, повертелась перед зеркалом, неспешно скользя довольным взглядом по изгибам шеи и ключиц, спускаясь по талии, излому локтевого сгиба. Споткнувшись на уродливой метке тонкого предплечья, она скривила недовольную гримаску, взгляд её потемнел.

Горьким привкусом во рту растеклись воспоминания, что живучими ростками пробивали себе дорогу в почве малфоевского разума. Драко не видел снов, кроме одного. Под изумрудным балдахином, под чернотой собственных век он пересматривал кадры фильма о разрушении классовых установок, о крушении слепой веры в идеалы, о рождении в сердце сострадания и сожаления, раскаяния и осознания того, что не все ошибки можно исправить.

Тряхнув головой, Грейнджер прогнала наваждение. Очередным взмахом волшебной палочки бордовый шифон рукавов платья заструился ниже, обняв тонкие запястья и спрятав неискупимую ошибку всей магической аристократии.

Гермиона снова побарабанила пальчиками по конверту возле раковины. Феликс Фелицис. Ему нужен был чёртов Феликс для финального заседания Визенгамота, для лучшего приговора. Очередной мухлёж непогрешимого главы благородного семейства Малфоев. Печальная улыбка расцвела на лице Гермионы, конверт полетел в мусорное ведро, на секунду мелькнув родным почерком «от Л. Малфоя, Азкабан».

Гермиона покинула ванную комнату через минуту под дружное улюлюканье Рона Уизли и Добби. Она,

с любопытством разглядывающая друзей и с таким же любопытством разглядываемая в ответ, стояла в центре слизеринской спальни мальчиков и чувствовала себя студенткой Шармбатона, забредшей ночью в трактир «Кабанья голова».

— Дрим-тим, не иначе, — растягивая слова в непривычной для неё манере, заключила Грейнджер, когда негодование по поводу ее безобразного везения с доставшимся волосом. В сущности, Гермиона, она же Драко Малфой, была с этим полностью согласна.

— Старик либо рехнулся, либо извращенец, — с отвращением Добби приподнял края нательной наволочки в узорах из смешных оленей и ёлок.

— Согласись, это Рождество ты и правда никогда не забудешь, — Гермиона скривила губы в фирменной малфоевской усмешке.

— О да, — хищно улыбнулся Рональд, отворачиваясь к зеркалу.

— Нет, Тео, целоваться с тобой я точно не буду, — отрезала Гермиона, лениво бухаясь на подушки.

— Да там охотников хватает, — фыркнул Рон, перебирая складки парадной мантии перед зеркалом в углу спальни. — С кем ты должен миловаться всю ночь? Маклагген?

— Увы, — вздохнула Гермиона, даже не заглядывая в записку-подсказку, вложенную в рождественскую коробку Клуба Слизней вместе с одеждой, обратным зельем и волосом.

— Так что тебе, Забини, повезло в этом вопросе больше всех, — изрёк Рон, в третий раз пытаясь завязать галстук-бабочку, — ведь эльфы не целуются.

— И что вы думаете об этом ужасном условии о рождественском подарке? Когда вы вообще подбирали подарок эльфу! Одни страдания! — Добби закатил глаза: вообще, глаза были теперь его самой выразительной частью тела.

— Что может быть проще, друг? Подари ему носки, — хохотнула Гермиона, вращая такую непривычную волшебную палочку между пальцев.

— Только если их свяжет твоё говно, — сузив огромные, как теннисные мячи, глаза, съязвил Добби.

— Г.А.В.Н.Э., Забини, Г.А.В.Н.Э., — сымитировать поучительный тон у Грейнджер получилось превосходно.

25 декабря 1998 года 20 часов 00 минут

Подземелье Слизерина беспрестанно полнилось учениками и ученицами дополнительного восьмого курса Хогвартса. Кабинет зельеварения был любезно переоборудован профессором Слизнортом для празднования Рождества. Парты, испещрённые следами тысяч и тысяч неудачных студенческих зелий, были трансигурированы в столики, стулья и скамьи. По всему залу красовались крошечные рождественские ели, с любовью подобранные Хагридом, каждая из которых пахла хвоей и морозом, сияя разноцветными огнями, украшенные шарами и лентами.

В гуще толпы в такт легкой музыке эффектно левитировали подносы с закусками и напитками, управляемые эльфийской магией. В центре зала громоздился широкий стол с яствами: идейкой, ростбифом, запечённым картофелем, рождественским пудингом. Венцом стола стала огромная чаша с пуншем, замысловато меняющим оттенки каждую минуту. Стройные башни бокалов, удерживаемые в статике лишь силами бытовой магии, переливались отблесками свечей и гирлянд.

Выхватив с одного из парящих подносов бокал бренди, Гораций Слизнорт тяжело вздохнул, прочистил горло и, направив на короткую шею палочку, пробормотал заклинание, многократно усилив громкость.

— Дорогие друзья! — голос неловко описал фальцетную дугу. Чуть освоившись в волнах всеобщего внимания, Гораций продолжил: — В этот прекрасный рождественский вечер в Клубе Слизней я рад приветствовать всех, кто сражался со мной бок о бок с силами зла. Желая сделать последний год вашего обучения в Хогвартсе незабываемым, я организовал этот замечательный маскарад, чтобы каждый мог ненадолго забыть о трудностях своей бытности, о шрамах, оставшихся

в душе каждого присутствующего здесь. Уверен, вы были в восторге, когда узнали подробности, — снисходительно улыбнулся профессор.

Приевшиеся лица в толпе теперь казались чужими и таинственными, рождая щекотливое чувство неопределённости от близости со знакомым незнакомцем.

— Думаешь, это и правда профессор Слизнорт? — шепнул Теодор Нотт Малфой, не слушая болтовню Горация.

— Кто ещё способен быть таким занудным... — пробормотал в ответ Малфой, недовольно взглянув на профессора. В целом выражение его физиономии не вызывало вопросов.

Тем временем Слизнорт продолжал:

— Каждый из вас получил свою «маску» — имя вашего однокурсника, а также рождественскую коробку Клуба Слизней, содержимое которой составляет порция отменного оборотного зелья, действие которого прервётся, я подчёркиваю, ровно в полночь, пробирка с волосом вашего однокурсника, в которого вам предстояло обратиться, рождественский наряд и пояснительная записка с инструкциями, где даны краткие характеристики вашего героя, планы, окружение и избранник на рождественскую ночь. Надеюсь, вы их внимательно изучили. Кроме того, вы получили условие о рождественском подарке, — улыбнулся профессор. — Утром вашего сокурсника, чью роль вы любезно исполняете на сегодняшнем празднике, под рождественской елью должен ожидать, конечно же, подарок от вас.

Притихшая толпа внимала, где-то вполголоса выругался Дobbи, запнувшийся о собственную одежду и чуть не уронивший поднос, и Слизнорт продолжил:

— Правила маскарада просты: с этой минуты вам нужно не раскрыть себя другим и при этом разгадать истинные личины участников этого бала, надёжно спрятанные под оборотным зельем. Если вашу личность раскроют, над вашей головой появится знак — небольшой рождественский венок, свидетельствующий о вашем проигрыше. Победителем станет тот, кто сорвёт больше всех масок и останется при этом

инкогнито, – уточнил Слизнорт. – Призом за победу, как вы уже тоже знаете, станет любое зелье из моих самых обширных во всей магической Британии коллекций, – Слизнорт многозначительно понизил голос на слове «любое».

– Сомнительный приз, – прокомментировал Нотт, глядя, как Малфой незаметно ускользнул в толпу, двигаясь к праздничному столу с пуншем, а если быть точнее – к Лаванде Браун, розовой звездой отливающей на рождественской ёлке этого маскарада. Короткая юбка кукольного платья, очевидно, не была привычной этой Лаванде, но ход мыслей Теодора прервал примостившийся рядом Кормак Маклагген:

– Отнюдь, приз очень кстати, учитывая послевоенный тотальный контроль Министерства за ингредиентами для зелий и их готовыми формами, а также многочисленные запреты на продажу отдельных категорий составляющих. Конечно, я бы никогда не подумал, что меня заинтересует зельеварение... – шептал Маклагген.

– О, Симус. ты совсем свихнулся со своим Узли и его империей! Сидишь с ним в этих лабораториях «Волшебных вредилок» все каникулы, – закатил глаза Тео, чувствуя зудящую потребность в наполненном бокале в своей руке. Он поймал летящий мимо пунш и пригубил напиток.

– ...Так пусть же это Рождество принесёт счастье каждому из вас! – Слизнорт поднял бокал, и все присутствующие повторили за ним. Звук будто включили, толпа закишела, зашумела, поглощая пространство и вынуждая собеседников говорить громче.

– Пунш? – глаза Маклаггена сузились, сделав его похожим на лисицу в курятнике. – У меня есть кое-что поинтереснее. Дин, ты слышал о «Дарах Бахуса от братьев Узли»?

– Он всё ещё называет свои проекты именем братьев Узли? – сочувственно уточнил Нотт.

– Каждый переживает утрату, как умеет, – пожал плечами Кормак. – Ты слышал о «Виноватом вине»?

– Легендарно. Тоже «Бахус»?

– Прошлый век! – небрежно отмахнулся он. – Ты ещё не

пробовал нашу новинку, – вошёл в азарт Маклагген, незаметно вытаскивая из складок мантии горлышко бутылки. – «*НеБРЕНное БРЕНди*»: чем дольше стоит, тем сильнее свойства. Бренди-перевертыш заставит пьющего сделать всё противоположно возникшим намерениям. Как только ты примешь решение сказать «белое», твой рот тут же выдаст «чёрное». Универсальная ловушка: чтобы перестать пить, нужно решить напиться.

– Старикашка Слиззи пьет только бренди. Хочешь подлить ему?

– Уже, – подмигнул Кормак Маклагген. – Как и с пуншем в некоторых бокалах. Если получится, я подолью это в общую чашу, и вот тогда начнётся веселье...

Нотт закашлялся, отставляя бокал на очередной пролетающий мимо поднос. Маклагген расхохотался.

– Не переживай, тебе не подливал.

– И что с твоим пуншем не так? – он опасливо покосился на чашу с пуншем в середине зала.

– «*Пуни – исповедник души*», – как само собой разумеющееся возвестил Маклагген. – У нас столько наработок, Дин, – вдохновлённо тараторил Маклагген. – Жди новинок с «*Джинном для твоих желаний*» и «*Коньяком-маньяком*».

– Симус, вы психи, – убеждённо заявил Тео.

– Нет, Дин, мы – изобретатели, – усмехнулся Кормак. – А я планирую напоить свою прелестную спутницу «*Исповедником*», кем бы она ни оказалась, и заработать балл в этой гонке за возможность похозяйничать в лаборатории Горация Слизнорта, – хохотнул он напоследок, сделав вид, что просто проходил мимо Теодора Нотта.

25 декабря 1998 года 18 часов 23 минуты

– Снова Маклагген! Она сделала это нарочно, Гарри, – насупился Рон, потянув изумрудную ленту на ящике, проштампованном как «Рождественская бокс от Клуба Слизней».

– А чего ты ожидал? Ты игнорировал ее всё лето, –

Гарри пожал плечами, равнодушно перечитывая пергамент с рекомендациями из своей посылки. — Странно, что она ещё не ведёт себя так, словно ты интерьерная ваза.

— Я поторопился.

— Ты струсил.

— Но почему Маклагген?! — взорвался Рон.

— Ты же сам позвал Лаванду. В конце концов, мне бы тоже было неприятно, если бы мы сначала целовались в тайной комнате, а потом ты сделал вид, что ничего не произошло, — Гарри чувствовал себя гуру любовных перипетий, потому что его отношения с Джинни казались до банальности гармоничными на фоне душевных метаний друзей.

— К счастью, эта участь тебя миновала, — огрызнулся Рон.

— Боюсь, что нет, — он достал из коробки нежно-розовый ободок с бантом на боку в стиле Браун и помахал им перед носом Рона. — Удивительно, что она вообще с тобой разговаривает после того, как ты пригласил на рождественский бал Лаванду.

— Если бы я знал, что за маскарад придумал Слизнорт, я бы просто отчислился из школы, — раздражённо отметил Рон. — Если выйду победителем, потребую Зелье забывчивости.

— Ищи плюсы, Рон, — примирительно порекомендовал Гарри.

— Прости? — переспросил Рон с видом человека, в которого запустили Авадой и посоветовали искать плюсы.

— Ты можешь прямо сейчас начистить Малфою ухмыляльник.

Дверь в спальню с грохотом распахнулась, и в проёме появился задыхающийся Слизнорт.

— ...в этот прекрасный... рождественский вечер в моём... — по инерции бормотал он. — Знаете, впервые эта ужасная лестница не спустила меня с позором вниз, — влетел в комнату Гораций, изрядно запыхавшись. — Кстати, Слизнорту определенно не помещали бы физические нагрузки, поскольку его сердечно-сосудистая система буквально вопит о... почему вы ещё не готовы?

— В процессе, — уверил Гарри, покорно хлопнув на голову

ободок с бантиком. — Позволь уточнить, Гермiona, ты в таком виде неслась через женскую спальню? — поинтересовался он, выуживая массивные серьги из коробки.

— Нет. Учитывая, что никто не знает о том, что в маскараде участвует и сам профессор, я решила, то это даёт мне определённую фору, а потому обращалась в туалете Миртл.

— Вообще не подозрительно, — меланхолично отметил Гарри, выуживая из коробки розовые трусики.

— Теперь понятно, почему маскарад только для восьмого курса, — прокомментировал Рон.

— Конечно, ведь на младших курсах белье не носят, — не преминул пустить шпильку Слизнорт. — Хотя, нужно признать, опыт в некотором смысле может быть травмирующим. — Он неловко похлопал себя по обтянутому жилетом животу. — Тем не менее, прошу вас собраться и рассчитываю на вашу помощь. Я уже выяснила, что зелье, которое упоминалось в одном из фолиантов Запретной секции, есть в коллекции профессора Слизнорта, — Гораций многозначительно уставился на друзей.

— Мы оба будем рады помочь тебе восстановить память твоих родителей, Гермiona, но ты уверена, что зелье, сваренное полвека назад по рецепту тысячелетней давности, не убьёт их? Ты говорила, оно апробировано, — деликатно уточнил Рон.

— Не попробуешь — не узнаешь, — несколько агрессивно парировал профессор, затем повернулся на каблуках и, зашагав к выходу, бросил через плечо: — Мне как организатору нужно быть в подземелье раньше, чтобы не вызвать подозрений. Постарайтесь сделать так, чтобы Малфой явился на праздник без увечий.

— Да, профессор, — пробормотал Гарри, со скучающим видом подцепив из коробки сетчатые чулки.

25 декабря 1998 года 23 часа 28 минут

Задумчивая Гермiona Грейнджер сидела в углу праздничного зала, бесстыдно закинув стройные ноги на скамью, и наблюдала за Горацием Слизнортом, судорожно

сжимавшего нетронутый за весь вечер бокал бренди, с несколько потерянным видом общавшегося с беспрестанно подходившими к нему студентами. Не ускользнула от внимания гриффиндорки и внезапно вспыхнувшая симпатия профессора к Лаванде Браун, с досадой одергивающей подол кукольно-розового платья и покачивающейся на злосчастных ходулях, ошибочно именуемых каблуками.

Гермиона замороженно смотрела, как профессор то и дело невзначай потирает мочку уха – излюбленный жест, детально заученный наблюдательным Малфоем на совместных парах по рунам. И каждый раз морщинистые щёки Горация покрывал лёгкий, почти незаметный румянец.

Гермиона уже почти не замечала происходящего, автоматически мотая в голове знакомый сюжет. Грейнджер истошно кричит на полу гостиной Малфой-мэнора под безумно хохочущей тёткой Лестрейндж; Драко выворачивает наизнанку, и теперь он может созерцать семейный ужин в почти переваренном виде; лицо Люциуса искажает испепеляющая ярость, и Драко уже не чувствует ни страха, ни боли от ударов металлического набалдашника отцовской трости.

Из вороха мыслей Гермиону вырвал внезапно подсевший вплотную Рон Уизли, заставив ту подскочить со скамьи.

– Ну что, Грейн... – начал было Рон, но Гермиона с остервенением его прервала.

– О нет. Уизли, прошу оставить меня этим вечером...

– Герми, душка, успокойся, – засмеялся Рон, подняв руки в знак капитуляции.

– Вот ты чертила, Нотт, – с явным облегчением выдохнула Гермиона, плюхнувшись обратно на скамейку. – Я и забыл, что ты теперь рыжий ободрыш. – Взгляд Гермионы снова был прикован к профессору. – Как успехи в охоте?

– У меня на счету уже двое.

– А Забини?

– Недовольный своей работой эльф вылетел из игры в первые десять минут, примерно в ту секунду, когда плюнул в бокал Поттеру. Скольких разгадал ты? – любопытствовал Рон.

– Пятерых. Шестая Грейнджер, – он ткнул в Слизнорта, – седьмой Поттер или Уизли, – указав на Браун, Гермиона замялась. – Ставлю на Поттера.

– Вот это скорость! – присвистнул Рон.

– Ха! Если бы я ещё весь вечер не бегал от Маклаггена. Он подливает мне так, словно действительно хочет затащить девчонку в постель, – негодовала Гермиона.

– Зато как гармонично вы смотрите, невозможно не поверить, – Рон хлопнул Гермиону по плечу. – Это Финниган, он опять притащил какую-то дрянь в бутылке, как в прошлый раз на днюху Забини, помнишь?

– Впервые видел рыдающего Гойла, – хмыкнула Гермиона.

– Надеюсь, ты не пил то, что он тебе наливал, – озабоченно произнёс Рон.

– Я что, похож на рождественского оленя? – скривилась Гермиона. – Отец и так в каждом письме напоминает, что моей святой обязанностью является восстановление былой славы древнейшего рода, мать его, Малфоев.

– Для тебя настолько важно получить этот приз? – помолчав, спросил Рон.

– Для отца. Он уверен, что флакон Феликса Фелициса спасёт его от «вышки», – сухо сообщила Гермиона.

– И долго ещё ты планируешь пасти Грейнджер? – помолчав, решил сменить тему Рон.

– А ты как быстро понял, что это она? – оторвалась Гермиона от созерцания покряхтывающего Горация.

– Примерно тогда, когда ты впервые залюбовался старикашкой, – губы Рона скривились в виноватой улыбке. – В эти моменты ты напоминаешь открытую книгу, друг.

Гермиона молчала, разглядывая носки своих туфель.

– Просто надеюсь, что ты не путаешь чувство вины с чем-то большим.

Не дожидаясь ответа на свою реплику, Рон деликатно растворился в толпе.

Тем временем Гораций Слизнорт устремился в сторону своей кладовой-чулана, скрытой в противоположном конце

помещения. Чувствуя, что время пришло, Гермиона вспорхнула во скамьи и, петляя между танцующими парочками, скользнула прямо за своей добычей.

– Попалась, – протянула Гермиона, глядя на согнувшегося в темноте чулана Слизнорта, а точнее, на его профессорскую задницу.

– Прошу прощения, – профессор неуклюже выпрямился, повернувшись к противнику. Глаза непроизвольно сузились. – Мисс Грейнджер, боюсь, вы что-то напутали.

– Грейнджер, отнекиваться бессмысленно, – самодовольно ухмыльнулась Гермиона, не намереваясь дожидаться, когда волшебный веночек материализуется на лысине старика. Но Слизнорт продолжал упорствовать:

– Мисс Грейнджер, боюсь, вы выпили слишком много пунша. Неужели вы думаете, что организатор станет участвовать в собственной шутке?

– Тебя предали твои привычки. Стоило потренироваться не заправлять волосы за ухо. И не теревить мочку уха. И не краснеть, когда замечаешь допущенную оплошность. И хотя бы иногда хлебать чёртов бренди, – начинала заводиться Гермиона. – Ты раскрыта, не трать моё время!

– Да вы маньячка, мисс Грейнджер, – не сдавался профессор, участливо улыбнувшись девушке. Грузно переваливаясь, он явно собрался обогнуть Гермиону и наглым образом покинуть чулан.

– Чёрт возьми, Грейнджер, – кипела Гермиона, цепляясь взглядом за многочисленные полки в поисках того, что поможет расколоть этот крепкий орешек, пока её не осенило.

Поистине гринчевская ухмылка растянула губы Гермионы Грейнджер за секунду до. Она выразительно вздёрнула подбородок, и её ладони демонстративно хлопнулись на собственную вздымавшуюся грудь.

Нижняя челюсть ошарашенного Слизнорта возмущённо хнула вниз почти одновременно с подпрыгнувшими бровями Гарри Поттера, оцепеневшего в дверях чулана.

Сочная пощёчина, которой Гермиону одарил Гораций,

была подхвачена донёсшимся издалека грохотом упавшей чаши с рождественским пуншем и визгом пары десятков дам.

Визг заглох, когда выскользнувшая из рук Поттера дверь медленно захлопнулась.

– Чёрт, Гарри, – Слизнорт чуть не зарычал от безысходности.

– Грейнджер, расслабься, это был не Поттер, – с видом знатока, растягивая слова, сообщила Гермиона, тут же словив уничтожающий взгляд профессора.

– Вот. Именно, – сквозь зубы процедил Слизнорт. Нашупав на своей голове рождественский венок, воплотившийся одновременно с оплеухой на грейнджеровской щеке, профессор сорвал его с головы и остервенело бросил в угол, сбив пару склянок с полки.

Во всепоглощающей черноте чулана Гермиона Грейнджер была похожа на виноватого ребёнка, когда её плечи содрогнулись вместе со стенами кладовой от удара хлопнувшей за Слизнортом двери.

Впрочем, чувствовала она себя почему-то так же.

25 декабря 1998 года 23 часа 46 минут

Буйство рождественской вечеринки гулким эхом отдавало где-то в чреве подземелья, когда Гермиона Грейнджер снова оказалась в центре главного холла Хогвартса. Пустующий замок, казалось, недовольно ворчал от назойливых ударов её каблучков, сонно натягивал одеяло дрёмы повыше и отворачивался, чтобы досмотреть десятый сон.

Трансфигурировав прихваченную с собой салфетку в зимнюю мантию, девушка накинула её на плечи. Сжав бокал с пуншем, она нерешительно толкнула главные ворота – те легко подались. В лицо ударил лёгкий морозец, тут же игриво щипнув за щёки и кончик носа. Тёмный двор был освещён зачарованными шарами тёплого света, что мерно парили в штيله, отчего заметённый за вечер двор мерцал, будто сейфовая ячейка Гринготтса.

Вереница свежих следов тянулась от входа к одному из дальних выступов стены школы, на котором, словно статуя готического собора, громоздилась сгорбленная фигура профессора зельеварения.

Гермиона, поджав губы, поспешила к нему, сопровождаемая жалобным скрипом снега под ногами.

— Не стоит мёрзнуть, Грейнджер, — мантия легла на покатые плечи Слизнорта, когда тёплая слеза сорвалась с кончика его широкого носа. Профессор лишь слегка дёрнул головой в сторону гостя. Гермиона примостилась рядом, сочувственно разглядывая алые бантики и шишечки на венке, очевидно, магически приколоченном к профессорской голове до конца маскарада.

— Бестактно морозить лучшую ученицу Хогвартса в Рождество, — наконец, пробубнил Слизнорт. Гермиона улыбнулась, получив негласное разрешение продолжить беседу.

— Я хотел... Я не знал, что тебе так сильно нужна победа, — неуверенно произнесла Гермиона.

— Если бы я не была слишком трезва, сочла бы это за извинения, — печально улыбнулся Слизнорт, утирая слезу свободной рукой: вторая всё ещё безотчётно сжимала нетронутый бокал.

Гермиона примирительно протянула профессору бокал с напитком полегче, аккуратно вынимая охлаждённый бренди.

— Предлагаю исправить, — добродушно предложила Гермиона, глядя, как Слизнорт отхлёбывает несколько больших глотков.

— Со мной всё ясно, я залечиваю раны от боли поражения. А ты что здесь забыл?

— Прячусь от многочисленных ухажёров Гермионы Грейнджер. Даже представить себе не мог, что их настолько много, — нашлась Гермиона.

— Бесспорно, мисс Грейнджер, вы привлекательная леди, чего не заметит только слепой хорёк, — внезапно хихикнул Слизнорт, по артериям которого, по-видимому, уже нал своё тепло алкоголь.

– Почему ты не назовёшь меня? Ведь ты давно поняла. Это будет честно.

– Конечно, поняла. Уж наверняка в тот момент, когда вы решили приставать ко мне на моих же глазах. Очевидно, мисс Грейнджер, вам эта победа нужна куда сильнее, – философски заметил Слизнорт, ощутимо успокоившись.

– Очевидно, никакая моя цель не может быть благороднее вашей, профессор, – в такт парировала Гермиона.

– Считаешь? – Слизнорт отпил ещё.

– Никаких сомнений, – решительно подтвердила Гермиона, во взгляде которой мелькнуло сочувствие. Оба замолчали.

– До разгара войны я явилась домой и своими руками стёрла память маме и папе, – внезапно севшим голосом прошептал Слизнорт, словно стыдился сказанного. – Вырезала из памяти все воспоминания об их дочери, Гермионе Грейнджер.

Словно для смелости Слизнорт опорожнил бокал одним глотком.

– После финальной битвы я нашла их. Но структуры воспоминаний оказались настолько глубоко задетыми моим неопытным вмешательством, стёрто было так много основополагающих опор в их памяти, что восстановить всё обычным контрзаклинанием не представляется возможным. В коллекции Слизнорта есть экспериментальное зелье, сваренное полвека назад по рецепту тысячелетней давности – *Memoria teropo*. Один из ингредиентов этого зелья уже лет тридцать как вымер, – отчитался Слизнорт, словно говорил о случайном научном факте из школьного учебника.

– Оу, – только и смогла выдать Гермиона, выпуская облачко белёсого пара в ночь.

– А тебе зачем запасы Слизнорта? – словно очнувшись ото сна, выпрямился профессор и одарил Гермиону пытливым взглядом.

Малфой замялся.

– Просто Грейнджер – невыносимая заучка всея Хогвартса, привыкшая одерживать победу в любой гонке и

делать все идеально, это же известно каждому первогодке в школе, – нашёлся он.

– Туше! – Слизнорт не стал мучить девчонку допросом. – Столь благородная причина непременно требует главного приза, чего желаю тебе от всей души.

– Уверен, за это на Рождество получу от Малфоя, который сейчас в подземелье, в подарок уголёк.

– Вне сомнений, это будет нечто ужасное, – засмеялся Гораций и, раскрыв полы мантии, внезапно обнял Гермиону, пытаясь согреть. – Если я позволю невыносимой выскочке всея Хогвартса замёрзнуть насмерть, профессорский состав меня осудит, – пояснил он.

Гермиона ничего не ответила, лишь с усмешкой осушила бокал бренди, конфискованный у Горация, и плотнее прижалась к профессору зельеварения.

Какое-то время они сидели в окутывающей тишине, каждый в своих мыслях, без неловкости, согреваясь теплом друг друга, забыв о вражде и предрассудках, наблюдая за кружащими повсюду снежинками, слипающимися в пушистые хлопья, пока Гермиона внезапно не заговорил снова:

– Знаешь, Грейнджер, я за столько перед тобой должен извиниться...

– Смотри-ка, кто это идет от замка? – Слизнорт внезапно прервал вдруг зардевшуюся Гермиону. – Это что, я? – ткнула профессора в бок Гермиона, взглядываясь во мрак.

Слизнорт обернулся, повинувшись тычку. В одном из высвеченных магическим шаром пятен действительно возникла блондинистая макушка спешащего от замка в их сторону Драко Малфоя.

– Фу, как неаристократично, – прокомментировал Слизнорт, оценивая незваного гостя. – Ему бы следовало посетить...

Слизнорт не договорил.

Как только Малфой оказался в зоне приличной видимости, морщинистый рот Горация накрыл поцелуем юные губы Гермионы. Это было секундное колебание между разумом и

чувствами, между осознанием близости той, за кем доводилось лишь наблюдать последние полгода, и рвотным позывом. И если бы Гораций с силой не притянул её лицо своими крупными ладонями, позыв бы победил.

Но Гермiona не видела, как замер у одного из шаров света слизеринец, и не слышала, как башня с часами отсыпала двенадцать ударов по стремительно рыжеющей макушке в ярости удаляющегося Драко Малфоя. Она даже почти не почувствовала, как ненавистная шнуровка врезалась в раздавшуюся в ширь спину, а туфли стиснули стопы, словно средневековое орудие пыток. Малфой-Грейнджер уже сам запустил пальцы во вьющиеся пряди Грейнджер-Слизнорта, потонувшей в парадной мантии профессора

Гермиона прервала сладкую негу, щекочущую где-то под ложечкой.

— О, — губы Гермiony сложились в невинную округлую «О», она стыдливо отвела взгляд. — Не подумай, что я... — голос внезапно дрогнул.

— Что ты использовала наивного Малфоя, чтобы позлить Уизли? — против воли съязвил Драко, стараясь не думать, как глупо выглядит в женском платье.

Гермиона подавила улыбку.

— Тебя это задевает?

— Грейнджер, ты рехнулась? Всегда готов помочь даме в беде, но я не давал согласие на пенсионерское непотребство. У меня будет новый боггарт, — фыркнул Малфой, не в силах больше терпеть пытку. Бордовые туфли полетели в снег. — Девчонки наряжаются в какие-то пыточные аппараты. Уизли сказочно повезло попасть в моё тело. Это ведь был Уизли? — уточнил Малфой, вдруг осознав кое-что.

— Ну да.

— Хочешь сказать, что Поттер...

Драко и Гермiona в унисон взглянули друг на друга, весёлый смех рождественскими колокольчиками рассыпался, катясь до каменных ступеней замка, шпильями уходящего во тьму звёздного неба.

Почти сразу Малфой получил недовольную сову с письмом о том, что он стал победителем рождественского маскарада и может в любое время явиться к Слизнорту за призом. И Гермионе показалось, что в его глазах не было радости.

— Отдал бы половину содержимого фамильного сейфа в Гринготтсе, чтобы увидеть Поттера сегодня в полночь, но рискую попасть в его команду. — стоя на пороге центральной лестницы, Малфой кивнул на свой наряд, стыдливо выглядывающий из-за мантии. — А мне, знаешь ли, нужно беречь репутацию славного рода Малфоев, — он машинально сжал в кулаке пергамент с заветными строчками.

— Постараюсь добыть для тебя колдографию с места событий, — улыбнулась Гермиона, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Надеюсь, тебе не пришла в голову абсурдная мысль, что мне понравилось с тобой целоваться, — Малфой попытался сделать неловкое прощание ещё более неловким. Его ладонь на мгновение нелепо взлетела в воздух, желая то ли пожать руку Гермионы, то ли прикоснуться к её очаровательно покрасневшимся, возможно, от мороза щекам. Развернувшись на пятках, он, босой, зашлёпал в сторону слизеринских спален. Туфли, придерживаемые за ремешки, болтаясь, бились о бёдра.

Гермиона в болтающихся мужских ботинках, одной рукой беспрестанно подтягивая широкие, словно мешок, штаны, стала вскарабкиваться по лестнице.

Малфой почти исчез в проходе, ведущем к подземелью, когда Гермиона его окликнула.

— Прости за этот дурацкий поцелуй, — выдохнула она.

26 декабря 1998 года 7 часов 49 минут

Сонная и растрёпанная Гермиона, как была в пижаме, засемила в общую гостиную. Похмелье то ли от пунша, то ли от сущности Горация Слизнорта давало о себе знать, но она не изменила своей привычке вставать раньше друзей.

Полупустая общая гостиная сквозила уютом и теплом, пока снежные хлопья остервенело липли к оконцам и за стенами протяжно завывал ветер, будто это он вчера перепил пунша.

Гермиона порылась под рождественской ёлкой, обнесённой десятками коробок и пакетов. Не нужно быть лучшей ученицей Хогвартса, чтобы определить искомый подарок: маленькая изумрудная коробочка, словно в насмешку перевязанная серебристой лентой, была скрыта в самом сердце горы. На лаконичной бирке красовалось каллиграфическое «Гермионе Грейнджер».

Подцепив трофей, девушка тут же плюхнулась в любимое кресло, зарывшись босыми ногами в плед. На журнальном столике возникла чашка горячего шоколада, приправленного крошечным сугробом из маршмэллоу.

Усевшись поудобнее, Гермиона медленно потянула ленточку. Чашка выскользнула из дрогнувшей руки, со звоном разбившись о каменный пол.

На дне коробочки лежал непривлекательный флакончик, на потёртой этикетке которого неизвестной рукой было выведено «*Memoria repono*».

В крошечной записке всего несколько слов: «Ужасный был поцелуй. Нужно исправить».

Скленвар тфрагитини

Декабрь, 1998 год

Зимний прохладный вечер окутывал Шотландию, в особенности школу Чародейства и Волшебства Хогвартс. Ветер разносил легкий снежный покров по дорожкам, которые только с утра чистил Хагрид. Лестницы и коридоры замка практически опустели — ученики спешили в свои гостиные чтобы поскорее устроиться у теплого камина. Такие вечера особенно приятны: можно собраться в кругу друзей и поиграть в настольные игры или просто поболтать, делаясь смешными историями из жизни, пока за окнами бушует непогода. Несмотря на стужу настроение у всех было приподнятое — последние занятия в этом году подошли к концу, впереди — долгожданные рождественские каникулы... Кто-то уже завтра утром уедет домой, чтобы встретить Рождество среди родных и близких, а кто-то останется праздновать в стенах школы.

Драко относился ко вторым в этом году — у него была на то своя причина, и эта причина жила вместе с ним в Башне Старост. Он как раз возвращался туда из гостиной Слизерина, где отлично провел время с друзьями.

Несмотря на то, что факультет Салазара Слизерина со стороны казался холодным и отчужденным, сами слизеринцы такими себя не считали — и, по правде говоря, таковыми не являлись. У них были свои обычаи и традиции, крепко связывающие их и поддерживающие дружеские узы. Рождество для них — особый праздник единства: вечер откровений и признаний, разговоров о мечтах, примирения и прощения. Всё плохое оставалось в уходящем году, давая шанс начать заново. Как и ему в этом году дала шанс Гермиона Грейнджер.

По удивительному стечению обстоятельств их сблизила командная работа в роли старост и совместное проживание на одной территории. После войны прежние убеждения рассыпались в прах, старые границы стёрлись, а новые ещё не успели выстроиться — именно это позволило Драко и Гермионе узнать лучше друг друга, понять в чем заключался корень их разногласий и отпустить обиды прошлого.

Так Драко и Гермиона начали по-настоящему узнавать друг друга: без ярлыков, без предубеждений. Они говорили откровенно, часто до поздней ночи — делились тем, о чём раньше молчали даже с близкими. Драко признался, что ему до сих пор снятся кошмары с того дня в Малфой-Мэноре, когда Гермиона получила злополучное клеймо. Он много раз извинялся, пока Гермиона не установила табу на извинения. Драко с лёгкой усмешкой согласился, вспоминая сколько раз Гермиона пыталась извинить за его сломанный нос на третьем курсе.

В тот вечер, когда они, наконец, позволили себе отпустить прошлое, всё решилось без слов — их первый поцелуй стал той самой отправной точкой, после которой началась новая глава. Без ненависти и вины, с нуля.

Вспоминая, как зародилась их любовь, Драко вошел в гостиную старост в приподнятом настроении — окрылённый, довольный, с лёгкой улыбкой на губах.

Он и не ожидал застать Гермиону: скорее уж надеялся, что она тоже весело проводит время со своим львиным факультетом — играет в шахматы, спорит на темы морали или сражается на мечах. Кто знает, чем там занимаются гриффиндорцы, когда не спасают чью-то жизнь.

Поэтому он застыл на пороге, увидев хрупкую фигуру в кресле. Однако улыбка мгновенно угасла, стоило ему заметить, как плечи Гермионы сотрясаются от плача, а лицо спрятано за каскадом её каштановых кудрей. Драко молча приблизился к креслу, опустился на корточки перед ней и, слегка наклонившись, заглянул в лицо.

— Грейнджер, что случилось? — Драко убрал прядь её волос за ухо и бережно поднял её подбородок, с тревогой скользя по лицу, выискивая любые возможные признаки ранений.

— Я... я так понимаю, ответ «всё нормально» тебя не устроит? — скорее утверждала, чем спрашивала Гермиона, шмыгая носом.

— Ты хорошо меня знаешь, — ухмыльнулся он, но затем

снова вернул своему лицу серьезность. — Кто-то тебя обидел? Только скажи, и я...

— Нет, нет, всё не так, — она поспешила успокоить своего парня, удерживая его за руки возле себя. — Я просто... понимаешь... я очень скучаю по своим родителям, — она опустила руки на колени и прикрыла глаза, вспоминая о детстве. — Мы всегда отмечали Рождество вместе: пекли печенье, украшали дом, смотрели старые фильмы, кутаясь под мягким пледом. Папа вечно не мог размотать гирлянды, а мама притворялась, что сердится, хотя на самом деле тихонько смеялась, пока папа не видит. А теперь... они даже не помнят меня, — голос её задрожал, и одинокая слезинка скатилась по щеке.

Драко заботливо погладил её по щеке, стирая покотившуюся слезинку большим пальцем. Он помнил, как тяжело в первый раз ей дался рассказ о судьбе родителей. Голос дрожал, но она не позволила себе разрыдаться — просто держала спину прямо и говорила, через силу и боль, но до конца. Именно тогда Драко понял, насколько сильная Гермиона Грейнджер на самом деле. Он бы не смог стереть память своим родителям, даже из самых благих побуждений. Не хватило бы духа и силы воли. Она же сделала это — и не ради себя, а чтобы защитить их. Ради их безопасности. Ради любви.

И вот сейчас, глядя, как она сидит перед ним, такая живая, настоящая и ранимая, он в очередной раз почувствовал к ней уважение, смешанное с восхищением. И любовь. Безусловную, глубокую, как покров этого зимнего вечера.

— Я знаю, любовь моя, мне очень жаль, — Драко не мог сказать, что понимает её, ведь это совсем не так. Его родители хотя и понесли наказание: отец проведет в Азкабана следующие лет пять, а мать находится под домашним арестом в Мэноре — они все равно остаются его родителями, которые помнят и любят его.

Нарцисса Малфой, узнав об отношениях своего сына с мисс Грейнджер, была даже рада — по-своему сдержанно, но искренне. Её больше не волновали старые предрассудки,

канувшие в Лету вместе с окончанием войны. Узнав об отношениях Драко и Гермионы, она почти сразу отправила Гермионе письмо, написанное на роскошной пергаментной бумаге, в котором приносила извинения за прошлое, полное ошибок и неправильных выборов. Письмо было тёплым — в нём чувствовалась не только вежливость, но и настоящее желание наладить отношения. В конце письма Нарцисса выражала надежду на встречу и добавляла, что будет искренне рада видеть Гермиону в их доме не просто как гостью, но и как будущего члена их семьи. Такая поддержка от матери Драко действительно обрадовала её, но все же это не заменит любовь настоящих родителей, по которым она безумно скучала.

Драко больше не мог смотреть, как Гермиона страдает. Он осторожно подхватил её на руки и сел с ней на диван, крепко прижимая к груди, словно защищая от всего мира. Его движения были полны заботы: он гладил её по плечам, по голове, целовал в лоб, давая ей возможность выплакаться, не произнося ни слова. Просто был рядом, позволял быть слабой.

У него в голове проносились десятки мыслей, как помочь ей отвлечься хотя бы ненадолго, чтобы этот праздник не был омрачен для неё. Может, стоит попробовать создать новые воспоминания — светлые, тёплые, по-настоящему счастливые? Он наконец решился прервать тишину:

— Послушай... Я понимаю, я не твои родители. Но я могу устроить праздник для нас. Мы поставим ёлку, украсим все комнаты башни... Что там ещё принято у магглов? — он заметил, как лицо Гермионы чуть просветлело, и, обрадовавшись этому, широко улыбнулся. — Ну же, помогай, знаток маггловских традиций! — добавил он и тут же принялся её щекотать.

Они вместе смеялись: Гермиона от щекотки, а Драко от радости, возникшей из-за её улыбки.

— Хорошо, хорошо, Драко, только прекрати, — румянец расплылся по её щекам, а в голове Драко пронеслась мысль, что ничего очаровательнее он не видел.

Гермиона стремительно вскочила с его колен, превратившись в знакомую всем версию Гермионы-старосты,

чья организаторская жилка включалась безупречно. Драко охотно принял на себя роль помощника и перенес в гостиную с помощью магии все коробки с украшениями, хранившиеся в их общей башне.

Каждую из коробок Грейнджер раскрывала с неподдельной радостью, бережно выкладывая одно украшение за другим, аккуратно вытирала с них пыль и рассматривала на предмет сколов или потертостей. Продолжая открывать одну коробку за другой, она наткнулась на игрушки, сделанные своими руками. На дне лежал старый пергамент, на котором аккуратным почерком были записаны имена прежних старост и год, когда они создали эти украшения. Оказалось, что традиция по изготовлению игрушек брала свое начало с рыцарских времен, а наложенные заклинания сохраняли коробки и игрушки в почти первозданном виде.

Гермиона на мгновение замерла, прижимая пергамент к груди, а затем с особым трепетом вынула одну из игрушек из коробки и повесила её на ветку.

— Драко, это же настоящая реликвия! — воскликнула она, восторженно оборачиваясь в его сторону. — Мы просто обязаны сохранить эту традицию и создать свою особенную игрушку.

Как он мог отказать ей, когда она смотрела на него с такими горящими глазами? В этот момент Драко вдруг осознал: он был бы не против праздновать Рождество хоть каждый день, лишь бы видеть Гермиону такой — вдохновлённой и счастливой. Он мягко улыбнулся и сказал:

— Конечно, Грейнджер, я прямо сейчас...

Он уже занёс палочку, но тут Гермиона остановила его, слегка нахмурившись:

— Без магии, мистер Малфой. Исключительно своими руками.

Её наигранная строгость только умиляла его, и в такие моменты он понимал, что совсем не против немного подчиниться своей упрямой, но такой любимой ведьме.

— Ладно, мисс «у-меня-задание-сделать-игрушку».

Никакой магии, — с показным вздохом он убрал волшебное древко в сторону и взялся за ножницы, клей и картон.

Спустя двадцать минут Гермиона опустила на стол свою готовую работу к их общей подделке. Тем временем Драко сосредоточенно клеил крыло, высунув язык от напряжения, его руки были измазаны клеем, на щеке красовалась капля блестящего лака, а над одной бровью прилип снежок из ваты. Пару минут Гермиона наблюдала за ним, изо всех сил стараясь не вмешиваться... но, в итоге, не выдержала. Взмах палочкой — и все детали у Драко аккуратно склеились и встали на место. Их игрушка обрела законченный вид: две фигуры — парень и девушка с крыльями, словно ангелы, кружились в воздухе.

— Никакой магии, да, Грейнджер? — прищурился он, глядя на неё.

— Я не говорила про себя, — ответила она с невинной улыбкой и хихикнула, вставая с дивана.

Её настроение явно было на высоте — и Драко радовался, что ему удалось вытащить её из грусти.

— Ах ты, хитрая лиса, — Драко сорвался с места, словно хищник, и бросился за ней. Гермиона успела сделать только пару шагов, прежде чем он ловко перехватил её за талию и прижал к себе.

— Попалась, ведьма, теперь не убежишь от меня, — прошептал он ей на ухо, чувствуя, как её смех согревает сильнее любого огня.

— Я давно твоя, и это было лучшим решением, — она откинула голову ему на плечо, а он мерно покачивался с ней в руках, наслаждаясь запахом хвои и теплом их объятий.

Взгляд Драко упал на стол, где лежала их теперь уже законченная игрушка.

— Ну что, как назовем нашу игрушку?

Гермиона задумалась, словно это был вопрос жизни и смерти, и развернулась в его объятиях, чтобы видеть лицо Драко, пока будет озвучивать свой вариант.

— Как насчёт: «Клейкая катастрофа как символ перемен»?

— Очень мило, — он шутливо закатил глаза и фыркнул

от смеха. — Но я бы предложил что-то попроще, например: «Драко и Гермиона летят выполнять дела старост».

Гермиона засмеялась:

— Да, последние месяцы мы только этим и занимаемся. Нам бы и правда крылья не помешали. Но, если серьёзно... можно просто подписать её нашими именами. Это просто мы. Мы, обретшие крылья благодаря друг другу, — Гермиона мягко улыбнулась и Драко ответил ей тем же. Им было понятно все без слов. — И обязательно нужно поставить дату, чтобы лет через десять-пятнадцать мы все еще могли вспоминать этот чудесный вечер.

— И ты снова заставишь меня клеить без магии?

— Обязательно, — с довольной ухмылкой кивнула Гермиона.

Ровным, каллиграфическим почерком Драко вывел на небольшой бумажке их имена и дату, на этот раз аккуратно приклеив её к основанию игрушки Гермиона, воспользовавшись моментом, когда он отвернулся, тонким пером дорисовала к его имени маленькое сердечко. Ей показалось, что это — трогательная деталь, невинный штрих, отражающий её нежную влюблённость.

После этого они повесили игрушку на одну из верхних веток ёлки. Драко немного приподнял Гермиону, чтобы она дотянулась и повесила её на самое видное место. Когда украшение елки подошло к концу они отступили назад, чтобы полюбоваться проделанной работой. Драко посмотрел на Гермиону и прочистил горло, говоря тихо, чтобы не испортить момент:

— Знаешь, я подумал... пусть это будет не просто наша традиция... а наша первая семейная.

Она замерла, не сразу осознавая смысл слов, а потом медленно повернулась к нему с распахнутыми глазами.

— Семейная? — прошептала она.

Драко с лёгкой неловкостью пожал плечами:

— Ну, знаешь... Я не говорю о свадьбе прямо завтра, но... если ты не сбежишь от меня с криками, я бы хотел, чтобы мы

когда-нибудь праздновали Рождество не только как пара. А как семья.

Гермиона молча обняла его, крепко-крепко. В её объятиях было всё: согласие, нежность, обещание.

— Не сбегу, — прошептала она, уткнувшись носом в его шею. — Только если ты будешь клеить игрушки без магии. Всю жизнь.

Он поцеловал её, вкладывая всю серьезность своих намерений в поцелуй, а она отвечала так, как чувствовала, как желала. Оторвавшись от его губ, она произнесла:

— Спасибо, Драко. Ты делаешь меня такой счастливой.

Он взял её лицо в ладони и серьёзно посмотрел в глаза:

— Это я должен сказать тебе спасибо. Ты столько сделала для меня: ты дала мне шанс измениться, шанс быть рядом и любить тебя. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Драко. Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества, любимая.

Позже, глубокой ночью, когда в камине догорали последние поленья, освещающая его спальню мягким золотистым светом, Драко обнимал спящую Гермиону. Она уютно устроилась у него на груди, дыша спокойно и размеренно. Он медленно скользнул пальцами по её волосам, не отрывая взгляда от уже родных черт её лица.

Именно в этот момент он твёрдо решил: следующее Рождество Гермиона обязательно встретит с родителями, окруженная теплом и заботой. Он сделает всё, что в его силах, чтобы она снова обрела ту часть себя, которую потеряла. Он не мог изменить прошлое — но мог позаботиться о её будущем, ведь она являлась самой драгоценной частью его жизни. Его Гермиона.

Десять лет спустя

— Папа! Папа! Когда мы будем наряжать елку?

Малышка Мирелла носилась по гостиной, пока отец не подхватил её на руки. Она заливисто рассмеялась, но тут же

выпрямилась и устроилась у него на руках с важным видом — ну прямо настоящая маленькая леди! Её крохотные пальчики деловито завоились с его галстуком, пытаюсь его развязать.

— Папа, если мы не нарядим елку, то некуда будет складывать подарки, — очень серьёзно сообщила она.

Он с трудом сдерживал улыбку, пытаюсь сохранить такой же деловой вид, как и у его дочери, но уголки губ всё равно начали подниматься сами собой.

— Милая, мама скоро вернётся с работы, и мы обязательно начнём украшать. Потерпи чуть-чуть. До Рождества ещё есть время, — мягко ответил он, опуская её на пол.

Затем он слегка наклонился и заговорщически добавил:

— А пока... почему бы тебе не упаковать свои подарки? Уверен, твой брат с радостью поможет тебе — особенно, если ты хочешь упаковать свой красивый рисунок, который ты так упорно прятала от нас эти дни.

Мирелла слегка покраснела от того, что её тайну раскрыли, но согласно кивнула, как будто речь шла о важнейшей миссии. Уже через мгновение она исчезла в коридоре, громко зовя брата.

Оставшись один, Драко подошёл к окну. На улице тихо падал снег, устилая сад тонким белым слоем. За его спиной вспыхнул камин, и он услышал легкую поступь. Гермиона, несмотря на каблуки, ходила почти неслышно — будто парила над землёй, но Драко всегда чувствовал её приближение на интуитивном уровне.

— Миссис Малфой, — он повернулся лицом к ней и тепло улыбнулся. — Мы тебя заждались. Мирелле уже не терпится наряжать елку.

По правде говоря, Драко и сам каждый год с нетерпением ждал этого момента, — когда вся семья собирается вместе, в доме пахнет корицей, сладким какао и хвоей, каждый рассказывает смешные истории или вспоминает любимые традиции.

Но одна всё ещё оставалась для Драко и Гермионы особенной. Они никогда не забывали про ту самую игрушку, сделанную десять лет назад. Каждый год они доставали её

из отдельной коробки, бережно держали в руках, как символ всего, что они построили вместе — с нуля, своими руками, склеивая, исправляя, иногда не без помощи магии... но всегда с любовью.

Гермиона сняла пальто и, подойдя ближе, позволила ему обнять себя за талию.

— На самом деле ей не терпится получить подарки, но мы опустим этот момент, — они вместе засмеялись, как будто это была их с Гермионой давняя шутка.

— Она вся в тебя, Драко, — Гермиона поцеловала его в щечку, — такая же нетерпеливая перед праздниками.

В этот момент в гостиную вбежали дети: Мирелла обняла Гермиону за ноги, а Орион, всегда сдержанный и вежливый мальчик, остановился чуть поодаль, ожидая своей очереди на приветствие. Гермиона с улыбкой пригласила дочку по волосам, а затем протянула руку сыну, замечая тень грусти на его лице. Она присела перед ним на корточки и ласково погладила по голове.

— Что случилось, милый? Ты выглядишь грустным.

Орион опустил взгляд.

— Я просто... скучаю по бабушке Джин и дедушке Гэри...

— Ох, дорогой, — тихо прошептала Гермиона, заключая его в объятия.

Она вспомнила как когда-то также грустила из-за отсутствия своих родителей. Благо теперь всё изменилось: после выпуска из школы Драко обыскал едва ли не весь магический мир, пока в далёкой африканской деревне не нашёл шамана, который согласился помочь. Тот не только создал зелье восстановления памяти, но и лично полетел вместе с Драко в Австралию, чтобы убедиться, что всё сработает. Шаман был настолько тронут историей их любви, что оставил им обереги для дома — для защиты, уюта и крепкой памяти.

Гермиона помнила, как Драко устроил ей сюрприз в день рождения, вернув ей родителей и ту часть души, которую, как она думала, она навсегда утратила. В тот день он не просто вручил ей подарок — он вернул ей семью. А вскоре после этого,

с благословения её родителей, Драко сделал предложение. Это воспоминание согрело её изнутри, и на губах появилась мягкая улыбка. Она взглянула на Ориона и решила, что пора порадовать сына.

— Я хотела, чтобы это был сюрприз... — начала она с озорным огоньком в глазах, — но... на самом деле бабушка Джин и дедушка Гэри обязательно придут сегодня. Они немного задерживаются, вот и всё.

Глаза мальчика тут же загорелись.

— Правда?!

— Абсолютно, — Гермiona кивнула. — Они очень старались успеть до Рождества. Просто у них было много дел: открытие собственной стоматологической клиники недалеко от нас, всё нужно было подготовить, наладить, запустить. Но теперь, когда всё готово, они смогут навещать нас гораздо чаще. Так что скоро вы будете видеться почти каждую неделю, вот увидишь, дорогой.

Орион обнял маму за шею так крепко, что у Гермiony защипало в глазах.

— Спасибо, мам. Я так скучаю по ним.

Она провела рукой по его волосам и прошептала:

— Я тоже скучала когда-то, но теперь всё хорошо, и мы вместе отметим праздник.

Гермiona встала в полный рост и посмотрела на Драко, который пребывал в абсолютном счастье, его жена и дети — о большем он и не мог мечтать.

— Ну что, а теперь время творить рождественское волшебство.

— Без палочек, да? — со смешком уточнил Драко.

— Ты прекрасно знаешь правила, — ответила Гермiona, кивая в сторону коробки, где бережно хранились старинные игрушки. — Сначала реликвии, а потом всё остальное.

Мирелла бережно открыла коробку, в которой на мягкой подложке покоились старые, но хорошо сохранившиеся украшения. Гермiona присела рядом и с особой заботой достала ту самую игрушку — две фигурки с крыльями, парящие в танце.

— Вот она, наша первая, — с нежностью прошептала она, показывая детям.

— Вы сами её сделали? — восхищённо спросила Мирелла, глядя то на игрушку, то на родителей.

— Без капли магии, только с клеем и усердием, — усмехнулся Драко. — А ваша мама ещё и правила нарушала, — он подмигнул Гермионе.

— Потому что знала, что так будет лучше, — она по-детски показала ему язык, отчего Драко рассмеялся, а затем продолжила. — Я думаю, пришла пора вам создать свои первые игрушки, чтобы через много лет достать их и вспомнить прекрасное Рождество в кругу семьи.

Мирелла с энтузиазмом захлопала в ладоши:

— Я сделаю бабочку, парящую в воздухе, — она встала, выставив руки в боки. — Мне нужна розовая бумага и блёстки.

Мирелла была так похожа на Гермиону, погружаясь в любую работу с усердием и трудолюбием.

— А я — шоколадную лягушку, — сказал Орион. — Это моя самая любимая сладость.

— Главное — без магии, — напомнил Драко, вытаскивая коробку с бумагой, нитками и клеем.

Каждый член семьи засуетился, раскладывая материалы. Смех, обрезки бумаги и рассыпанные блёстки — всё наполнило комнату живым теплом. В камине потрескивал огонь, за окном медленно падал снег.

А на одной из ветвей ёлки покачивалась та самая игрушка — символ их любви, начала новой жизни и традиции, которую теперь продолжали их дети.

Всё хорошо,
модель мой

🎵 Саундтрек Coldplay — Fix You

— Блять!

Где-то за дверью весело позвякивали колокольчики — магическая гирлянда у лифта не переставала петь рождественские песенки.

Гермиона Грейнджер тяжело откинулась на спинку рабочего стула и прикрыла глаза. Запоздало поднесла руку ко рту, вспоминая, что маленький Скорпиус уже начал разговаривать, а значит, фильтровать свою речь ей стоило уже сейчас.

Но как это сделать? Вопрос хороший.

Перед рождественскими каникулами все словно с ума посходили. Она, будучи помощником министра (*который, вот тебе новость, решил устроить себе отпуск чуть раньше*), утопала в проблемах и бумагах. Как метафорически, так и физически.

Каждый отдел должен был сдать годовой отчёт, прежде чем уходить на праздники, но (*никогда такого не было, и вот опять*) к концу последнего рабочего дня у неё не доставало бумаг по трём из них:

Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними;

Отдел магического транспорта;

Отдел тайн.

Гермиона рисовала образ трёх котлов со жгучей тянущейся лавой, которые уже ожидали начальников этих отделов где-то на девятом кругу ада — том самом, где наказывают предателей. А как их ещё назвать, если вчера все трое клятвенно обещали к утру предоставить все необходимые документы?

А сегодня прятались, как крысы по углам, стоило ей появиться на их уровне.

Всё это нервировало. Раздражало. И забирало остатки сил.

Гермиона рано вышла из декрета, Скорпиусу едва исполнилось три месяца. Потому что она знала, что нужна здесь. Кингсли, привыкший перекладывать на неё большую

часть задач, с её уходом в декрет совершал ошибку за ошибкой, расшатывая всю систему, которая после войны так и не стала достаточно стабильной.

И она, отрывая младенца от сердца, каждое утро надевала дорожные костюмы, призванные повисить её авторитет в глазах коллег, и, скрепя сердце, покидала их уютный домик в пригороде Лондона.

Вот только Гермiona не учла одного: чем больше она возьмёт на себя, тем сильнее окружающим захочется сесть ей на шею. И свесить ножки.

Игриво болтая ими, хватать её за кудряшки и, словно объезжая послушную лошадь, заставляя вышагивать в том направлении, в каком им заблагорассудится.

Вот и сейчас все ждали, что Гермiona сама напишет отчёты. А она могла бы — ведь вникала в работу каждого отдела тщательно и скрупулёзно. А после праздников всё сотрётся из памяти, превращаясь в очередную историю.

Историю, в которой она прогнулась. *Снова.*

Гермiona ощущала на себе груз непосильной ноши. Наверное, первыми на её шее оказались Гарри и Рон — ещё в школе, когда она брала на себя самую нудную и скучную работу, лишь бы они продолжали с ней дружить.

А после — все без разбора занимали там своё место.

И вот к двадцати восьми годам она отчётливо осознавала, что не может больше идти. Это её остановочка.

Никаких сил не осталось.

И Гермiona, опустив голову в ладони, так просто и по-девчачьи нелепо разрыдалась. Громко всхлипывая, издавая уродливые шмыгающие звуки.

Какой стыд. Показывать эмоции на рабочем месте было верхом непрофессионализма.

Но ей было обидно.

До болезненных спазмов в груди — обидно.

Она проводила на работе по десять часов в день, минимум, — пропуская детство своего ребёнка.

Она отдалилась от мужа и не помнила, когда в последний раз искренне интересовалась тем, как у него дела.

Она в мыле бегала по всему Министерству, чувствуя такую ответственность за всё происходящее, словно без Гермiony Грейнджер этот мир перестанет функционировать.

Но как-то же он существовал до её появления? И останется после?

Может, стоило перестать подпитывать внутренних демонов, которым так нравилось быть нужными, — и заняться, наконец, тем, что действительно было важно?

Что она получила, бесконечно жертвуя всем ради того, чтобы быть *значимой*?

Отношения с мужем, которые в лучшем случае можно было назвать прохладными?

Ребёнка, который практически не видел свою маму?

Карьеру, в которой роль няньки для взрослых дяденок и тётенек вытесняла реальные цели и мечты?

Гермиона не была уверена, что это было именно тем — нужным.

И слёзы, не переставая, стекали по её раскрасневшимся щекам, беззвучно опускаясь на рубашку стоимостью в половину её ежемесячного жалованья.

Что-то в этой системе было явно испорчено. Просрочено. Истончало смрад затхлой системы ценностей, которой она больше не была способна придерживаться.

Крушение этой системы началось не сегодня — и даже не вчера. Возможно, первая трещина пошла в тот день, когда она вновь встретила Драко Малфоя.

— Грейнджер?

Гермиона повернулась на голос — смутно знакомый, словно тот был ниточкой, ведущей в прошлое, за которую она так и не успела потянуть.

— Малфой?

Перед ней стоял... он. Только вот не та версия, к которой неизбежно привела бы эта ниточка, — а обновлённый и безусловно улучшенный Драко Малфоя.

Гермиона прошла по списку:

Красивый — несомненно. Харизматичный — приподнятый уголок губ вынуждал соглашаться и с этим. Высокий — она была на каблуках, а Малфой всё ещё возвышался над ней, загребая своими лёгкими, кажется, весь воздух в комнате. Засранец? — вот это предстояло выяснить.

Гермиона давно поняла: именно последний пункт делал из обычного мужчины предмет её интереса.

После неудачной попытки построить отношения с Роном она вынуждена была это признать.

Её привлекали засранцы.

— Что ты здесь делаешь? — она опомнилась, замечая, что всё это время Малфой молча оглядывает её с ног до головы — точно так же, как и она его — делая какие-то только ему известные пометки.

— Я консультант по этому делу. Тебе не сообщили? — оторвавшись от сканирования её ног, лениво протянул он.

Кабинетик хоть и небольшой, но между ними — расстояние. И какая-то тяга, то ли любопытства, то ли нужды, заставила сделать шаг. Второй.

Малфой, как кот в ожидании миски со сметаной, наклонил голову и хмыкнул, подпуская.

Игра.

Но ей не хотелось быть мышкой в этой истории.

— Нет, мне сказали лишь, что будет специалист по... — чёрт, ну конечно! — Гермиона хлопнула себя по лбу, понимая, что именно он как нельзя лучше подходил на эту роль.

Она тогда работала в Отделе тайн, и ей только исполнилось двадцать четыре. Гермионе поручили разобрать огромную гору конфискованных из домов Пожирателей Смерти проклятых предметов.

И пообещали выделить помощника. Человека, который знаком с большинством проклятий, которые накладывали чистокровные на свои побрякушки.

Но почему-то она не задумывалась — о том, кто это мог быть.

Хотя поручить такое дело волшебнику, который уже несколько лет владел лавкой древних артефактов и самостоятельно очищал их от тёмной магии, было... логично.

— Ну-ну, малышка Грейнджер, не стоит причинять себе боль из-за меня,— нечто игриво-скользкое промелькнуло в его глазах. — В конце концов, если тебе нравится такое — я всегда ношу ремень.

Она не покраснела. Не закашлялась.

Лишь закатила глаза, ставя галочку напротив последнего пункта своего мысленного списка.

Засранец. Определённо.

Они работали вместе несколько недель. Каждый день «случайно» соприкасаясь локтями, ногами, волосами — и, ради Мерлина, даже носами всё чаще.

Не скрываясь флиртуя.

Стреляя глазами друг в друга в ожидании — кто первый не выдержит и снимет, наконец, трусы в знак капитуляции.

Но не это было важно.

Малфой наблюдал за ней. Постоянно. Шестерёнки крутились в его мозгах, анализируя и записывая каждый её шаг.

Когда работа подошла к концу, он сказал то, что перевернуло в будущем всё её представление о границах.

Между тем, что было для *неё*, и тем, что ей абсолютно точно *не предназначалось*.

— Грейнджер, — его тон был серьёзен. — Ты работаешь качественнее и эффективнее любого из сотрудников этого отдела, а тебе поручают задания, за которые больше никто не хочет браться. Не смей на это соглашаться. Больше никогда. Поняла меня?

Обычно ей не нравилось, когда кто-то пытался забрать из её рук драгоценный контроль.

Но почему-то в тот раз она позволила.

Молча кивнула.

Впервые осознала, что достойна большего — и начала карабкаться по карьерной лестнице усерднее. Отказываясь довольствоваться подачками жадных до власти начальников.

Его «*поняла меня?*» и стало первой трещиной в её системе координат.

Кстати, в вечер завершения совместной работы её бельё всё же капитулировало.

А чуть позже то же сделало и её сердце.

Гермиона вытерла слёзы и посмотрела на часы, которые издевательски прогремели о конце рабочего дня. Предатели не появились. *Какая неожиданность.*

Она призвала несколько чистых пергаментов, которые ни за что не смогла бы найти среди всех этих бумаг, и макнула перо в чернильницу. Расчерчивая таблицу от руки — ту самую, где позже окажутся цифры — бездушные маркеры продуктивности и списанного в ноль бюджета — Гермиона хмурилась.

Сегодня было уже двадцать третье декабря. А она даже не подумала о подарках.

Её полуторагодовалый сын заслуживал получить железную дорогу, по которой ездил бы заколдованный поезд. Или это слишком рано для него?

Может, мягкую игрушку? Книжку? Зачарованного дракона, который будет летать под потолком? Звёздочки, которые не погаснут даже самой тёмной ночью?

Мысли вихрем кружились в черепной коробке, пульсация в висках выдавала заметный перегрев. Гермиона не могла пошевелиться — застыла с пером в руке, с которого крошечной каплей стекали чернила на только что аккуратно вырисованные столбики.

Она не знала, что подарить своему ребёнку. Не имела ни малейшего понятия.

Какой матерью это её делало? Дерьмовой?

Скорее всего.

Гермиона тряхнула головой, отгоняя подальше уничтожительные мысли, и продолжила своё занятие. Ей было необходимо закончить отчёты до полуночи и подшить в папку с результатами других отделов.

Да.

Она сделает это. А потом подумает о том, как докатилась до жизни такой.

Когда-то Гермиона мечтала стать матерью и вместе с мужем проводить всё свободное время рядом с ребёнком.

Замечая каждую деталь.

Делать засечки на дверном косяке, обозначая ещё один месяц в жизни маленького Скорпа.

Путешествовать к морю, где крошечные ножки могли зарываться в тёплый песок.

Быть рядом, чтобы увидеть его первые шаги, первые слова и увековечить их в забавных снимках на холодильнике.

Что-то простое и такое тёплое.

Как яблочный пирог с корицей.

Запах которого возвращал в детство и давал чувство защищённости.

Сидя в душном кабинете и коря себя за невнимательность к собственной семье, Гермиона думала лишь о том, как систематически, годами, Драко Малфой пытался вытравить из неё хорошую девочку.

Ту, которая жаждала стелиться ковриком перед каждым, кто заметит хоть грамм её трудов.

Удалось ли ему? Сейчас она была вынуждена признать, что нет.

Но тогда...

— Опять задерживаешься? — как всегда без стука Малфой ввалился в её кабинет и, озорно улыбаясь, сложил руки на груди. — Ты должна была уже быть на нашем свидании.

Гермиона подняла голову от бумаг, которые сводили её с

ума. Год подходил к концу, а отдел — который она возглавила совсем недавно — всё ещё не был готов к отчёту. Половина бюджета просто испарилась между строк, тогда как прошлый начальник, покинув Министерство, не выходил на связь.

Она была готова рвать на себе волосы — так сильно боялась, что хищения повесят на неё. И, конечно же, во всей этой суматохе пропустила момент, когда пора было выходить на встречу с теперь уже её бойфрендом Драко Малфоем.

Быть с ним было... естественно.

Она не сомневалась ни секунды, когда он предложил объявить об их отношениях друзьям. А потом — переехать в его дом (который, кстати, был воплощением уюта). И когда впервые заговорил о том, что хочет провести с ней всю жизнь.

Ни единого сомнения.

Для Гермионы Грейнджер это было чем-то *новеньким*.

Вот и сейчас Драко просто ждал, когда она закончит дела. Не предъявляя претензий, не возмущаясь. Он оглядывал её лицо и, замечая тревожную морщинку между бровей, сам хмурился — словно перетягивал часть её страхов на себя.

— Что случилось? — ничего не могло укрыться от его внимательного взгляда.

Драко подошёл к столу и сел на свободный стул, стоявший напротив её собственного.

— Рассказывай.

Ни единого упоминания о брони, которая вот-вот сгорит. Только тревога за неё и открытое желание разрушить до основания это грёбаное Министерство, которое он всегда недолюбливал. Если ей от этого станет легче.

— Бюджет не сходится, — она развела руками. — Я боюсь, что...

Гермиона подняла на него глаза и столкнулась с иссиня-серыми радужками.

— Думаешь, тебя обвинят в махинациях? — холодно бросил он.

Атмосфера леденела. Так было всегда, когда он злился. Но этот мороз никогда не касался её кожи. Она словно

существовала в коконе заботы и тепла, созданном специально для неё.

— Да, — чуть тише произнесла она.

Драко сжал кулак и втянул воздух.

Взяв эмоции под контроль, он отчеканил:

— *Сколько?*

Гермиона взглянула на него внимательнее, чем обычно, не понимая, чем вызван этот вопрос.

Его выражение лица было невозможно прочесть. Но она всё же решила ответить честно.

— В год — двести пятьдесят тысяч галлеонов. Украдено около ста двадцати, — цифры, сухие факты.

Малфой присвистнул:

— Не знал, что отдел с пятью сотрудниками нуждается в таком бюджете.

Гермиона лишь устало прикрыла глаза.

— Он и не нуждается. Раздут искусственно.

— Вставай, — после недолгой паузы произнёс он с уверенностью. — Мы идём ужинать.

Гермиона не могла поверить, что разговор окончен.

— Но...

Малфой, уже проходя к двери, бросил через плечо:

— Пусть попробуют обвинить тебя, Грейнджер. Пусть только попробуют.

— Но... — снова попыталась возразить она.

— Нет, даже не думай начинать. Ты не будешь сидеть тут и тратить нервы из-за каких-то жалких ста двадцати тысяч. Нужно будет — я возьму им всё до копейки. Но до этого не дойдёт.

Он развернулся и посмотрел ей в глаза.

— Только дебил может подумать, что ты способна украсть хотя бы перо из своего любимого Министерства.

Гермиона наконец поднялась со стула и потянулась за зимней мантией, решив послушать совет Драко и попробовать отпустить ситуацию.

— Но вдруг...

Вздых. Словно родитель слушал оправдания провинившегося ребёнка, которые никак не заканчивались.

— Грейнджер, — Драко говорил чуть громче, чем того требовала ситуация, — ты умнее и талантливее каждого, кто работает в этом здании.

— Малфой... — она, как всегда, пыталась остановить его, ощущая, как пятна румянца расплзаются по щекам.

— Нет! — он преодолел расстояние между ними и приподнял пальцами её подбородок, заставляя впитывать его слова. — Это они должны держаться за тебя, а не ты за них. И однажды, когда ты это поймёшь, то покинешь это место навсегда. Без сожалений.

Гермиона возмутилась, вырываясь из его рук:

— Что? Нет, Малфой! Я ни за что не брошу карьеру. Даже не мечтай!

Ей казалось, это какой-то дурной сон. Драко никогда не намекал на то, что она должна уйти с работы и стать образцовой подружкой наследника чистокровного рода.

Но её раздражение потухло, стоило Гермионе увидеть его спокойствие. Он выжидал, когда вспышка её гнева пройдёт, чтобы продолжить.

— Разве я говорил об этом? — Малфой грустно усмехнулся. — Не думал, что ты такого обо мне мнения.

Ей стало стыдно. Она вперила взгляд в пол и качнулась с носка на пятки, не зная, что теперь говорить.

— Иди сюда.

Малфой раскрыл объятия, в которых она могла укрыться, казалось бы, от любых невзгод.

Гермиона, не думая, юркнула в его руки, вдыхая знакомый аромат.

— Я хочу, чтобы ты была там, где тебя ценят, Грейнджер. Где ты ни на секунду не задумываешься о том, что тебя могут обвинить в чём-то подобном. Однажды ты обязательно захочешь оказаться в таком месте.

— А ты? — Гермиона понимала, что в некоторых вопросах была просто невыносима.

— А я подожду.

В тот вечер их бронь в одном из лучших ресторанов Лондона всё же сгорела. А Гермiona согласилась выйти замуж за Драко Малфоя (при условии, что ей будет позволено оставить свою фамилию) в небезызвестной сети маггловского фастфуда.

И

Это. Было. Правильно.

Кстати, её всё же попытались обвинить в расточительстве и краже, но дело замяли после одной встречи Малфоя с министром.

Гермиона так и не узнала, на что пришлось пойти Драко ради её желания строить карьеру именно здесь.

Она так и не смогла заполнить таблицу, погрязнув в воспоминаниях.

Драко Малфой — заносчивый, порой вредный до скрежета зубов, высокомерный сноб — какими-то неведомыми тропами пришёл к тому, чтобы стать верным мужем и, казалось, самым заботливым в мире отцом.

Он оберегал их со Скорпиусом, закрывая собой от каждой, даже самой мелкой проблемы. Драко без жалоб и сожалений отказывался от всего в этом мире, если это значило дать своей семье то, что, по его мнению, они заслуживали.

Когда Нарцисса и Люциус хотели лишить его наследства Малфоев, недовольные выбором невесты, он молча кивнул и покинул их дом, держа Гермionу за руку.

И сколько бы она ни уговаривала его попробовать восстановить отношения с родителями, попросить прощения, он лишь качал головой, говоря, что свой выбор уже сделал — и извиняться за него не намерен.

Со временем всё наладилось, его родители поняли, что не готовы терять единственного сына. Но Гермiona помнила, как даже в тот момент, когда её присутствие в его жизни приносило столько хлопот, его взгляд теплел каждый раз, вылавливая её среди других людей. Где бы они ни были.

Важна была только она.

А после — и Скорпиус.

Когда Гермiona сказала, что хочет выйти на работу и нужно нанять няню, Драко временно закрыл своё дело и взял все заботы о ребёнке на себя.

Без единого недовольства. Без ругани и истерик.

С простым: *«Чужой человек не будет наблюдать за тем, как растёт мой сын, Грейнджер».*

Гермиона, зная его любовь к работе, не могла не восхищаться тем, как быстро он принял новую роль — и стал в ней хорош.

Драко обожал сына.

И с какой-то мудростью, до которой Гермione, видимо, было ещё далеко, наблюдал за тем, как она отдаёт всю себя кому-то и чему-то незначительному, забывая о важном.

Да, иногда он аккуратно спрашивал, придёт ли она домой вовремя, чтобы уложить сына.

Или будет ли в выходные свободна, чтобы пойти вместе с ними в парк.

Но, наталкиваясь на стену раздражения, не давил.

И сейчас, вспоминая последний год, Гермiona желала этого.

Чтобы её муж хоть раз стукнул по столу и прикрикнул: *«Да что с тобой такое, Грейнджер?»*

Может, тогда она бы вспомнила, что у неё вообще есть муж.

И ребёнок.

И желание быть рядом с ними.

Мерлин, какая же она дура.

Глянув на часы, она зажмурилась.

Половина восьмого.

Через тридцать минут Малфой уложит Скорпа, а она проживёт ещё один день, так и не обняв своего ребёнка.

Ну уж нет.

Злость поднималась в ней, заполняя собой каждую клеточку, бурлила и переливалась через край. Она не проведёт ещё одну ночь за бумажками, в попытке скрыть чужие ошибки.

Ни за что.

Наспех чиркнув записку, в которой объясняла, почему отчёты не были сданы вовремя, она отправила её в кабинет Кингсли. А после поднялась и накинула на себя зимнюю мантию. Ей нужна была минутка на воздухе, чтобы прийти в себя.

Торопливо спустившись на нулевой уровень, она покинула здание, как никогда радуясь тому, что теперь это можно было сделать не только через камин, но и через старую-добрую дверь.

Свернув в первый же переулочек, она аппарировала.

К ним.

Огни.

Первое, что она заметила, поднимая взгляд.

Их домик, к которому вела каменная дорожка, припорошённый снегом, был усыпан жёлтыми фонариками. И ярко сиял в непроглядной декабрьской ночи.

Гермиона дрогнула. Она даже не знала, что Малfoy украсил их небольшой каменный коттедж. Когда это случилось? Сегодня? Или неделю назад?

Она оглядела сад, застывший в ожидании весны.

Когда она в последний раз выходила сюда попить кофе? Или посмотреть, как Скорп играет в ворохе осенних листьев? Или покачаться на качелях, которые установил для неё Драко, потому что ей очень этого хотелось?

Гермиона не знала.

Её сердце сжалось. Болезненно. Тревожно.

Ждали ли её в этом доме?

Может, у Драко появилась другая, а она и не подозревала об этом? Так же, как и о фонариках, которые влекли её своим тёплым светом.

Словно маяк для кораблей, желающих прибиться к знакомому берегу.

Гермионе нестерпимо захотелось влиться в эту жизнь и оказаться в ней нужной.

Но оставалось ли для неё там место?

Холодный воздух пощипывал нежную кожу ладоней и пробирался выше, пока она медлила в ожидании — то ли знака, то ли храбрости.

Дверь приоткрылась.

— Грейнджер? — на пороге показался Драко. Взъерошенные светлые волосы. Домашние штаны и футболка. Тёплый. Родной. — Что ты здесь делаешь?

Внимательный взгляд, выискивающий очередную проблему, чтобы взять её на себя. Этим она для него стала? Неиссякаемым источником сложностей?

— Я... — Гермиона замялась, не приближаясь. — Можно войти?

Странно, ведь это был и её дом тоже, вроде как. Но почему-то это стало единственным, что она могла и хотела спросить.

Он молчал ещё какое-то время, разгадывая её как сложную задачку. Хмурился, изучая. Складывая и вычитая в своей голове, он раскладывал ситуацию на мельчайшие детали, приходя к каким-то выводам.

А Гермиона, затаив дыхание, ожидала вердикта.

Хрипло, с ленцой:

— *Вернулась?*

Он подразумевал не работу. Гермиона понимала это.

И вот она, словно блудная дочь, подняла глаза и, собирая волю в кулак, тихо и честно ответила:

— *Вернулась, Драко.*

И в этот момент произошёл сдвиг плит её разума — со скрежетом и лязгом. Гора на её плечах начала рушиться и осыпаться под воздействием этих перемен.

Она шагала по дорожке, не оборачиваясь, ища что-то в его серых радужках, сосредоточенных лишь на ней.

Будто всё в этом мире сводилось к ней. Всегда.

И с каждым шагом ей становилось легче. Ощущение этой лёгкости просачивалось горячими каплями в уголки её глаз.

Когда она подошла к самой двери, Малфой сделал шаг ей навстречу, раскрывая объятия.

Из кухни доносился аромат яблочного пирога с корицей и слышался припев её любимой песни:

*Lights will guide you home
And ignite your bones
And I will try to fix you*

**Огни укажут тебе путь домой,
И отопреют твоё замерзшее сердце,
А я... постараюсь собрать тебя заново.**

Которую Драко, осознанно или нет, выбрал для этого момента. Момента, когда Гермиона Грейнджер вновь почувствовала, какого это — вернуться *домой*.

Она, шмыгая носом, пробралась в его руки, чувствуя тепло знакомого до последнего дюйма тела. И уткнулась носом в футболку, заливая ткань слезами освобождения.

Драко крепко сжимал её трясущееся тело и шептал на ухо успокаивающие слова.

— Всё хорошо, *любовь моя*, всё хорошо.

Снежинки кружились в уютной тишине и медленно опадали на землю.

Из дома послышался топот детских ножек и неуверенное:

— Мааама?

А гора на её плечах всё рушилась.

И рушилась.

И рушилась.

Пока не стало совсем легко.

